

ISSN 0130-3600

საქართველოს
ლიტერატურის

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГРУЗИЯ

12

1986

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Чанга. Рассказ. Перевел В. Коленченко	3
МОРИС ПОЦХИШВИЛИ. Стихи. Перевел М. Синельников	19
ИВАН ТАРБА. Стихи. Перевела Р. Казако- ва.	23
МИРОН ХЕРГИАНИ. Тигр скал. Повесть. Перевела К. Коринтэли	27
ВАНО ЧХИКВАДЗЕ. Рассказы. Перевел К. Хучуа	99
БАГАТЭР АРАБУЛИ. Стихи. Перевела Н. Дар- дыкина и Н. Генниа	127

ОЧЕРК

СОЛОМОН ДЕМУРХАНАШВИЛИ. Предсе- датель	131
---	-----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КОБА ИМЕДАШВИЛИ. «Говорить я буду правду...»	138
МАНАНА ГИГНИЕИШВИЛИ. Древнейший па- мятник грузинской литературы	161

12

1986

ВЛАДИМИР ЕРЕМЕНКО. Формула оригинала 167
 НИНО ЧИКОВАНИ. Вклад русских ученых 177
 МАРИЯ КШОНДЗЕР. «Талант есть чудо не-
 случайное» 185

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ.

МЕЛИТОН КАНТАРИЯ. Встречи с маршалом Жуковым 197

ИСКУССТВО

Сорок лет на сцене — ГИВИ ГЕГЕЧКОРИ,
 НОДАР ГУРАБАНИДЗЕ, ГЕОРГИИ ХУХА-
 ШВИЛИ — о Медее Джапаридзе 204
 МЭРИ—СОФИАНИДИ. Этюд о синей скатерти 214

ХРОНИКА 18, 166, 176, 220

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ
 ГРУЗИЯ» ЗА 1986 ГОД... 221

ՀԱՅԿԵՍՏԻ
ՅՈՋՁՈՒԹՅՈՒՆ

НАХШИРНАЯ Гора—
Угольная Гора — так называлось село. Иные, удобства ради, величали его Нахширгорой. Спору нет, прозвание это возникло давно, ещё тогда, когда село окружал, перебегая с холма на холм, столетний лес дубовых, буковых и грабовых деревьев. Немало воды утекло с тех пор. Теперь вблизи известняковых домов и прочих усадебных построек, впритык друг к другу расположившихся на округлой макушке горы, не то что леса, даже одинокого куста или дерева не было видно. Трава и та не баловала своим вниманием лысые склоны, под продувными, знобкими ветрами щерившиеся множеством валунов и грудями битого камня. А ведь раньше, до войны, здесь били родники. Не мощными, правда, ключами, но, во всяком случае, по деревянному желобу в центре села непрерывно бежала прозрачная ледяная вода, прекрасная для питья и живительная для местных засушливых земель. Исстари уж так повелось:

РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ

ЧАНГА

●
Рассказ

Перевел
Вадим Коленченко

вода—праматерь жизни! Где ее нет, там ни сада, ни былинки не вырастает.

Мыкали горе нахширгорцы, мыкали, да так и не найдя другого выхода—а есть-то надо было—пустили по ветру свое единственное богатство — лес, словно в лихорадочной спешке, с непростительной безоглядностью вырубали его до последнего дерева. Твердой рукой человека, поднаторевшего в таких делах, пилили они чернокорые от старости дубы и буки, махали с утра до вечера тяжелыми, с длинной рукоятью, топорами, стараясь свалить дерево так, чтобы сподручней было к нему подступиться, вывезти, разнять на толстые кряжи, которые потом ловко и хватко колоть.

Из края в край разнеслась молва о сноровистых дровосеках. Где только нельзя было услышать: «Ты чего это, родимый, будто нахширгорец, топором размахался, аж щепки пулями свистят?!».

Под выжиг угля селяне приспособили глубокие ямы, подобные тем, в которых гасят известь. Они разводили в ямах огонь, как сотни лет назад делали это их далекие предки, сверху горой накладывали лес и жгли до тех пор, пока сырые, душистые дрова не начинали откровенно потрескивать и превращаться в гладкие, зеркально отполированные головки. Потом за дело принимались женщины. Из ближней ложбины они приносили на плечах узкогорлые кувшины с водой, повязывались платками и заливали жар, чтобы плоды труда их мужей не стали, в прямом и переносном смысле, горстью пепла.

Местный уголь пользовался большим спросом: он был бездымен, горел медленно и долго сохранял после себя тепло. Неудивительно, что такой уголь более всего пришелся по душе кузнецам, за ценой они никогда не стояли.

У каждого нахширгорца в городе — будь то Вера или Чугурети, Сванетисубани или Арсенал — имелись свои давние покупатели. Остановит, бывало, подле его ворот нахширгорец осла, груженного мешками так, что ноги из-под поклажи едва видны, и степенно затянет деланным басом: «Уго-о-о-ль!».

Встречали они друг друга радушно, словно кровные родственники. Кровные не кровные, а кумовьев-крестников с обеих сторон было предостаточно: куплей-

продажей отношения нахширгорцев с горожанами не ограничивались.

Война удвоила цены на уголь. Конечно, мужчины Нахширгоры, все, кто мог держать в руках оружие, ушли на фронт, но оно, подобно тысячам других сел в безраздельном властвовании женщин, стариков и детей, продолжало рубить лес и выжигать уголь. Город зябнул, нуждался в топливе и не скупился платить за него лишние деньги. Ранним утром, еще и третьи петухи не откричали, по тропинке, ведущей из села, как прежде, проминаясь под тяжелым грузом, мерно шагали молчаливые ишаки, а через пару часов на улицах хмурого, оцепеневшего от стыни города раздавалось привычное: «Уголь... Кому уголь хороший?!».

Война войной, но жизнь в Нахширгоре продолжала идти своим чередом. И, правду сказать, что за село, где не видно котов и собак, не мычит возвращающаяся домой скотина, не визжит застрывший невзначай в изгороди поросенок.

Как встарь, в известняковых домах при небольших наделах, палимых немилосердным летним солнцем, — спасительной лесной тени не было уже в помине — жили люди. И как встарь, рядом с людьми жили их верные четвероногие друзья. Пес имелся почти у каждого селянина; надо было видеть, как, почуяв чужака, бросались собаки к воротам и поднимали такой истошный, злобный лай, хоть затыкай уши.

В этой невообразимой мешанине вокальных дарований собачьей братии угадывалась одна-единственная мысль: дом, земля, на которой он стоит, по каким-то явным или неписанным законам принадлежат хозяевам и им — преданным хозяйским псам, а значит, ни одна живая душа, без особого на то разрешения, не должна ступить сюда ногой. Потому-то вор, надень он хоть шапку-невидимку, не мог проскользнуть в село незамеченным. Собаки разорвали бы злоумышленника в ключья еще до того, как он, крадучись, вошел бы во двор чьего-либо убогого дома. Днем собаки лежали в тени невысоких заборов, со скучающим видом время от времени оглядываясь по сторонам. Порой иные из них бежали в лес следом за хозяевами (если, конечно, те пинком и окриком не возвращали собак назад к калитке: не рыскайте, мол, без дела, знайте свое

место), усаживались возле обреченного на срез дерева и грустно смотрели, как человек безрассудно сидит на сук, на котором сидел сам.

Крестьян, возвращавшихся из города или из лесу, собаки встречали приветственным лаем, поодиночке, а то и всем скопом выбегая на улицы села. Ошалев от радости, они носились взад-вперед, льнули к ногам, норовили лизнуть руку, катались по земле, словом, всячески выражали свою любовь и преданность.

Сказать по чести, люди не оставались в долгу. Хозяева любили своих бессловесных товарищей, зачастую проявлявших чувства вернее и искренней, чем иное наделенное даром речи существо. Псы блаженствовали, когда их гладили по голове или чесали им за ухом; большего им и не надо было. Эти простые ласки они воспринимали как сострадательное расположение к себе, готовность хозяина защитить их от зубов более сильных сородичей, да и от любой другой напасти.

Когда леса не стало, а над вырубками загуляли суховеи, родник высох, и старая Элизбариха своим иступленным, в зазубринах, топором срубила последний куст шиповника на краю лощины, не только люди, но и собаки сменили норы: тревожная, напряженная замкнутость искала выхода.

На гумне за околицей села, подняв морду кверху, обнажая беззубую, ярко-красную пасть, рваным, надтреснутым голосом лаяла Чанга, старая собака Элизбарихи. Седая от холки до кончика хвоста, с перебитой лапой, причинявшей при ходьбе невероятную боль, она была старейшиной всего песьего племени Нахшир-горы.

Лай, а скорее вой одряхлевшей Чанги, в котором чудилось какое-то недоброе предвестие, уже порядком надоел всей деревне. Пару раз даже мужики, изведенные беспрестанным скулежом, совсем было решились прихлопнуть Чангу из дробовика, да нашлись на ее счастье сердобольные люди — заступились за псину. «Пусть гавкает, — говорили они. — Не сегодня-завтра сама окочурится, зачем лишний грех на душу брать».

«И то правда, ну ее к лешему», — остывали разгоряченные крестьяне, переламывали ружья, доставали из густо смазанных маслом казенников патроны, рас-

совывали их по карманам и, взбросив одностволки, словно мотыги, на плечо — дулом вперед, назад прикладом, — расходились по своим домам.

— Здесь дело неладное. Чанга — собака умная, зря надрываться не будет, — говорили одни. — Верно, что-то сказать хочет, да не вымолвит, а может быть, просто нам не понять!

— Как же, держи карман шире, — огрызались другие, в основном, молодые, так и подмываемые, видно, желанием вновь схватиться за ружья. — Откуда у Чанги ум? Хозяйка ее и та давным-давно из него выжила. Пустое городите!

— Злорадство и спешка тут ни к чему, серьез нужен! — успокаивали легкодумов бывалые люди и приводили новые доводы в защиту собаки. — Видит бог, Чанга о чем-то предупреждает. Помогите наше слово, как бы потом локти кусать не пришлось! Силится что-то сказать, да не может, говорит, а нам невдомек. Неспроста ведь ее все время на ток тянет, а за ней туда все собаки окрест сбегаются; собьются в кучу, и ну заливаться, будто тяжба у них или спор какой!

— Может, они, по-твоему, и совет держат?!

— А почему бы нет? Одному богу это известно!

— Ой, вахлаки вы темные, невежи сущие, и долго еще в суевериях жить будете? Не пора ли умом посветлеть?

Последний, вызолоченный солнцем сноп нахширгорцы обмолотили перед самой войной; теперь люди пресный, безвкусный хлеб привозили из города, цеп навек канул в прошлое, и старый, изработавшийся ток — хотя ровный, без выбоин — порос пахучей бузиной вперемежку с одуванчиком и подбелом. Вот здесь и устраивали собаки свои шумные, непонятные сборища.

— Мать честная, а ведь и впрямь тут что-то происходит! — согласились на следующий день те, кто ночью, на всякий случай вооружившись крепкой палкой, с восходом луны подошел к току и своими глазами увидел странную картину.

— Собаки, как пить дать, чем-то обеспокоены, но чем — никак в толк не возьмем!

— Ты близко подобрался? — расспрашивали любопытные очевидцев.

— А то как же! Шагах в десяти-двенадцати за-
таился. Дальше не сунулся — боязно стало. А ну как
набросятся: десять рук имей — не отобьешься!

— А они, часом, не бешеные?

— Вот и я о том же. Но днем-то ведут себя сми-
рно, никого не трогают.

— Ну и что с того?! Эта зараза, если пристала, в
любой момент вспыхнуть может. Тихо, тихо, а потом
— на тебе!..

— Так что же нам делать в конце концов?

— Будем ждать.

— До каких пор? Пока псы всех не перекусают и
мы тоже не очумеем?

Трудно сказать, учуяли или нет погруженные в
заботы деревенские собаки разноречивость хозяйских
мыслей. Может быть и да, но виду, во всяком случае,
не подали. Престарелая Чанга по-прежнему каждую
ночь брела на ток, жалобно, с подвывом, тявкала, при-
зывая соплеменников продолжить жаркий спор. Каза-
лось, она дала кому-то таинственный обет и теперь ви-
дела свой долг в его неукоснительном исполнении.

Тем временем на селе стали разворачиваться иные
события.

Однажды утром, когда солнце уже припекло, из
города прибыли три глянцевобокие «победы». Сопро-
вождаемые громким собачьим эскортом, они миновали
окраину и остановились в центре села. Начальство
хмурилось и не решалось вылезти из машин до тех
пор, пока хозяева — кто уговором, кто бранью — не
отогнали своих псов и, одобрительно шутя, не окружи-
ли приехавших товарищей.

Гости обошли Нахширгору, ее обратившиеся в пу-
стоши окрестности, поместили что-то в записных книж-
ках и собрались в ветхом дощатом здании сельсовета,
чуть ниже в ряд ли уступавшей ему по возрасту об-
лупленной часовенки с провалившейся крышей и сло-
маным крестом.

— Питьевой воды нет — это полбеды, — говори-
ли они, — воду можно из Манглиси или из Цалки про-
вести, в Триалетских горах ее полно, у сельсовета
средства есть, загвоздки не будет. Вопрос в том, какой
вообще прок от этого? Зачем вода приютившемуся на

пустынных холмах нищему селу, коль оно стало в тятю гость самому себе?! 1933

Что можно было ответить на это?

Даже зелень для заправки лобно, не говоря уже о хлебе, мясе и молоке, нахширгорцы давно покупали на городском базаре. Скотина перевелась, словно ее и не было. Сивоусые старики с чубуками в зубах покачивали головами и вспоминали давние времена: эх, животина наша! Бывало, гонит пастух с пастбища коров с телятами, вымя у всех полное, налитое, а ты рядом держишься, в оба смотришь, чтоб ненароком не оступились!

Теперь все как дождем смыло. Если и была на селе у кого пара голов, держали их дома на привязи, вместо свежей, сочной травы кормили привезенными из города концентратами — молоко, дескать, жирнее будет — и выводили со двора только на водопой. Они, может, и того не делали бы, но родник пузырился далеко, в Окросеульской балке, и оттуда воду для скотины таскать было тяжеловато.

— Чего мы здесь сидим? — галдели крестьяне, в большей степени, чем к кому-нибудь другому, обращаясь к себе. — Ждем у моря погоды, пока Микел-Габриэл к праотцам не позовет? Неужели так трудно нашему начальству пособить одной маленькой захудалой деревеньке?! В чем мы провинились? Ведь видят: зерно не всходит, лоза не растет, пастбища сгнули, жить нечем! Один лес был, да и тот, по своей или какой там глупости, весь вытравили до последнего корня. И море черпаком вычерпашь! Раз такое дело, что ж нам теперь, с голоду помирать вместе с семьями, в могилу сходить раньше срока?

— Рабочие руки и внизу, в долине, тоже нужны, — разрядили обстановку ответственные лица, собравшиеся в скособоченном дощатом домишке. — Кто надумал перебираться, пусть в долгий ящик не откладывает, сейчас же записывается у секретаря. Сразу же указывайте, сколько у кого душ. Поселим вас в городе в больших многоэтажных домах, а долги будете постепенно выплачивать, сами понимаете: рубли с неба не падают. Там, на новом месте, если, конечно, с умом да без лени жить, и еды и питья у вас вдоволь будет. Ну что, согласны?

Призадумались крепко нахширгорцы. Они и раньше не сторонились этой мысли, слали письма, обивали пороги учреждений с просьбой или провести в село дорогу для машин, или переселить их куда-нибудь в другое место; теперь же, когда дело приняло серьезный оборот, крестьяне стушевались, забегали тайком друг к другу. Иные бросились за советом к своим кумовьям-горожанам, давним покупателям угля: как быть, подаваться в город или нет, а вдруг пропадем — на десятом этаже больно не распрыгаешься, живность держать нельзя, в земле не покопаться, да и ко всему прочему сны дурные замучат.

Усмехнулись рассудительные, обывкиши в житейских передрягах кумовья: не открещивайтесь, чудакки, от удачи. Много ли у вас в Нахширгоре кур и свиней?.. Вы же, бедолаги, как и мы, все с базара несете, последнюю деньгу на прилавке оставляете!

Доказательства горожан были стройны и убедительны — комар носа не подточит. Назад нахширгорцы вернулись с твердой уверенностью в том, что артачиться и, тем паче, отказываться в этом случае все не стоит. К тому же решение по этому вопросу уже внесли в государственные планы и теперь воспрепятствовать переселению не смогли бы ни крестьяне, ни даже сам всевышний.

Собаки совсем взбесились. Горе было пришлому человеку, изредка — наперечет в году — появлявшемуся на узких, запруженных всяким хлаььем улочках Нахширгоры. Да что там пришлому! Псы кидались на собственных хозяев, ни днем, ни ночью не давая им прохода.

— Никак белены объелись, — в лукавом простодушии удивлялись нахширгорцы, — чувят, видно, что мы отчий край оставляем, вот и читают отходную.

До принятия окончательного решения и после, в суматошных приготовлениях к переезду на новое место, о деревенских собаках никто не думал. Больше того — о них даже не вспоминали. Оно и понятно: до собак ли тут, когда решается участь родного села и на веса судьбы брошены его прошлое, настоящее, будущее!

Первые грузовики с домашним скарбом уже готовы были тронуться в путь. Шоферы забрались в ка-

бины, и только теперь неистовый, злобный лай собак заставил крестьян растерянно переглянуться, будто не слышали они раньше этого отчаянного, раздражающего душу вой.

— А Бролию разве мы не берем с собой? — нарушили молчание меньшие и, увы, самые неспособные жители Нахширгоры — дети.

— Да где ж мы ее там держать будем? На девятом этаже и нам туго придется, не то что собаке!

— А как же они тут без нас одни? Мы же все уезжаем. Вон и старая Элизбариха пожитки увязала.

— Это-то верно, сынок. Ну что ж, поглядим на других, как они, так и мы поступим.

А те, другие, были точно такого же мнения: возьмет сосед собаку с собой, и я ее захвачу; но на этот шаг никто не отваживался. Слишком уж обременительной виделась перспектива совместного проживания в городских квартирах людей и собак.

— Оставим им съестного на неделю, ну, а там с божьей помощью и сами выдюжат, прокормятся как-нибудь, — решили крестьяне.

...Подняв облако пыли, уехала из села последняя машина. Собаки, надсадно лая, бежали следом до самого гумна, потом остановились, тоскливо повиляли хвостами и уселись, понуро опустив головы на передние лапы. Зашло солнце, спустились сумерки, но никто из них не трогался с места. Будто ожидая чего-то, они по-прежнему сидели на току. В деревне не было ни души. Мрачно зияли окна пустых домов, молчало радио. Только на горизонте, в далекой низине, разночередно мигало несметное множество электроогней. Это город яркими сполохами света врезался в ночь, нависшую над обезлюдевшим селом.

В полночь из-за туч выплыла луна, залив своим ровным, царственным сиянием хмурую землю. За ежевичными зарослями, в бузиннике раздался протяжный собачий вой. Псы встрепенулись, словно стряхнув с себя невеселые мысли, приподнялись и наострили уши. Это была Чанга, старая Чанга, голос ее узнали сразу. Некогда резвая и двужилная, любимица чабанов, гроза дичи, теперь она — дряхлая, усохшая — с трудом волочила искалеченную лапу и тяжело разе-

вала беззубую пасть, исторгая такой знакомый остальным собакам клич.

— Случилось то, дорогие мои сородичи, что мы уже давно чутьем чуяли и чего так страшились, — обратилась Чанга к собакам, когда все собрались на току и тесным кольцом расположились вокруг нее. — Покинули нас люди. Навсегда ушли из этих мест. Ни упреку, ни предостережению нашему не вняли. Да что мы, отчие могилы и те их не удержали!

— Как же нам быть, Чанга? — зашумели собаки.

— Что же мне посоветовать вам, горемыки? Старая я, больная, одна нога уже там. Не сегодня-завтра совсем преставлюсь. Если что и тревожит меня, так это ваша судьба — трудно без людей придется.

— Не оставят они нас, вернуться.

— Кто это сказал — не оставят?

— Я.

— А ты почему знаешь?

— Люди и раньше уходили, а потом возвращались снова. Разве не так, братья?

— Так, так.

— И вы думаете, на этот раз они тоже вернуться?

— Вернутся, непременно вернуться.

— Да, но они не уезжали на машинах все до единого, с семьями, с пожитками. Помнится ли вам такое?

Ответа не последовало. Собаки молчали: память у них была хорошая.

— Ну, а сейчас расходитесь по своим конурам, — спокойно продолжила мудрая Чанга. — Завтра, в полнолуние, мы снова соберемся, чтобы окончательно решить, как жить дальше, если уж хозяева предали нас и ушли отсюда. Неладно на душе, но, правду говоря, мне тоже не верится, что люди навсегда порвали с прошлым, отдали свои земли ветрам на откуп, а могилы пращуров — на разор шакалам.

— Молодец, Чанга! Вот это другой разговор. Поживем — увидим, раньше времени зачем воду мутить?!

Рассвело. Жаркие лучи раскаленного докрасна солнца упали на землю. Это было первое утро обезлюдевшей Нахширгоры и оставшихся в ней единственных обитателей — неприкаянных псов. Глядя на село

издали, с Ласточкиного бугра или с Косого угора, ос-
рых перемен можно было и не заметить.

Точно вылепленные из глины, стояли приземистые
дома с черепичными крышами, в нестройном обрамле-
нии булыжных заборов зеленели крохотные — с ла-
донь — дворы, сиротливо ежилась старая церковь и с
холма вниз, почти до того самого места, где когда-то
шумел вербняк, сбегало запущенное кладбище, за-
бранное полуобвалившейся изгородью. Но попадаи в
село случайный путник, пройди по узким, извилистым
улочкам, — его взору предстала бы картина жуткого
опустошения. В одних домах окна и двери были на-
глухо заперты: сказалась привычка к обособленности,
в других — распахнуты настежь, словно хозяева нена-
долго отлучились и вот-вот вернуться. Во дворах валя-
лись оставленные за негодностью топчаны с обломан-
ными ножками, латаные-перелатаные одеяла, ворохи
истрепанной одежды и прочей бросовой дряни. При-
знаков жизни нигде не было видно. Даже собаки, из-
нуренные адской жарой, приуныли и не подавали го-
лоса.

Долгий день нехотя катился на убыль. Летом он
кажется бесконечным, не дождешься порой, когда по-
веет вечерний ветерок и остудит дневное пекло. Стен-
нело. В чистом небе мелко засветились звезды. То там,
то здесь стали перекликаться собаки — держитесь,
дескать, друг друга, не пропадем, — а едва взошла лу-
на, как все они, не дожидаясь воя Чанги, сбросились к
току.

— Ну, что скажете теперь? — многозначительно,
не без легкой издевки, спросила Чанга, точно и не она
давеча обнадеживала их. — Где же ваши люди?

— Но ты же сама говорила, Чанга!

— Говорила. Что толку с того, что говорила! На
слове ловите?!

— Какого же дьявола тогда спрашиваешь! Если
знаешь что, скажи, а мы послушаем.

— Братья! Настало время испытаний! Пусть лю-
ди убили в себе совесть и покинули родные места, мы,
собаки, не пойдем этой предательской тропой, не оста-
вим своего села. Здесь мы родились, здесь выросли, и,

если вправду зовемся псами, а не шакалами, здесь нам суждено и помереть. Правильно я говорю?

— Ты так говоришь, Чанга, словно кто-то нас бежать задумал. Верно-то, но тогда и это, светлая твоя голова, скажи: что нам есть, чем пробавляться? Похлебка, приготовленная людьми, прокисла в этой жаре—дотронуться нельзя. У тебя под ложечкой не сосет? Что уж такого — этакое оставила тебе вечно голодная старуха? А набить брюхо и завтра надо будет.

Ничего не ответила на это Чанга, да и что она могла сказать; сглотнула только слюну и вытолкнула из глубин сердца отчаянный вой, горьким упреком людскому бездушию разнесшийся над землей.

Ночью разошлись комары и наглые постояльцы собак—блохи. Бедные псы, отбиваясь от своих мучителей, проклацали зубами до самого утра. На рассвете, едва они сомкнули глаза и погрузились в легкую дрему, внизу, со стороны города, послышалось надрывное урчание мотора: машина упрямо карабкалась в гору.

— Вот и уладилось... — подумали про себя собаки, в радостном оживлении высыпали на улицы и опрорхивались кинулись на долгожданный шум. — Едут люди, едут, возвращаются в свои дома! Ура-а-а!

— Откуда столько собак? — спросил сидевший за рулем мужчина своего спутника. — Может быть, где-то поблизости питомник и они оттуда дали деру?

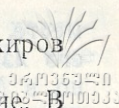
— Да вот и я ничего не понимаю. Наверху, по моему, село. Это, видно, деревенские псы.

— Но их уйма! Чего они за нами увязались, да и гавкают подозрительно. Нет, тут из машины нос высовывать нельзя. Лучше вообще ноги уносить.

— Значит, вернемся. А как же Мцкерисцихе?

— Как знаешь, но останавливаться и выходить вовсе не стоит. Может быть, они бешеные. Как только приедем в город, заявим в милицию.

Машина сбавила ход, прижалась к обочине, подождала, пока рассеются клубы пыли, и стала разворачиваться. Собаки смекнули, в чем дело, расшвирипели, со всех сторон еще плотнее окружили машину

341935340
110933

и, остервенело лая, точно понуждали ее пассажиров передумать и не покидать села.

Три дня и три ночи царило полное спокойствие. В селе и его окрестностях все было тихо. На четвертую ночь небо заволокло тучами, хлынул проливной дождь и потоками влаги освежил сморщенную, потрескавшуюся от безбожной суши землю. Собаки разбрелись по дворам и из своих конуренок грустно смотрели на долгие струи ливня. В эту ночь гроза будто выплеснула на землю годовой запас молний и громовых раскатов. Раньше в такую пору сельские ребятишки вылетали на улицы и босиком шлепали по лужам. С радостными криками и визгами обегали, бывало, все село. Ликующие псы неслись позади, и долго, до самого полудня сотрясался воздух от неудержимого веселья детворы и заливистого собачьего лая. Теперь всюду камнем лежала тяжелая тишина, и только шум бесконечного падения крупных дождевых капель касался слуха притихших собак.

На заре все прекратилось, и от земли, измочаленной за ночь дождем вдоль и поперек, стал подниматься горячий пар, словно кто водой из кувшина обдал тлеющие угли в обжиговой яме. Взошло солнце и жара сделалась невыносимой. Ко всему прочему у собак от голода сводило желудки. Они умяли уже все, что можно было разжевать и отправить внутрь, облазили в бесхозных домах каждый закуток — вдруг у людей завалилась какая-нибудь снедь, — нутром чувствуя безнадежность своих поисков и не веря в запасливость крестьян: им, голякам, оставлять было нечего. В кладовых бегали одни крысы и мыши, да с таким проворством, что ослабевшим собакам угнаться за ними было не под силу. Чангу голод мучил больше других. Уши у нее поникли, глаза затуманились, но стойкость осталась прежней, и строго прозвучали слова, обращенные к своим: «Худо нам, худо, но не приведи бог озлобиться друг на друга. Стыд и срам тому псу, который прольет кровь сородича!».

— Как же нам быть, Чанга? Мудрости тебе не занимать, дай совет.

Трудно сказать, что ответила на это Чанга, как увещала она сотоварищей, ибо очевидцев из людей никого в ту пору рядом не было, да и окажись кто на

месте, вряд ли он, по простому неразумению собачьего языка, смог бы что-нибудь понять. Так или иначе, но в Мухатцкаро — близлежащем селе пожилая крестьянка, вдовая пестунья троих детей, вместо своей оставленной ночью на выгоне годовалой, выросшей на отрубях телочки нашла лишь ее дочиста изглоданные кости. Зверь задрал, но какой?! Село всполошилось. Перетолкам не было конца. Старики в открытую удивлялись, откуда посреди лета, в июльскую жарницу взяться зверью, и полагали, что дело в чем-то другом. Теперь скотина паслась только днем, а к ночи люди загоняли ее домой, опасаясь новой вылазки неведомого разбойника.

Народ в Мухатцкаро был ленив и тяжеловат на подъем. Если не у всех, то у каждого второго непотребно отвисало брюшко. С приходом вечера мужиков силком было не вытянуть из дому. Охота давным-давно забылась. Никто не помнил, когда в селе убили последнего зайца, не говоря уже о крупной дичи. Потому-то и мудрено было крестьянам сыскать удобное место для засады, чтобы подстрелить повадившегося зверя или изловить его капканом, освежевать, требуху отдать собакам, а шкуру, как когда-то, в давние времена, растянуть на кольях и пронести по всему селу.

О том, что нахширгорские собаки промышляют ночами, а утром возвращаются и преспокойно отсыпаются дотемна, стало известно после того, как в дело вмешалась одна замаранная, супоросая свинья, оставшаяся по недосмотру хозяина под открытым сумеречным небом. Завидев разъяренных, юдичавших псов, она с кошмарным визгом бросилась к селу, ткнулась в плетень, царапаясь о колючки, рылом проделала дыру, нырнула внутрь и сломя голову побежала по полю. Измаянные двухдневным голодом нахширгорские псы, на бегу роняя слюну, совсем было настигли свою поживу и вот-вот готовились зубами схватить ее за ляжку, как караульные посты Мухатцкаро дружным лаем оповестили село о беспорядках и тотчас над домами понеслись людские крики: держи их, держи!

— Назад!.. — резко скомандовала одна из преследовавших свинью собак, гася свой последний, быть

может, решающий прыжок. — Если сейчас не повернем, они, треклятые, дорогу нам перережут. Да еще ружья в ход пустят!

...Чанга сидела на опушке леса и поджидала молодцов, отправившихся за добычей в Мухатцкаро. Они припозднились, и Чанга, боясь, как бы не случилось лиха, хотела пройти лес, чтобы с мыска оглядеть глухие овраги. В это время невдалеке раздался бешеный лай. Чанга обмерла: ее гончаки, похоже, были не одни. За ними мчалась огромная свора других собак.

«Чертовщина! Этого только не хватало!» — подумала Чанга, собралась с силами и, припадая на большую ногу, затрусила к своему селу. Хижина старой Элизбарихи стояла на ближней окраине. Только бы успеть к месту, а там уже Чанга ничего не боялась — кровная сторонка не выдаст. Она успела. К этому сроку первые нахширгорские псы домчались до своих заборов, духом перемахнули через них и развернулись на изготовку, чтобы в родных стенах с утроенной яростью дать отпор преследователям.

Драка была жестокой. Чангу колотила мелкая дрожь. Всем своим старым сердцем она стремилась туда, где кипела смертельная схватка и дебелие, раскормленные хозяевами мухатцкаройские псы рвали в клочья изможденных, тощих — кожа да кости — нахширгорских собак. И в чем только провинились эти жалкие, отчаявшиеся, замороженные горе-добытчики?!

Сами порядком искусанные, окровавленные, мухатцкаройские мстители лишь за полночь покинули безлюдное село, оставив на его узких улочках и пыльных дворах до костей растерзанных, подышающих псов. Пару дней еще по-над землей стлался тихий, жалобный скулеж, потом он смолк и наступила полная тишина.

Будто ветром подхватило и разнесло слух о собачьем побоище. Докатился он и до живших в городских многоэтажках нахширгорцев. Защемило сердце, вспомнили они родное село, верных собак, оставленных там, собрались, вышли на улицу, поймали такси и полузабытой дорогой отправились в путь. С трудом добрались до места. А едва подъехали к избенке старой Элизбарихи, которую совсем недавно, в прошлый вторник, схоронили, как огромной черной громадой с

мерзким, ледящим душу карканьем взмыло вверх воронье, дожиравшее на земле остатки падали. Все вокруг потемнело. На небе и маленького просвета не осталось.

— Горе нам, горе!..—в сердцах воскликнули ужаснувшиеся люди и сорвали долой с голов шапки, как это делается, по обыкновению, при виде покойника. — Глазам бы не смотреть! Омертвела бедная Нахшир-гора! Воронью досталась!

Но это было не совсем так. Во дворе старухи судорожно цеплялось за жизнь еще одно живое существо — вконец изнемогшая от голода и жажды Чанга. У несчастной собаки уже не было сил поднять отяжелевшую, словно свежераспиленная буковая колода, голову, не было сил взвыть, адресуя последний, всепрощающий стон небу и людям!

ХРОНИКА

В итальянском городе Варезе прошел V международный симпозиум по грузинскому искусству, на котором собрались видные ученые из СССР, Италии, Швейцарии, Франции, ФРГ и многих других стран. Советскую делегацию на этом представительном симпозиуме возглавил директор Института истории грузинского искусства имени Г. Н. Чубинашвили Академии наук Грузинской ССР, академик АН республики В. Беридзе.

Оргкомитет нынешнего форума ученых, под руководством профессора Бергамского университета Нины Каухчишвили и профессора Венецианского университета Луиджи Магаротто проделали

большую организационную работу.

На симпозиуме были представлены высококвалифицированные научные работы зарубежных картвелологов, которые внимательно следят за этапами развития грузинского искусства и культуры. Большой интерес представили доклады о взаимоотношениях грузинского искусства с другими странами. В частности, из доклада французского ученого Н. Тирьи стало известно о фреске, обнаруженной в храме Ошки (ныне на территории Турции).

Международный симпозиум в Варезе еще раз подчеркнул большой интерес научных кругов зарубежных стран к грузинскому искусству.

ТВОРЧЕСТВО

Выкипающим хмелем
 Нипочем не упиться,
 Не разжиться весельем
 В мастерской живописца.

Что ж ты чуда не видишь,
 Не споткнешься в дороге
 И огня не похитишь
 В олимпийском чертоге?..

Не молитв узорочье
 И не лепет напетый —
 Это праздник рабочий
 В царстве вольном поэта!

Лучше в бешенстве яром
 Перережь себе горло,
 Только б тронуло жаром
 И дыхание сперло!

Только пыл бескорыстья
 И упорство воловье...
 Только собственной кистью!
 Только собственной кровью!

ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА

Да будет благословенна та сила иль та благодать,
 Которая в теле моем тебя поселила.

С верою и сомнением —

вновь и опять —

С лирой и только с лирой!

Да будет благословенно твое покрывало, земля,
 Которое заново стлалось над вспаханной новью,
 И солнце, которое в детство улыбкой целя.

Кормилицею вставало у моего изголовья.
Благословенье высохшему ручью в тишине.
Померкшему Дню, прошедшему мимо.
Небу, которое тянет незримые руки ко мне,
Дороге, ввысь уводящей неостановимо.

Да будут благословенны делящиеся со мной
Светом, жилищем, хлебом!
Да будут благословенны
  ливень и зной,
Снег и трава под высоким небом!

УТЕШЕНИЕ

Лес забыл мое имя,
Шепчет ласково:

«Швило»...

Повелел он калине,
Чтобы, вспомнив о сыне,
Утешать
  поспешила.

Птичьим щебетом лечит,
Шлет пчелу мне навстречу,
Торжествует над стужей сердитой.
Снова солнцем согреты
  кирпичины печи,
Соты солнцем залиты.

Не делю я с другими
Боль, что сердце сдавила...
Лес забыл мое имя,
Шепчет ласково:

«Швило»...

●
Опять куплю
  синеглазых фиалок,
Пешком доберусь до Мцхета, приду в Оками.
Твою высокую бурю осилил, но в куцах малых
Твой легкий шелест убил меня — лепестками.

Только твою песню
я слышу!

Пока не сгину,

Я только твоему тихому шепоту верю.
Пусть высохший корень иссохнет — до сердцевины,
Погасший очаг померкнет перед раскрытой дверью...

И если тебя не увижу,
и если душу
В ноги тебе не брошу, как траву расстилают,
Знай: лишь тебя я жажду, и жажда меня задушит,
Только из-за тебя сердце мое умирает.

ЛАСКА

Я, как вену,
упругую вскрою строку,
Захлебнувшись весны лучами.
Я в песок, как прохладная кровь, протеку,
Словно скорбная мудрость молчанья.

Я путями — руками твоими — обвит.
Только сладко
объятие душное.

О земля!
Полюбить мне тебя предстоит,
Простодушная, великодушная!

Я — твоё зерно!
Жизнь тебе отдаю.
Только попусту не перемалывай...
Должен пасть я в живую рану твою,
Словно в борозду — семя малое.

Не поверю я, что тебе не люб.
Я — как глины ломоть — без имени.
Возврати меня
теплотою губ,
Ты, земля моя, обними меня!

БАЛЛАДА ВОЛНЕНИЯ

Вал.. иль дымки волоконца
Нимф морских скрывают лица?

Здравствуй, раковина солнца!
После бури свет родится.

Вторя соловьиной ноте,
Роза к высям хочет взвиться.
Здравствуй, небо, что в полете
Через семь витков родится!

Совести упорство, здравствуй,
Воля сердца — мысли птица,
И любовь, что в жизни часто
После злой вражды родится!

ФРАГМЕНТ НАСТАВЛЕНИЙ

Ты, как Атлант, поддерживай мосты,
Как варвар,

солью посыпая раны.

И будь ярму, как буйвол, верен ты,
И плуг тяни, и солнца диск багряный,
Со старостью по-детски поиграй.
И горечь перельется через край,
Когда к траве душа твоя склонится,
Тогда и пой — в толпе тысячелицей.
Терпи и жди —

однажды в высоту

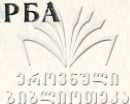
Подбросят сердца юности качели,
И полюби... Конечно же — вон ту!..
Ее никто не замечал доселе.
В песках дорогу пеньем проложи
И ближнему не откажи в надежде,
И юные лелея мятежи,
Туда взлети, где не летали прежде.
А смерть придет,

да будет перед ней

Лишь совесть исповедницей твоей.
Пощады не проси, еще упрямей,
Чем юность, что за гранью давних дней
В гранитном замурована Сурами.

Перевел Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

...ВЕРИТЬ ЭТОМУ НЕ НАДО!

Где-то выше гор — совсем темно,
 Неужели снова к непогоде?
 Что же делать? Глупо и смешно
 предъявлять претензии природе.

Грянул гром, угрюмо возвестя
 грозного начало поединка.
 Шквал терзает волны не шутя,
 и на солнце — черная косынка.

Все сильнее и злей грохочет гром,
 море задыхается от гнева,
 хлещет своим огненным кнутом
 молния нахмуренное небо!

О, какие струи полились!
 Хлынул дождь лавиною на землю.
 По нему, как по веревке, ввысь
 можно лезть, раскатам грома внемля.

Кто сюда приехал отдохнуть,
 помня, как прекрасны эти воды,
 кажется, готов в обратный путь
 устремиться от такой погоды.

Да, на море — в целый дом валы,
 и вокруг все наподобье ада.
 Беспросветна бесконечность мглы...
 Только верить этому не надо!

Пролил дождь последнюю струю.
 Ветер волны успокоил властно.
 Знаем мы Абхазию свою!
 Снова все тепло, спокойно, ясно!

Я начал жизнь с мечты искристой,
чей пламень в буднях не зачах.
Любил я солнечные брызги,
купался в солнечных лучах!

Я полюбил их очень рано,
и всюду их находить взгляд.
Они за мною неустанно
по всем путям моим летят.

Любовь у всех своя на свете,
и свой у каждого удел...
Не так иному солнце светит,
как он бы этого хотел.

А где-то солнце слишком жалит
кинжалом жара своего...
И никому оно не дарит
в готовом виде ничего.

Еще — ответственно и внятно —
наукой сказано давно,
что все же есть на солнце пятна:
несовершенно и оно!

И не везет каким-то странам,
там солнце изредка гостит,
к тому ж, прикрытое туманом,
не улыбается, грустит.

У всех — свой путь, своя забота,
и в этом нет ничьей вины.
Я знаю: солнце для кого-то —
мертвей и холодней луны!

...Когда в семье у нас девчонка
на белый появилась свет,

---

¹ Амра — солнце (абхазск.).

я подарил родник ей звонкий —
как пожеланье звонких лет.

О солнце, ты и ей родное,
как этот нежный луч ни мал.
Чтоб было ты всегда со мною,
я Амрой девочку назвал.

Растет, твоей согрета лаской!
И верю, будет хороша,
как солнце над землей абхазской,
ее счастливая душа.

* * *

Друг, шаги печатай по росе,
делай свое дело безупречно!
Этот мир во всей его красе
не подарен никому навечно.

Он тебя, твоей заботы ждет,
сердцем и умом твоим творимый.
Как ребенка, он тебя ведет
за руку в простор необозримый.

Что-то было, а глядишь — и нет!
Рано ль, поздно ль — кончится дорога.
Ты обязан свой оставить след
для других, бредущих одиноко.

Так ступай утрами по росе,
делай свое дело безупречно!
Этот мир во всей его красе
не подарен никому навечно...

СИМОН ЧИКОВАНИ

«Кто сказал, что мала
Земля моя родная?..»

С. Чиковани.

Та осень в памяти не канет...
О, как ее горели краски!
В Атени на высоком камне
Мы примостились все по-братски.

Там мы вели свое застолье,
и так возвышенно и просто
обменивались хлебом-солью,
сердечные дарили тосты.

Теснились склоны гор могучих,
поэтов одобряя немо.

Неслышно растворились тучи
в просторах голубого неба.

Был мир узорчатою тканью
под зорким оком небосвода,
и в золотое одеянье
с восторгом куталась природа.

А мы стихи читали — ткали
Узор стихов, отчизну пели.
Внимала нам, поэтам, Картли...
Симон, всех больше — не тебе ли?

Ты Грузию родную славил,
И, к славе этой не ревнуя,
по кодексу сердечных правил
я пел Абхазию родную.

На всей планете многоликой
одна земля для нас — святая,
и родину всегда великой
мы сердцем любящим считаем.

Но ты сказал, улыбку пряча,
что Грузия мала, — посмел же!
И я люблю свой край тем паче,
что даже Грузии он меньше...

Перевела с абхазского
Римма КАЗАКОВА.

...Когда в семье у меня в памяти
О, как ее тополя красные
В Атенн на высоком камне
Мы промолчали все по братски...

ТИГР СКАЛ — Повесть

Ограниченность во времени спутала все карты, все планы... Но делать нечего — надо развешивать гамаки и устраиваться на ночь.

27.III.64. Участок № 10. Моросит. Сильный ветер. Черт знает что за погода! Вчера мы предусмотрительно укрылись водонепроницаемым брезентом. Брезент-то водонепроницаемый, но почему наши спальные мешки наутро оказались влажными?..

Вскоре мы снимемся со скал. Складываем гамаки, веревки. Там, где это возможно, вытаскиваем вбитые нами на стоянке драгоценные шлямбуры, завтракаем и выходим.

МЕЧТА О СОЛНЦЕ

— Сейчас я приготовлю еду.
 — Что ты сказал?.. Ты не спишь?
 — Я сварю кисель, ты ведь выпьешь?
 — Вот-вот рассвет. К чему сейчас кисель. Тебе лучше отдохнуть еще немного. Знаешь, у меня так ноют мышцы! Когда ты меня растирал, я спал. Правда спал. Мне снились отмели Лагами. Помнишь, как мы валялись на песке, подставляя солнцу спины, и разминали друг другу мышцы? Вцепишься, словно клещами, двумя пальцами — указательным и большим в мясо, кистью правой руки бьешь наотмашь — и на теле остается красный след... Боже, чего только не выдерживали мы тогда!.. Все тело было в щипках от этого массажа, и самым сильным и мужественным считался тот, у кого было больше щипков...

Окончание. Начало в №№ 10, 11.

Михо отдался воспоминаниям. Кажется, он даже уснул. Котелок булькал на плите. Какими ласкающими, какими сладостными кажутся звуки кипящей воды в царстве льдов и снегов! Когда тело больше не в состоянии согреть себя и леденящий воздух проникает во все поры твоего существа, и натруженные бронхи начинают издавать хрипы, пыхтение и бульканье кипящей воды живо напоминает тебе о родном доме. И теплый отблеск ирреального камина согревает тебя. Согревает, пока приятный обман не рассеет страшная реальность. И тогда пыхтение и бульканье воды может даже раздражать, потому что это оно породило обманчивое видение.

Наконец кисель готов. «Теперь разолью по стаканам...»

Но Михо покачал головой—«Ничего не могу есть». Я насильно влил ему в рот чуточку киселя, но он выплюнул его обратно. Это мне очень не понравилось. «Если ему лучше, почему он не может проглотить даже кисель? — подумал я. — Нет, дело скверно. Группа сломлена. Всем плохо, один я цел и невредим, мне и вправду следует позаботиться о себе, сберечь силы и энергию, потому что работы будет много...»

— Эге-гей!.. Воды... воды... — слышу я голос Илико.

В который уже раз я растапливаю снег, потом с котелком в руках ощупью ползу к палатке, чтобы напоить жаждущих. Растираю поочередно сперва Илико, которому совсем худо, потом Тэймураза, затем снова возвращаюсь в нашу нору, к Михо.

— Побереги себя, слышишь... — с трудом бормочет он.

Да, работы будет предостаточно!..

Что ж, надо взяться за себя. Я съел кисель, открыл мясные консервы. Тем временем рассвело. Я хотел было вздремнуть, но уже нельзя — будет поздно. Я быстро подготовил Михо, пошел к остальным. Никто не хочет вставать. Я безжалостен и суров, ведь выхода нет.

Наконец начинаем спуск.

Михаил и Илико не в силах даже стоять на ногах. Остальные бредут, шатаясь. Что делать, что предпринять? Как тащить на себе двоих? Может, поочередно,

сперва одного, потом другого? Поочередно... Пусть поочередно! Попробуем. А путь труднее трудного — нам предстоит подъем на Западную вершину.

Я вывел на дорогу Михо. Участок отвесный. Идем очень медленно и тяжело. Что ни говори, а 7000 метров! Останавливаемся. С трудом перевожу дух. Я вижу, как ко мне приближается Джумбер. Он отзывает меня в сторону и тихо, чтобы не услышал Михо, говорит: «Илико больше нет».

— Что ты говоришь?! Как?! — я схватил его за ворот куртки.

Ведь я знал, что так будет, знал и видел. И все равно меня потрясло это известие. Все равно смерть оказалась неожиданной и потрясающей.

— Он выглянул из палатки, посмотрел на солнце и упал. Только чуть приоткрыл рот, будто хотел запеть...

Мы оба беззвучно рыдаем, стоя спиной к Михо. Но плакать нет времени. Мы быстро берем себя в руки. Малейшая неосторожность — и все мы погибнем. Главное, чтобы Михо ничего не узнал. Я и сегодня глубоко убежден, что узнай Михо о смерти Илико, наше дело пошло бы еще хуже. Хотя — что могло быть хуже того, что случилось потом...

Вот что случилось потом:

— Что же делать? — спрашивает меня Джумбер.

В его мужественном голосе звучат боль и отчаяние, отчаяние от сознания нашего бессилия, безнадежности нашего положения. Он стоит, опустив плечи, понурившись, дрожа от холода и смятения. Он ждет ответа. Но что я могу ответить?

— Мы все в таком состоянии.

«Разве кто-нибудь навьючивает клячу? Только дурак. Кляча падет, и ничего путного из этого не выйдет...» — проносятся в голове мысли.

— Может быть, попытаемся по очереди... все же попытаемся...

Это говорит Джумбер. Но я уже принял решение и отвечаю ему полуповелительным тоном:

— Ничего у нас не получится. Надо помочь живым. Илико похороним у основания скалы. Потом, в другое время, поднимемся и заберем его отсюда. Сей-

час мы все равно ничего другого не сможем, как бы ни старались...

...И лежит Илико Габлиани на высоте 7000 метров, на полке небольшой скалы, под небольшой насыпью из скальных обломков. Эти обломки тяжелыми глыбами лежат в моем сердце, в сердцах всех, кто знал Илико, кто слышал о его великодушии, мужестве, честности, верности и отваге. И будут эти глыбы отягощать мое сердце до тех пор, пока я не поднимусь туда опять и не перенесу моего Илико на родину, в Грузию, в родную Местиа...

ГИВИ ЦЕРЕДИАНИ:

От нашей площадки по стене идет узкий внутренний угол. Товарищи атакуют его. Кверху он расширяется, принимая форму воронки. Пройти его там будет трудно.

Воронка глазурированная. Когда дневные лучи прорывают толщу облаков и падают на стену, влажная поверхность воронки сверкает. Мы напряженно следим за ушедшими вперед товарищами. Веревка между нами все удлиняется, надежность страховки уменьшается.

Скорость и вес падающего с десятиметровой высоты человека возрастают в геометрической прогрессии. Удержать его на десятом метре от опорной точки веревки и хоть немного приостановить падение практически невозможно, даже современные капроновые веревки не всегда выдерживают такой груз. А еще не исключено, что расшатается опорный крюк либо обрушится скальная порода.

Человеку не дано знать, какое из звеньев, которые он поставил на стражу своей жизни, порвется и подведет... Но, несмотря на все это, первейший долг альпиниста — выполнять свою обязанность до последнего вздоха. Остальное — дело судьбы. Может, он рожден под счастливой звездой? И этого тоже никто наперед не знает.

— Ну-ка, сколько метров, посчитай... — окликает меня снизу Михаил.

— Десять... да, десять метров...

Сверху лишь изредка доносится стук молотка. Ко-

гда между нами опускается плотный туман, стук почти не слышен.

Молчание длится. Проходит минута за минутой, проходит десять минут, двадцать, тридцать... Еще двадцать. Час. Ребята исчезли из поля зрения.

И вдруг снова — точно яблоки с дерева посыпались — наверху застучал молоток!

Мы даже не утираем с лица дождевые капли — до того ли, когда такая радость!.. Наверное, сейчас они проходят воронку.

— Сколько метров? Посчитай, сколько метров!.. — снова кричит снизу Михаил. Он и его тезка управились с упаковкой багажа, подготовились к «транспортировке» и с замиранием сердца ждут сигналов сверху.

Интонация Старшего кажется нам странной. Чего он волнуется, ведь пока что все в порядке, дело, слава богу, идет хорошо — ребята проходят воронку...

— Стук доносится издалека... Вероятно, они проходят воронку... — кричим вниз. — Видимость плохая, но стук слышится издалека...

Как раз в это время задул восточный ветер, содрал со стены завесу тумана, и мы увидели невероятное — штурмующая связка оказалась всего лишь в каких-то нескольких метрах от нас! Они топтались на освоенной полчаса назад высоте. А мы-то воображали, что они проходят воронку! Какое разочарование! Наша радость оказалась напрасной и преждевременной. Во всем виноват был туман. А ведь мы не были неопытные восходители!..

— Десять метров!.. — крикнул я вниз. — Они опять там!

— Тьфу, черт! — чертыхается Джумбер.

Я тоже чертыхаюсь — от стыда и злости.

— Необходимо помочь! Ребятам трудно!.. — кричит снизу Старший.

Через несколько минут он у нас. Не вытерпел, сам пошел на помощь. Он связывается основной страховочной веревкой и идет к штурмовой двойке.

— Не люблю я эти воронки... Никак к ним не подступишься. Попробую обойти сбоку, — сказал он нам и скрылся в клочьях нового наплыва тумана. Лишь по колебанию веревки понимаем, что он продвигается вперед. А ребята замерли. Видно, выбились из сил. Или

потеряли надежду преодолеть воронку и ищут другой путь?

Проходит несколько минут, которые кажутся бесконечностью.

— Все остаемся на своих местах, пока что-то выяснится, — доносится сверху голос Старшего.

Через несколько минут снова застучал дятел. Стук доносится слева. Значит, идут по смежной скале.

Веревка задрожала, дернулась туда-сюда, потом, словно набравшись сил, тихонечко сдвинулась с места.

Мы вздохнули с облегчением. Я посмотрел на Джумбера. На лице его вновь проступила едва заметная улыбка, оно как бы светилось радостью, жизнью, что было так присуще моему другу. Вероятно, то же было и со мной.

— Ребята, что слышно, как дела? — кричит снизу наш носильщик, оставшийся без пары, — Михаил Младший. В его голосе — нотки уныния. Несомненно, одиночество действует на него скверно. Человек в горах может выстоять перед лицом множества опасностей, но рядом он должен чувствовать плечо товарища, который делит с ним радость и беду.

— Веревка сдвинулась!.. Я думаю, они штурмуют... — ответил Михаилу Джумбер.

— Ты там, часом, не загрустил? — крикнул я.

— Загрустил? — отозвался он с подчеркнутым удивлением. — Я прекрасно себя чувствую, вот вы-то сами как?

— Чего ты пыжишься, можно подумать, у тебя званый вечер!

— Ага, вот именно, я развлекаюсь в свое удовольствие.

— Никак медом балуешься, а? Подожди, я крикну им наверх, что ты открыл фляжку с медом!.. — пригрозил изрядно проголодавшийся Джумбер.

— А вот и не угадал!.. Ну-ка вспомни, что мы с тобой уложили в кожаную сумку?

— В кожаную сумку? — задумался Джумбер. — Яблоки... яблоки «кехура», пожертвованные семейством Чартолани... Ты брось там копаться в этой сумке, понял?

— Это почему? Меня жажда мучит, должен ведь я глотку промочить...

— Вот еще! Какое мне дело до того, что тебя жаж-
да мучит!

— Так вот, я тебе говорю, что если человек имеет
на Ушбе воду и пищу, ему и не грустно, и не голодно...
И не холодно — у меня здесь целых шесть спальных
мешков!

Да, положение наше не ахти какое блестящее: вся
провизия у Михаила Младшего, и снаряжение у него,
так что с ним лучше идти на мировую, чем спорить и
препираться.

— Что нам ссориться — мы ведь соседи, нас раз-
деляют каких-нибудь два этажа, и подъезд у нас один,
— начинаю я мирные переговоры, — говорят, брат для
брата — в черный день, то же самое и о соседях можно
сказать, верно ведь?

— Это уже другое дело! — смеется Михаил Млад-
ший и, чтобы поддразнить нас, аппетитно хрустит «ке-
хурой».

— Милостивый государь, простите нас, неразум-
ных, явите милость, помогите истощенным и голодаю-
щим! — у нас и вправду уже слюнки текли, так захо-
телось яблок.

В это время я почувствовал, что веревка качнулась.
Потом она с силой дернулась раз, другой, словно вы-
ловленная в речке форель затрепыхалась в руке и
постепенно заскользила. Несомненно, ребята прошли
целину и поднимаются выше.

Мне хочется крикнуть от радости, но я встречаю
спокойный взгляд Джумбера, и мое возбуждение спа-
дает. К его влажному лицу прильнули клочки тумана.
Я уверен, что Джумбер так же рад, как и я, но он сдер-
жан, он владеет собой.

«Удивительно все же, как ему удается сохранять
хладнокровие в такие минуты?» — подумал я. Джум-
бер Кахиани выглядел таким спокойным, деловым и
собранным, каким я редко его видел. В эти минуты он
был похож на Михаила, о котором говорили, что, мол,
не понять, слева или справа у него бьется сердце.

«Я же знаю, что и ты рад, почему ты не кричишь?
Крикни!» — обращаюсь я мысленно к Джумберу. Но
товарищ мой будто не замечает моего пристального
взора, он упорно смотрит вверх. В каске пожарника он
до смешного напоминает белый гриб. Лицо мокрое от

дождя, капли стекают по щекам, по подбородку... У него характерное для альпиниста худощавое лицо, глаза, привыкшие глядеть далеко вперед, слегка прищуренные. Он крепко держит веревку, на другом конце которой — ушедшие вперед товарищи. И если что-то случится и я не смогу помочь, — я уверен, что он сумеет. Если растеряюсь я, Джумбер не растеряется. Если мне придется туго, первым на помощь мне придет мой товарищ по связке, он разделит со мной все. Он сделает все, только бы спасти мне жизнь. И если его крюк сорвется и сам он последует за мной в бездну, я уверен, что, летя в лабиринт утесов, он прокричит мое имя...

Внезапно мной овладело теплое, необычайно теплое чувство, и странное волнение сдавило глотку. Я не знаю, что случилось в те минуты, но я почувствовал — что-то мягко и горячо щекотнуло щеку — то была невольная слеза...

«Кого, кого я могу любить больше этого человека? Братьев, родственников? Неужели только кровное родство рождает высочайшую любовь между людьми, а не их взаимопонимание и духовная близость?» — думал я. Мне вдруг страстно захотелось заключить в объятия моего друга и расцеловать его, но, разумеется, я сдержал свой порыв. Я только отнял одну руку от веревки и положил ее на плечо моего друга.

Он взглянул на меня, но навряд ли заметил ту слезу, да и как можно было ее заметить среди бесчисленных капель дождя, струившихся по моему лицу!

— Поднимайтесь по вспомогательной веревке, — услышали мы в это время приказ сверху, — осторожно поднимайтесь...

Первым иду я. Джумбер должен следовать за мной, но он категорически отказывается — я останусь, говорит он, помогу Михо тащить груз. Михо остался один, и ему приходилось труднее всех. Труднее уже потому, что он понятия не имеет о том, что происходит в нескольких шагах над ним: основная веревка доходит только до нас.

Шлямбурные крючья, точно серьги, висели на мокром граните, веревка увлекала меня вверх. Другой ее конец крепко-накрепко держали мои товарищи, и я не думал ни о какой опасности. Вскоре я миновал непри-

ступную воронку. Ее гладкие, словно отполированные стены. На гребне скалы меня встречают ободряющими возгласами Шалико и Джокиа. Прильнув к скале, словно рыболовную сеть, тянут вверх капроновую веревку.

— А Михаил? Где Михаил? — спрашиваю я, едва снявшись с основной веревки и оглядевшись. Старшего нигде не видно.

— Михаил? — Шалико посмотрел на уходящую вправо трещину. — Он пошел вдоль этой трещины, чтобы хоть наполовину выполнить сегодняшнюю норму.

Трещина представляет собой пояс полутораметровой глубины, уходящий на северо-восток. Метрах в трех от места, где мы стоим, он теряется в густом тумане. Туман поглотил и нашего руководителя. Мы не знали, где он и что с ним, но, уверенные в его мастерстве и сноровке, не особенно беспокоились о нем. А вскоре над нашими головами застучал дятел. Паузы между ударами и отдаленный шорох обозначали нам преодоленные и освоенные шаги и метры. Какую радость приносит сознание того, что упрямая скала все-таки подчиняется воле человека!

Наконец появились и Джумбер с Михо, который один тащил все наше походное снаряжение, весь наш провиант.

— Послушай, чего ты смотришь, помоги ему... — окликнул я Джумбера. — Вроде ты для того и остался внизу?

— Хе-хе! А ты знаешь, что он сделал?

— В чем дело? — заинтересовались Шалико и Джокиа. — Что натворил этот бедняга?

— Если бы вы знали, что он натворил!

— Он сожрал целую сумку чудесной кехуры! — изрек Джумбер. — Целую сумку! Когда мы с Гиви его засекли, было уже поздно. В этот момент он дожевывал последнее яблоко. Он не оставил нам даже огрызка!

— Ах, вот оно что! Так бы сразу и сказал, мы бы его угостили хорошеньким осколком скалы. Ай-ай-ай!.. — Шалва проглотил слюну.

Михо с преспокойным видом извлек из заднего кармана брюк краснощекое яблоко и звучно откусил добрую половину.

— Глядите, глядите на этого нахала! На этого обжору! — завопил Джумбер, уличая преступника.

— Обжора! Действительно обжора! — единодушно подтвердили остальные.

— Однако!.. Нам тоже не повредило бы сейчас полакомиться яблочком, — неожиданно смягчившись, миролюбиво проговорил Джокиа. — У меня во рту словно пустыня — сушь и жар!..

— Подождите, придет Михаил, он вам покажет! — крикнул кто-то.

Мы все знали чрезмерную требовательность и даже суровость Старшего во время восхождений. Все наши дурачества он считал бы нарушением режима питания и вообще неуместными.

И в это время веревка дрогнула. Сверху донесся шум. Следом по желобу соскользнул мокрый с головы до пят Михаил. Ключья тумана обвивали его фигуру, точно дым.

Шутки разом прекратились.

Михаил спускался молча. Это означало, что дела неважны. Если бы он решил идти наверх, он не спускался бы, а позвал нас к себе.

Михо сразу все понял и молча начал распаковывать груз. Остальные стояли в оцепенении.

— Чего вы застыли, давайте искать трещины для крючьев, — крикнул нам снизу Михо.

Это была обязанность Шалвы и Джокиа. Я с Джумбером стоял на страховке, и поскольку команды снять страховку не последовало, мы изо всех сил сжимали веревку и во все глаза глядели на Старшего.

Каминная полка, на которой мы находились, оказалась весьма удобным местом для ночевки. На ней свободно могли уместиться шестеро. По всей видимости, трещины здесь должны быть. Обнадеживал нас и желоб, по которому спустился Михаил.

Наличие желобов и поясов в горах, тем более у вершины, обычно говорит о мягкости грунта. Потому альпинисты рады им, они являются как бы залогом того, что можно будет вбивать крючья, минуя трудоемкую и утомительную работу — бурение скалы шлямбурами.

— Гамаки и — спать! Утро вечера мудренее, с новыми силами найдем и дорогу, — говорит Михаил.

— Камнепадос можно не бояться, крыша надежно защищает нас!

— Господи, помоги! — бормочет кто-то.

Потом, пока все мы устраивались и укладывались на ночь, почти дотемна сверху раздавался стук. Это Старший не выдержал — еще раз поднялся наверх, к предвершинному гребню...

ХОЧУ РАКЕТЫ!..

Я сижу на обломке скалы. Вглядываюсь вдаль — на север. Ничего не видать — плотный туман скрывает Сванэтский Кавкасион.

Моросит.

Там, наверное, идет снег. Там, на Ушбе, никогда не моросит, там только снежит...

У моих ног начинается Чатинский ледник. Изрезанная глубокими трещинами срединная часть его тоже скрыта туманом. Ледник шумно дышит, словно живое существо.

Целый день сижу я на этом обломке скалы и гляжу на север, гляжу во все глаза... Я жду ракеты — нет, одну ракету, белую ракету. Но вокруг лишь непроглядный серый туман. И вчера ничего не удалось увидеть, а сегодня уже девятое, но не видать ни белых, ни зеленых, никаких ракет!

Дождь усиливается. Капли становятся крупнее. Я продолжаю сидеть. Уже девять, а я все сижу... Идет снег. Не видать ничего, совсем ничего. Пусть идет дождь, пусть падает снег — только пусть загорится ракета, белая ракета!

Половина десятого. Темный занавес падает с небес. Мрак поглощает окрестность. Я тщусь преодолеть, победить этот мрак, эту тишину, натиск мучительного ожидания, тщусь взнудать невидимые секунды и минуты, которые мчатся, текут, как песок сквозь пальцы — неудержимо, необратимо — по лабиринтам бесконечной Вечности...

О, как жажду я ракеты! Увидать ракеты — белые или зеленые!..

ОТ ШЕСТИ ОТНЯТЬ ОДИН, ОТ ПЯТИ ОТНЯТЬ ДВА...

— Удивительно устроена наша жизнь, правда? — останавливаясь на каждом слове, чтобы перевести дух, спрашивает меня Михо.

— Что ты сказал? — я погружен в размышления об Илико, о его семье.

Никогда еще я не чувствовал себя таким опустошенным, выпотрошенным, безжизненным. Внезапно я ощутил слабость в коленях. И впервые в жизни кольнуло сердце.

Никогда прах грузина не хоронили на такой высоте, никогда не оставляли на произвол вершин, снегов и ветров. Илико Габлиани отныне останется здесь. Как встретят в Местиа это ужасное известие?..

Сколько сванов, уходя за Кавкасион либо на заработки, либо на жительство, умирали на чужбине, но родственники и друзья никогда не оставляли их прах погребенным в чужой земле — любой ценой, во что бы то ни стало перевозили на родину, несли крутыми звериными тропами, рискуя собственной жизнью на каждом шагу, и предавали священной земле предков. И вот древний неписанный закон должен быть нарушен. Что же будет, когда вместо пятерых в Тбилиси вернутся четверо и в Местиа вместо троих — двое?..

В какой-то миг явственно услышал я звуки траурного песнопения... Мороз прошел по коже, я содрогнулся...

— Да, удивительна наша жизнь... — повторил Михо.

Я очнулся. Опомился и устыдился собственной слабости. Пока дышу, надо бороться и действовать, двигаться, сопротивляться.

— Ты это о чем? — спросил я Михо.

— Она преподнесет тебе тысячу сюрпризов, тысячу совершенно неожиданных препятствий, и ты никогда не угадаешь, когда и что будет. Помнишь, как я упал в Энгури и обещал ловушку на дроздов тому, кто меня оттуда вытащит? Сколько мы смеялись потом... Но тебе-то я ничего не обещал, ничего не сулил, почему ты меня не бросаешь, почему не отстаешь от меня?

— Замолчи, понимаешь, замолчи, глупости ты говоришь!..

...Таких, как ты, со свечой искать — не найти, горе нам!..

Из рода отцов и дедов славного, горе нам, горе!
Из рода отважного — Габлиани, — горе нам, горе!
— причитали в глубине мачуби женщины в черных одеждах. Причитали, царапали ногтями щеки свои, плакали, окружив широким кольцом ложе, покрытое саваном. Но пусто было оно...

— Что ты говоришь, тебе не стыдно? — повторяю я.

На его лице — чуть заметная горькая улыбка. Он уставился на снег и не собирается подниматься. В его улыбке я читаю: «Все равно я не смогу дожить до земли. Какой же смысл имеет все остальное? Зачем ты столько мучаешься, зачем...».

Я обнял его за талию, заставил подняться. Потом как можно ловчее и крепче ухватил его, и мы двинулись в путь. Черепашьим шагом продвигаемся по подъему к Западной вершине. Кто бы мог подумать, что этот изматывающий километровый гребень мне придется проходить вторично? Кто мог подумать, что пятеро обессилевших, больных человек, подавленных скорбью по погибшему товарищу, будут вынуждены расходовать последние силы на преодоление этого гребня?..

Вскоре и остальные нагнали нас.

Когда мы все вместе, идти как-то легче. Правда, мы не можем помогать друг другу, но тем не менее. На середине подъема я чувствую, что мне становится трудно дышать. Надо отдохнуть. А вдруг Михо не захочет потом встать? Что делать, сейчас выхода нет, я должен отдохнуть. Этот проклятый гребень никак не кончается. Интересно все-таки, сколько же еще нам осталось?

Минуты отдыха проносятся с молниеносной быстротой. Мы полной грудью вдыхали ледяной воздух Тянь-Шаня. Тело предавалось блаженному покою. Но увы, на снегу нельзя лежать долго — это блаженство чревато роковыми последствиями. О, как отяжелело тело! Надо во что бы то ни стало преодолеть эту тяжесть, во что бы то ни стало побороть проклятое искушение валяться на снегу... надо, надо!..

Михо растянулся на снегу и, прикрыв глаза, твер-

дит одно и то же: «Оставь меня в покое, прошу тебя, оставь меня в покое!..»

Темно-каштановая борода, которой он оброс, подчеркивает бледность продолговатого лица, странно удлинившегося от худобы. Нос совершенно красный, видимо, отморожен. Он глубоко дышит. Порой вместе со вздохом из груди его вырывается тихий стон. Его фигура с раскинутыми в обе стороны руками чернеет на белом снегу, точно крест. Черный крест на белом гребне Западной вершины...

...Крест вечного упокоения...

— Чего ты ко мне пристал? Оставь меня в покое!.. — тоном человека, которому надоедают, кричит на меня Михо, вернее — почти шепотом выговаривает эти слова.

— Если ты не будешь меня слушаться, знай, я снимусь с веревки и брошусь в пропасть.

Он открывает глаза, смотрит на меня с испугом и, словно боксер, очнувшийся после нокаута, медленно, тяжело поднимается. Страх за меня, за мою жизнь заставляет его подняться.

Потом дело пошло немного лучше. Правда, через каждые три-четыре шага мы падали на снег и отдыхали, но все равно мы продвигались вперед. Не знаю, как долго мы шли до вершины, но в конце концов поднялись на нее и начали спуск. Спускаться было легче, намного легче. И Михо почувствовал себя лучше.

Вот, наконец, внизу показалась палатка вспомогательной группы. Они встречали нас. Наверное, и пересчитали, и поняли все: один... два... три... четыре... пять... а шестой? Где же шестой? — недоумевают внизу товарищи. Вот кто-то нервно расхаживает перед палатками. И другие засуетились, бегают туда-сюда... Вид лагеря приводит нас в какой-то экстаз. Начинает мерещиться вода... пылающий костер... Языки пламени взвиваются кверху, осыпаются искрами. Мы протягиваем руки к огню, греем их... Увы, это лишь игра воображения!.. Лагерь далеко от нас, очень далеко внизу, как на дне глубочайшей пропасти...

В этих размышлениях и видениях, полных искуса, темнеет, спускается ночь.

И опять мы остаемся одни. Ночь стала нашим властителем, ледяная, кромешная ночь Тянь-Шаня.

Снова начнется бред, начнутся крики и стоны, мольбы — «воды... скорее воды!». Снова будут терзать нас мысли о доме, о близких... и еще — о женщинах. Как знать — быть может, то будут последние наши мысли и мечты, последние желания, обращенные к этому миру...

ДЖУМБЕР КАХИАНИ.

14.18. Участок № 14. Восхождение начинаем в 6 часов 45 минут. Так рано на трассу выходим впервые. Как человек, идущий в потемках, плотью чувствует приближение стены, так и каждый из нас нутром, кожей чувствует возможную опасность, которую готовит нам крыша.

Талая вода крошечным ручейком бежит, каплет нам на затылок, стекает на шею, оттуда за шиворот, на грудь. Капли дождя — как тиканье часов: стучат, стучат, стучат...

Желоб, который представлялся столь обнадеживающим, метров через двадцать развернулся в гладкую стену. Ушба обманула нас, и мы — словно птицы, которых приманили к ловушке обильно рассыпанным кормом. Нам сейчас необходимо было любыми силами вырваться из этой чертовой ловушки.

Некоторое время мы упорно рассматриваем крышу. Вытянув шею, молча изучаем ее, ищем ахиллесову пятую. Тщетно!

Погода странная. Туман поредел, однако все равно метрах в двадцати ни черта не видно. Кажется, собирается снег. Да, так и есть, через несколько минут на наши лица падают первые пушистые снежинки.

— Страховка на шлямбурных крючьях! Если где-нибудь обнаружится трещина, применяйте и скальные крючья! — командует Старший.

Всем ясно: он решил штурмовать карниз сам. Это смертельный риск. Некоторое время мы молчим, в замешательстве переглядываемся...

— Сперва попробуем шлямбурные крючья, — осмеливается возразить Гиви. — Будем идти по-прежнему — связками, часто сменяя друг друга. Десяток шлямбурных крючьев вобью я... — он говорит взволнованно, с опаской.

— И я десять, — поддерживает его Шалва.

— Я тоже вобью десять, — вступает и Джокиа.

— Попробуем на шлямбурных крючьях? — Михаил оглядел хмурые лица. — Поддастся этот чертов гранит?

«Видишь, как она сверкает? Будто затаила что-то недоброе...» — вспомнились Михаилу слова погибшего Мышляева. Они тихо всплыли в памяти, как пузырьки всплывают на поверхность минерального источника.

— Поддастся! Конечно, поддастся! — в один голос отозвались все.

— Ну ладно, пусть так. Может, доберемся до края карниза, и то дело. А потом попытаемся ползком забраться на карниз...

Снова наступило молчание. С помощью шлямбуров они действительно как-нибудь доберутся до карниза, но дальше? Что дальше? Как вбивать кручья снизу вверх? Никто не сможет это сделать, никто на свете. А как они смогут переползти? Если невозможно вбивать крючья, как же возможно переползти? По лицу Михаила нельзя определить, что он собирается делать, на что надеется, но ведь это самоубийство! Он идет на самоубийство... — думали товарищи.

— Значит, так... — Михаил потер руки. — Наблюдает за страховкой Джокиа. Остальные будут действовать согласно с обстоятельствами. Сегодня наша штурмовая тактика несколько изменится...

ОТ ПЯТИ ОТНЯТЬ ДВА...

Рассвело утро — утро стонов и плача. Каждого снедала своя боль. И к этой боли добавлялась одна общая — гибель товарища. Я даже не могу сказать, сколько времени ушло на сборы в дорогу — обессиленные вконец, мы еле двигались, медленно одевались, сделали массаж, сделали перевязки... Наконец сели «закусить».

— Мне сегодня приснился странный сон, идейный, — пытается шутить Тэймураз. — Кирилл, а тебе снился когда-нибудь неидейный сон?

Кирилл педантичен в вопросах питания, его принцип — во время еды не думать ни о чем другом, кроме

еды, и не разговаривать. На этот раз он нехотя, но все же отвечает:

— Что же тебе снилось, может, скажешь?

— Как будто наши запустили спутник и он сбросил какие-то бумажки над пиком Победы, и на одной из них красными буквами было выведено: «Все за одного, один за всех». Не понимаю, с чего это!..

— Обыкновенный сон, — пожал плечами Кирилл, — мы живем в эпоху спутников...

— Это же наш, альпинистский принцип: все за одного, один за всех, — заметил Джумбер.

— Который мы нарушили, да? — возразил вдруг Тэймураз уже иным тоном.

Шутки что-то не получались. И все наши разговоры были вымученные — никому не хотелось говорить.

— Знаете что, давайте-ка отложим на завтра растолкование снов и тому подобное. Сейчас бессмысленно и глупо все, кроме одного — спуска, — вставая, решительно проговорил Кузьмин.

— Пусть Тэймураз пойдет с нами, — предложил я Джумберу и Кириллу. — Вам будет легче идти.

— Нет, достаточно и того, что мы взвалили на тебя Михо... — возразил Джумбер. — Более чем достаточно. Правду я говорю, Кирилл?

Кирилл ушел вперед и не слышал его слов. Тэмо же сказал мне:

— Ты позаботься о брате. Мы как-нибудь спустимся. Постарайся спустить Михо.

На глаза у меня неволью навернулись слезы. Я и по сей день не знаю, от чего они были, эти слезы. Может, от сострадания к моему товарищу с отмороженным лицом и ногами, такому гордому, такому мужественному, который в самые тяжелые минуты не терял присутствия духа и самообладания... Ведь он провел с Илико целую ночь на кручах пика Победы без палатки и без спального мешка! Его товарищ по связке остался там, ближе к солнцу и небу, а он один добрался до нас, выспавшихся в тепле, и не уступал нам ни в чем, даже старался ободрить нас. Мне захотелось нежно обнять его, но не время было давать волю чувствам — нас ждал путь, полный опасностей. Я отвернулся, чтобы он не заметил слез в моих глазах, и,

связавшись веревкой с Михо, стал быстро спускаться по склону.

«Один за всех, все за одного», — этот завет мы действительно нарушали. Я не знаю, кто был в том повинен, но, обернувшись назад, я увидел нечто, больно кольнувшее мне сердце: Кузьмин, Джумбер и Тэймураз спускались другой дорогой... Очевидно, тот склон им показался более спокойным. А ведь вместе мы бы шли лучше — сознание близости друг друга каждому придавало бодрости и удваивало силы.

«Я должен спросить Кирилла... Обязательно спросу, когда спустимся. Почему он не пошел нашим путем? Из каких соображений?..» — думал я. Но ведь я наперед знал его ответ, знал, что он скажет: «Я предпочел ту дорогу, потому что она, по-моему, была более легкой».

«А ты сам? Почему ты не сказал им, чтобы они шли за вами? Почему ты допустил, чтобы они шли другой дорогой? Почему разрешил?» — корил я себя. Что я мог сказать в свое оправдание? Но разве мне было в чем оправдываться? Я вел Михо, тяжелобольного Михо, который почти полностью висел на мне, как тяжелейший груз. И если бы я настаивал, чтобы они пошли той же дорогой, что и мы, я невольно впряг бы их в свое ярмо. А этого я всячески избегал: ведь именно я взялся спустить Михо, я и должен был завершить начатое, потому слово было за ними, а не за мной. Слово было за Кузьминым, и он избрал другую дорогу. Все это я осознал мгновенно и, удрученный, продолжал спускаться — к палатке, к пылающему костру, к фляжкам, полным воды, к человеку, который беспокойно ходил взад-вперед перед палатками и издали воодушевлял и поддерживал меня своим беспокойным хождением, своим нетерпеливым ожиданием...

Вскоре мы спустились на 6000. Я отпустил руку, которой держал Михо, и оглянулся назад, надеясь увидеть товарищей. Нигде ни единой точки! Ничего и никого. А внизу, на 5300 метрах — вспомогательная группа. Я затащил потуже веревку и дернул ее изо всех сил. Я спешил вниз, чтобы узнать там, что случилось.

Склон замечательный, мы мчимся, как на лыжах.

И вот — мы внизу!

Ребята из вспомогательной говорят, что они поднимались нам навстречу.

— Дело неважное, — сказал я. — Группа Кузми-на почему-то опаздывает. Надо идти на помощь. Дайте что-нибудь пожевать, и я тоже пойду с вами наверх.

Только-только мы сели, чтобы наспех проглотить кусок-другой, как на восточном гребне появилась фигура. «Либо Кирилл, либо Джумбер... наверное, за помощью. Конечно, Тэмо не может идти», — подумал я.

Да, это оказался Кирилл.

Он остановился неподалеку, позвал меня.

— Ребята сорвались в пропасть... — тихо выговорил он.

За целый день мы ни разу не видели солнца, но мчащийся к востоку ветер на миг приоткрыл кусок столь желанного неба, и мы поняли, что это — вечернее небо.

«Скорее!.. Что же теперь делать?!» Мы в растерянности посмотрели на Михаила, который продолжал работать у края карниза.

«Может, он и не подозревает, что вечереет?» — думали мы.

— Эге-ге-гей, вечереет, уже стало смеркаться! — крикнули ему хором я и Гиви.

— Повернуть назад? — вопросом ответил он.

— Назад? — мы опешили. Как можно было возвращаться назад! Мы все равно не успели бы спуститься на ту полку и натянуть гамаки, застряли бы на полдороге.

— А если здесь где-нибудь устроиться? — продолжал Михаил, не отрываясь от работы.

— Здесь?.. — мы огляделись вокруг, но ничего похожего на подходящее для ночлега место здесь не было.

— Тут и вправду можно удобно расположиться, только сперва надо как-нибудь своротить Ушбу... — пошутил Михо.

Старший тем временем разулся, спустил веревку и крикнул нам — пришлите английские кеды.

— Кеды? — переспросил Джокиа в нерешительности и посмотрел на нас.

— Да, кеды, английские кеды.

— Послать? А вдруг... — обратился к нам Джокиа,

— Кеды?.. — призадумались мы.

Охота шутить пропала. Мы поняли, зачем ему кеды.

— Ну, чего вы там, живее, у меня уж ноги застыли!

— Послать? — снова обернулся к нам Джокиа, потом посмотрел вверх, на Михаила.

Нам видны были только его ноги в серых шерстяных носках.

МИХАИЛ СТАРШИЙ:

Другого выхода и вправду не было.

Возвращение назад вызвало бы потерю времени, потерю освоенной высоты и упадок настроения. Отступление сейчас, хотя бы с тем неизменным условием, что на завтра мы снова продолжим штурм, было бы почти поражением.

«Нет! Нет! Нет!» — слышалось мне в стуке молотка. И это «нет» означало, что отступления не будет, что мы продолжим штурм, продолжим и победим. Если нет, то — что ж... Но — назад не повернем, не повернем ни за что! В этих размышлениях я зашнуровал кеды, направился к карнизу. Кеды придали ощущение некоей легкости и силы. Сперва я подвигался вперед по веревочным лестницам, которые мы с Джумбером успели закрепить до непосредственных подступов к карнизу. Именно потом начинается самый трудный отрезок этого участка. Так как на отрицательной стене нам пришлось очень тяжело со шлямбурами, подъем надо одолеть ползком. Для того чтобы продвигаться вперед с помощью крючьев, необходимо перенести лестницу с предыдущего крюка на следующий, но сперва его надо вбить, этот следующий крюк, потом закрепить лестницу и подняться на две-три ступеньки выше, потом снова пробурить отверстие, укрепить следующий крюк и снова перенести лестницу... На карнизе, потолок которого образует прямой угол с вертикалью нашего отрезка, переносить лестницу, вбивать крюк и продвигаться вперед можно было лишь в горизонтальном направлении, что требовало особого напряжения, особой осторожности. Потому мы и вы-

целили специально человека, который должен был наблюдать за нашими действиями, контролировать вспомогательные веревки и крючья. Это был Джокиа Гугава, самый старший в нашей группе, самый основательный и степенный.

Беспощадная борьба за покорение потолка карниза завершилась. С максимальной осторожностью мы прошли его. С огромнейшим трудом я пробурил скалу и подвесил лестницу. Теперь предстояло перелезть с потолка на крышу. Именно она нагнала на всех нас страху. Но и выполнение этой сложнейшей задачи еще не означало победы, потому что никто не знал, что таится за карнизом — подобные же карнизы или легко преодолимый скальный участок. Кто мог угадать, какие сюрпризы готовит нам Ушба?

Пока я возился с лестницами, ребята вбили еще по одному добавочному крюку и приблизились ко мне на несколько метров, чтобы в случае, если я сорвусь, страховка была бы более эффективной. Четыре человека стояли на страховке.

И — вот он наконец, край карниза! А что за ним? Я встал на лестницу, выпрямился и провел рукой по поверхности. Она была мокрая, и я почувствовал, как влага затекла мне в рукав. Холод пробрал до пят.

Я снова пошарил рукой — поверхность была гладкой, без малейшей неровности. Какое-то время я в оцепенении стоял и раздумывал, как быть. Найти подступ с другой стороны невозможно, а возвращаться назад немислимо. Нет, тут не о чем думать. Выход один: каким-либо образом забраться на крышу.

Я висел над бездной. Товарищи? Они ждали меня внизу, с замирающим сердцем ждали, чем же кончится этот необычайный цирковой аттракцион.

Я еще больше согнулся, поднялся ступенькой выше. Тщательно, бережно, словно гончар, ощупывал невидимую мне поверхность. Отчаявшись, я уже решил было прекратить поиски, и вдруг — пальцы задели за граненый выступ! Он был словно маленькая ступенечка, которую кто-то вырубил там. Эта неожиданная чудесная находка лишила меня возможности рассуждать. Некоторое время я от радости только хлопал глазами. Кажется, даже смеялся, как сумасшедший. Наконец я пришел в себя. Быстро проверил надеж-

ность выступа и, вцепившись в него обеими руками, втащил свое тело наверх.

Это были, вероятно, самые драматические минуты в моей жизни. Я оттолкнул от себя лестницу и веревки, я отверг страховку, — как Геракл отверг бессмертие, — отныне я сам был хозяин своей судьбы. Единственной нитью жизни, которая соединяла мое повисшее над безднами тело с товарищами внизу, была основная веревка.

Отныне руки мои, глаза, моя ловкость, сила и разум были моими покровителями, лишь от них зависела моя жизнь. Надо было срочно искать новые захваты для рук, чтобы продвинуться вперед, найти опору висевшим в воздухе ногам и хоть немного облегчить тяжесть тела, которая теперь целиком и полностью легла на руки. Руки постепенно слабели, утрачивали силу.

А глаза не возвещали ничего утешительного напряженно работавшему сознанию.

По крыше, во всю ее ширину, струилась талая вода.

Ничего утешительного не подсказывало сердце.

Ничего утешительного не говорили снежинки... Они падали на мокрую крышу и умирали на ней...

Ничего утешительного — о, горы высокие!..

— Хез-хез-эй!.. — непроизвольно вырвалось у меня. — Хе-эй!..

Ужасающим эхом повторили вершины мой крик. Воплем отчаяния прозвучал он в пространстве, звуки заметались в теснинах и вернулись погасшими. На минуту сомнение охватило меня — из моих ли уст вырвался этот крик или кто-то другой, неизвестный и невидимый, испустил его?..

— Чхвимлиан, хоэ-э, Чхвимлиан, где ты, где?! — услышал я в это время голоса товарищей, они отрезвили меня. В тот же миг я почувствовал, как напряглась, натянулась веревка, обвивающая грудь. Кровь побежала быстрее по жилам, тепло разлилось по телу, оно устремилось ко мне по веревке — это было тепло сердец товарищей.

— Веревку!.. Перережьте веревку! — не знаю, насколько громко крикнул я.

Но хорошо помню, отчетливо помню, как, подобно грому, снизу раздались дружные голоса:

— Имвай си, наэ эче! Имвай си!..¹

Я не знаю, что произошло в ту минуту, но внезапно мне откуда-то послышался далекий знакомый клич...

ОТАР ГИГИНЕЙШВИЛИ, РУКОВОДИТЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИЙ: как крестьянин, молящий небеса...

Тянь-Шань — не Кавказ, и не Альпы, и не Карпаты...

И пик Победы — не Джимарай и не какая-нибудь другая малая вершина Кавказа или Европы.

Все это прекрасно знали.

И экспедиция наша не похожа была на какую-нибудь студенческую экскурсию в древнюю крепость.

Вся группа, включая и вспомогателей, была тщательно укомплектована. Это были ведущие силы грузинского альпинизма.

О котором из них можно было сказать, что он-де не подходит, не годится для Тянь-Шаня? Кого, которого из них можно было заменить другим — более сильным, более опытным, более подходящим?

Пусть выйдет любой и скажет: чем плохи Михо и Чхвимлиан Хергиани, Джумбер Медзмариашвили, Тэймураз Кухианидзе, Илико Габлиани? Я уже не говорю о Кирилле Кузьмине, который присоединился к нашей группе в Базовом лагере на Чан-Торене и у которого по горло было опыта высотных восхождений? Правда, минувший год оказался для него несчастливим: на гребнях пика Победы Кузьмин потерял одиннадцать альпинистов. Но он не потерял страстного стремления к покорению вершин, стремления к победе.

Нет, не потерял, не утратил — он спешил к нам, охваченный жаждой мщениа.

Все шло своим чередом. Большая экспедиция расправляла крылья, расправляла плечи, пролагала путь

¹ Где ты — там и мы! Где ты... (сванский диалект).

через барханы и пески, через реки и горы. Разбивала лагери. Набиралась сил и вновь продолжала путь — продвигалась, придвигалась к желанной цели — к подступам к пику Победы.

Большая экспедиция жила своей жизнью. Она оставалась большой экспедицией, пока...

Большая экспедиция состояла из прекрасных мужей. Надежные, стойкие, сильные и настойчивые, выносливые и мужественные, самоотверженные и отважные...

Пусть скажет кто-нибудь — вот этот или тот не годился для Большой экспедиции — был другой, лучше него, и должен был пойти тот, другой. Никто не сможет этого сказать — сказать, положив руку на сердце.

А если кто и подумает, и скажет — да боже мой! Легко говорить, когда арба уже перевернулась... выдвигать различные соображения, предложения и готовые решения, когда все уже — *post factum*. Сказать заранее, пред-угадать, пред-положить — хорошо было бы! Если б знать, где споткнешься, и подушку можно бы подложить...

Да, может, и найдется кто-то, который разложит все по полочкам и увидит ясно, четко, и укажет точно — где, что, как, когда и кто — недодумал, промахнулся, споткнулся, какое колесо подвело. Потому что наша арба, к горю и несчастью, уже перевернулась, и большая дорога закрылась за ней. Перевернулась она на спуске, как и случается обычно. На пятый день восхождения, когда с помощью простейшего арифметического действия мы выяснили, что не хватает одного члена штурмующей группы... Одно-единственного человека не хватало, черт побери!..

Кто был он, тот один-единственный? На гребне Западной вершины вместо шести точек в бинокль видны были, двигались пять. Пять черных точек! Вы понимаете, что это значило? Не хватало одного человека! Куда девался он, один из штурмующей группы? Может, он очутился по ту сторону гребня, в другой стране?.. Который же из шести оказался рожден под несчастливой звездой?

Очень далеко от нас передвигались черные точки. Далеко и высоко.

А может быть, она не умещалась в обзор бинокля, та, шестая черная точка?

Может, шесть точек одновременно не уменьшались в бинокле?

Неужели нет другого бинокля, такого, в который можно увидеть одновременно, сразу, десять точек? Да ладно, пускай не десять, не надо десять — шесть, шесть точек вместе! Дайте сюда другой, большой бинокль — пусть он покажет мне шесть движущихся точек, больше ничего!

— Вот, пожалуйста, другой бинокль!

— Но он тоже не годится! Только пять точек... больше ничего не видно! Неужели не существует человеческого бинокля, нормального?! Ни один из этих трех биноклей не годится, уберите их и швырните в пропасть, черт побери!

— Но ведь уже стемнело! Потому ничего и не видно, сумерки окутали склоны. Потому и не видать. Вот рассветет, тогда посмотрим...

— Как, стемнело? Правда стемнело? Каким образом?

— Да так вот и стемнело. Подождем рассвета...

«Большой бинокль... Надо раздобыть большой бинокль... Но где? Да у охотника, у пастуха, у первого встречного, надо пойти искать...» Эти мысли были подобны бреду, они и были бредом. И не только мысли — кто-то говорил, произносил вслух эти слова, то ли я, то ли кто другой, или все мы вместе. Мы ждали рассвета и бредили. Смежив веки, с закрытыми глазами мысленно искали и высматривали мы того, шестого, и мучительно думали: «Куда же он делся? Куда он исчез? Что с ним стряслось?»

Может, мы ошиблись? Неправильно считали?.. Когда же рассветет, когда рассветет, чтобы пересчитать их снова, эти черные движущиеся точки!

Вот, кажется, и рассветает... темнота стала светлее. Давай выйдем из палатки и посмотрим, что там, на склоне...

— Выйдем, конечно же, выйдем, сейчас же!

— Будто рассвело?.. Нет, мрак, глубокий мрак вокруг. И тишина.... какая тревожная, недобрая тишина!

— И все-таки лучше встать и выйти... Давайте вый-

дем и будем ходить взад-вперед. Лучше всего ходить — и незаметно рассветет...

— Да чего легче! Давайте ходить!

И вот мы ходим возле палаток, ходим, топчемся — коротаем предрассветные часы ночи. От шести отнять пять — сколько это, один? Где он, этот один? Может, все же виноват бинокль? Или наше зрение?..

Но теперь не нужен и бинокль — в свете утра невооруженным глазом отчетливо видны пять движущихся точек — пять! Арифметика беспристрастна и безжалостна. От шести отнять пять будет один. И не просто один — теперь мы уже знаем, что этот один — Илико Габлиани. Отсутствующая шестая точка известна. Кавалер той несчастливой звезды — Илико Габлиани. Но как, когда, почему? Эти вопросы остаются в силе.

Они идут по отдельности. Двое впереди. Трое позади — и другой дорогой! Почему пошли двое впереди и трое — позади другой дорогой. Почему они идут врозь?!

Пусть же придет кто-нибудь и скажет — они не разбирались в элементарных правилах альпинизма, их надо было посадить и заново обучать азбуке горного хождения, повторить ее. Пусть придет кто-нибудь и скажет — я взялся бы и обучил их. Эх!..

Ужасно было то, что спускались пятеро: двое впереди и трое — позади. Другой дорогой! Трое спускались с другой стороны.

Спускались... Но спустились ли? Нет! Из этих троих лишь один добрался до лагеря. А те двое, что шли первыми, — да, они спустились, они пришли в лагерь. И тогда арифметика оказалась такова: от шести отнять три — будет три. Теперь уже не хватало троих. Один остался наверху. Двое — в виду лагеря, но где, куда они делись?

Пусть скажет кто-нибудь — я знал, что так случится, если бы там был я, я бы предвидел, что если они пойдут разными дорогами, добром это не кончится. Что путь тех двоих, которые шли первыми, верный, что надо всем идти этим путем.

Пусть скажет, если есть такой прозорливый.

Но — главным было то, что из шести осталось только трое.

Случается порой осенней,
Перед самым ртвели,
На виноградник

налетает

град...

И погибают
Напоенные солнцем гроздья,
Взлелеянные грубыми,
но нежными
руками...

О, вы лицо того крестьянина
видали?!

С самой ранней весны без устали, неутомимо ухаживает он за дивным цветком родной земли — благодатной, щедрой, капризной, отзывчивой на ласку лозой, во время засухи потом своим увлажняет землю, во время дождей, проливных ливней со всей страстью сердца взывает к небесам, моля пощадить трепетные зеленые листья и налитые соком тяжелые гроздья... Он готов совершить невозможное, лишь бы спасти свой виноградник, сохранить его, не дать ему погибнуть. Но ничего, ничего не в силах он сделать, он человек, а человек бессилен против стихий.

И он плачет. Заглубелыми, почти коричневыми от солнца руками трет глаза — о, не смотреть бы им на эту беду! — и горько, беззвучно рыдает.

Еще более беспомощные и бессильные, чем тот кхетинский крестьянин, топтались мы у подступов, еще более несчастные — ибо речь шла не о винограднике, а о создателях его — людях. Словно чьей-то могучей рукой смело их в бездну с гребня Западной вершины!..

УШБА

...Я услышал далекий клич...

Перед глазами моими завертелся церковный двор, полный народа. Посередине лежит камень-саджилдао. Поочередно подходят к нему юноши, вцепившись пальцами в узкую горловину, пытаются поднять...

В сторонке, чуть поодаль, стоят старейшины села. Наблюдают за единоборством молодых, оценивают их силу, умение, громко выражают недовольство, поощ-

рение, подзадоривают. «Еще немного — и победа за тобой!..» — слышится Михаилу голос отца.

— Ну-ка, не прижимайте за своих! — шикают на Бесариона.

— Еще немного, Минаан... Да ну, поднатужься, чего ты, ей-богу!.. — не выдерживает Бесарион, несмотря на замечание.

Да и остальные подбадривают своих, ахают, охают, покрикивают. И оправдываются при этом — вот ведь и Минаана поддерживает отец, советы ему дает, а мы что, дураки, мы тоже за своих болеем. Ага, болеют, да с таким жаром, что ой-ой-ой! Жилы набухают, глаза чуть не лезут из орбит, можно подумать, они сами пытаются поднять саджилдао.

— Подбадривайте сколько угодно, ежели сам не годится, ваши указы ему не помогут, — посмеивается Бесарион. — Эй, Минаан, соберись с силами, говорю, ну-ка! — обращается он к сыну уже другим тоном. — Поднимешь — на обед будет тебе добрый кусок поросятины, а нет — пустым чаем поить тебя буду!

— Покрепче пальцами цепляйся, покрепче!

— Дуй, брат, не робей!

— Ха-ха, саджилдао-то не уголья, чтобы раздувать!

— Поднимешь — уж я знаю, как тебя уважу, а не поднимешь — кроме чая ничего не увидишь! Всю неделю — чай!

...Потом еще видение — праздник Джгвиби.

Он взбирается на столб-натлисвети. Со свистом разрезая воздух, пролетают мимо, едва не задевая его, ледяные ядра. Слух воспринимает их свист, как гул самолетов. Но он бесстрашно продвигается вверх. Руки, ноги, все тело, словно выюнок, обвивают столб. Гибкие, точные, четкие движения... бросок вверх — и замирает, прикинув всеми мышцами к столбу. Замирает и сжимается, готовясь к новому броску. А крест маячит вверху — совсем близко...

— Хэ-эй, Минаан... — доносится снизу подбадривающий возглас лагамцев.

...И старец Антон, Тэтнэ Антол, на смертном одре.. Слабеющим голосом произносит он последние наставления внуку — не забывать заветов предков,

быть верным законам мужества, чести, спасти дали от гибели...

Древние сказания вспомнились ему...

Вот Беткил, отважный и неустрашимый Беткил, прикованный к скале, кричит односельчанам:

— Пусть спляшет моя невеста, посмотрю в последний раз, как она пляшет!..

...Пляшет девушка в лечаки. Развевает ветер воздушную белую ткань. Изгибаются плавно нежные руки...

— Пусть все ущелье пляшет, пусть все ущелье поет про мужество и отвагу!..

Пляшет и поет весь народ, поет о мужестве и бесстрашии, о гордости и непоколебимости, о силе духа и выдержке, о дружбе и товариществе...

... — Ну же, поднимай кверху, повыше поднимай! Ты будто ничего не ел, кроме гоми... Давай, тащи кверху! Так и знай: поднимешь — будет тебе на обед отменная поросятина, а нет — хлебать тебе голый чай!..

...— Мы с тобой, Минаан, где ты — там и мы! Эге-эй! — это уже не видения, не воспоминания — это снизу кричат товарищи.

Он очнулся. Мгновенья забытья промчались. Надо действовать, надо решать незамедлительно, сию же минуту. Не время предаваться воспоминаниям, хотя все они промелькнули, прокрутились в голове за какие-нибудь секунды, — мысль стремительна и молниеносна.

Товарищи не перерезали веревку. Товарищи разделяют его участь. Это было наивысшим проявлением верности законам альпинизма. Они ничем не могут ему помочь — они просто разделяют его участь и этим невольно дают ему возможность увидеть их сердца, измерить всю силу их любви к нему — и друг к другу. Все они пойдут одной дорогой. Пойдут вместе, как и поднялись сюда, плечом к плечу, один за другим отправятся в последний путь в страну, из которой не возвращаются. Ни один из них не спасется, чтобы хоть он, спасшийся, спустился на землю, к людям, и рассказал о том, как это было...

Внезапно устремленные вперед, налитые кровью от страшнейшего напряжения глаза увидели, как упала

на гранитную поверхность малая капелька влаги, упала и, словно от щелчка, подскочила...

«Быстрее!.. Быстрее!.. Быстрее!..» — зазвонили невидимые колокола.

«ПРАХ ТЫ ЕСТЬ И В ПРАХ ОБРАТИШЬСЯ»..

— Понимаешь... они... они сорвались в пропасть...

У меня вдруг все пошло кругом перед глазами. Горы, облака, люди — все кружилось. На миг я потерял сознание. Но — лишь на миг! Первая мысль после того была: «Нет, это невозможно, как могли погибнуть ребята?!» Спустился больной, а те были здоровы и сильны. Правда, Тэмо пришлось туго, холодная ночевка на пике Победы, конечно, дала себя знать, но ведь он держался бодро... И Кузьмин находился с ними. Так как же произошло, как случилось это?.. Нет, слова Кузьмина прозвучали для меня неправдоподобно.

— Но как, Кирилл, как это могло произойти?!

— Не знаю... не знаю...

— Вас было трое. Как же погибли двое?

— Та дорога показалась нам более легкой. Мы ошиблись. Встретился скальный участок. Спустили веревку. Первым пошел Джумбер. Потом я, потом — Тэймураз...

— Тэймураз? Но почему Тэймураз? Ведь он был самый слабый из вас троих?

— Скала, в которую был вбит крюк, обломилась, увлекла за собой и веревку, и Тэймураза...

— Но он должен был спускаться вторым... во всяком случае, не последним! Почему вы оставили его последним?

Кузьмин молчит, совершенно раздавленный, убитый.

— А потом что?

— Мы спустились к кулуару. Джумбер решил глянуть вниз — может, Тэмо застрял где-нибудь на выступах... Но ты понимаешь, в каком состоянии мы были... Кто думал о страховке!.. Кто мог думать в те минуты о страховке... Он оступился... и последовал за Тэмо...

«Последовал за Тэмо...» Как обыденно звучат эти

слова! Можно последовать куда угодно, но в бездну? И тем не менее — это так. Как это происходит? Последовать...»

— Да, но... — тысяча вопросов вертелась у меня на языке, в голове, но я почувствовал, что сейчас не время вопросов. Да и не было смысла выяснять подробности — теперь! На леднике Звездочка товарищей погребла лавина, и все кончилось. Спрашивай, расспрашивай, выясняй!.. Они не встанут. Не присоединятся ни к одному лагерю. Ни к одной группе восходителей. Не подбодрят никого из нас словом или взглядом, окриком или улыбкой.. Не пройдут по проспекту Руставели.. Не придут в Альпклуб.. Их осторожные цепкие шаги, альпинистские шаги, не вольтуются в многоголосьем шум тбилисских улиц, не отдадутся тихим эхом в гулкой тишине ночного города... Их шаги не отпечатываются на асфальте Тбилиси... на земле родной Грузии...

— Давай спускаться в лагерь. Нам уже некого ждать, пошли! — крикнул я Кузьмину и бегом устремился по склону гребня. Не знаю, куда я так спешил, чего я бежал. Если бы я не бежал, я, наверное, сошел бы с ума...

На другой день мы начали поиски. Джокиа Гугава встал со мной рядом. «Я с тобой», — тихо сказал он. Но попасть на то место, где, как мы предполагали, они должны находиться, было трудно. Сверху то и дело шли камнепады, пронеслись лавины.

Сперва мы шли по леднику. Идти становилось все труднее и опасней. Потом поднялись по склону, который находился под тем роковым кулуаром. Здесь мы должны их найти. Природа сжалилась над нами — на какое-то время воцарилась такая тишина, что, казалось, муха пролети — услышишь. Ни лавина, ни камнепад, ничто не мешало искать. Вскоре мы набрали на шекельтон, затем увидели рюкзак, и наконец — их владельцев. Распознать, отличить их друг от друга было невозможно. Нам двоим не под силу было дотащить их до лагеря. Мы подняли их на плато и похоронили там в снегу. Уже потом показался Отар Хазарадзе, он шел нам на подмогу. Мы были уже при последнем издыхании.

...В Базовом лагере, который находился на 4200 метрах, мы собрали всех и объяснили положение. Было

решено спустить погибших на землю. У меня уже горели глаза, я очень плохо видел, но все равно я не мог не подняться за ребятами. Джокиа воспротивился хватит с тебя, сказал он, хватит. Но я не стал его слушать. Решено было в течение пяти дней спустить погибших. Мы управились с этим нелегким делом в один день. Мы перенесли их по ледопаду, потом перешли гребень, где пришлось преодолеть крутой, почти отвесный подъем. Но зато это был наикратчайший путь... Наикратчайший путь к месту вечного упокоения.

Да, с богатыми дарами выпроводил нас коварный Тянь-Шань! Коварный и жестокий, как Шах-Аббас, — еще и заложника оставил — Илико Габлиани... Илико Габлиани — самого высокого человека на земле.

* * *

— Жажбуган иаго, жахбуган...* — кричали мне товарищи.

В эти минуты я был от них шагах в двадцати-тридцати самое меньшее. А это означало, что, сорвавшись, не дай бог, я буду лететь, как минимум, сорок метров в воздухе. Могли ли пять человек, которые сами еле держались на веревке, закрепленной трехсантиметровыми крючьями, вбитыми в отвесную каменную стену, удержать еще одного, шестого, летящего с высоты! Жизнь этих пяти и без того висела на волоске. «Ни один из нас не спасется, чтоб хотя бы весть принести людям», — в который уже раз пронеслось в голове. Я сделал еще одно усилие и подтянулся. Повис на одной руке, другую протянул кверху, ощупал — и вдруг средний палец попал в невидимую мне щель и зацепился, точно крючок. Палец сперва окостенел, потом согнулся, напрягся и намертво впился в камень. Я сразу почувствовал облегчение в правой руке. И тело словно бы стало легче, оно не так тянуло меня вниз; кровь, застилавшая глаза, отхлынула назад.

Теперь должна была действовать левая рука. Надо снова искать «фонтанчики». Есть! Еще один. Пальцы тотчас вцепились в край щели. Дальше дело пошло. Чем выше, тем больше неровностей. Вскоре я миновал опасное место. Безмолвное ликование захлестнуло ме-

* Жажбуган иаго — держись, брат... (сванский диалект).

ня. Из-за клочьев тумана временами проступали контуры нашей вершины. Оставался самый безопасный и легкий участок пути. Тридцатиградусный уклон, который мы свободно пройдем в кошках. Во всяком случае шлямбуры нам не понадобятся!..

— Эге-э-эй! — закричал я во всю глотку. Это был клич победителя.

— Эге-эй! — тотчас откликнулись снизу.

Но что это? Отчего так потемнел снег, словно его посыпали золой?..

«В горах темнеет сразу. В годах бродит хале. Хале преследует детей...» Боже, как давно это было! До воспоминаний ли сейчас? Страх не было, а уж тем более страха перед хале и духами, но снег, отчего так потемнел снег?..

Неужели вправду наступает ночь? Неужели они не успеют устроить ночевку?

Он поспешно вбил крюк. Пропустил веревку. Потом вбил еще запасной крюк, с трудом, и спустил веревку вниз. Сам в ожидании товарищей, вцепившись в веревку, оглядывался по сторонам, подыскивая площадку для палатки.

Когда наконец все шестеро оказались вместе, Михаил сказал:

— Ну вот, там и поставим палатку, — и указал рукой. — Поспим сегодня по-человечески, как подобает победителям, а?

«Палатку?» — проследив за движением его руки, с удивлением подумали товарищи. Ничего похожего на площадку не было видно.

— Где ты видишь место для палатки?

— Да вон же! — снова указал он рукой.

Это был крутой щебнистый склон...

Старший говорил что-то не то. На этот раз Старший ошибался. Все молчали в недоуменном смущении и глядели на него.

Михаил сощурился и качнул головой:

— Черт, примерещилось!..

«Примерещилось... Раз уж Михаилу примерещилось...»

— Тебе необходимо отдохнуть, — проговорил Михо. — Скорее поешь и — спать. Ты переутомился.

В быстро сгущавшейся темноте разровняли площад-

ку. Вскоре палатка была готова. Все забрались в нее. Раскрыли спальные мешки. Проглотили по куску мяса с хлебом и улеглись. Чтобы готовить ужин, нужны были силы и время, а у них не было ни того, ни другого. Сейчас главное было — сон и отдых. Особенно нуждался в этом Михаил.

И вдруг, совершенно неожиданно для всех, в палатке зазвучало тихое пение:

О, Лиле, о, великое светило...

Запел Михаил, но каждый из них с полным правом мог петь этот древний гимн солнцу, ведь все они находились в его владениях, куда редко-редко ступала нога человека. Быть может, именно здесь, в этих диких скалах, охотник Беткил оказал помощь роженице Дали, быть может, именно здесь, на этой скале, Дали творила суд и расправу над изменником? Может, здесь и Чорла был наказан?..

Товарищи подхватили запев, стройное многоголосие зазвучало в ночи. Постепенно набирая силу, величественная мелодия поплыла над ледниками и фирновыми полями, над гордыми исполинами Кавкасиони.

ПОБЕДА

Но спускаемся мы с покоренных вершин,
Что же делать, и боги спустились на землю.

В. Высоцкий

Восемь часов. По совету Бекну я направился на Гвалдири. Там я облюбовал раскидистый куст и удобно устроился под ним, чтобы наблюдать за вершиной.

До подачи сигнала времени немало, но я уже в нетерпении и глаз не спускаю с Ушбы. На восточной стене мне мерещутся люди. Они копошатся, словно мурашки, и медленно продвигаются кверху. Первым идет Михаил. Вбивает крюк, пропускает веревку и спускает ее вниз, товарищам, которые попеременно — то Шалико, то Джокиа, то Михо, то Джумбер, то Гиви — принимают ее. Они все время сменяют друг друга, то один идет первым, то другой, чтобы сберечь силы для решающего момента...

Вдруг я заметил, что дорога к аэропорту заполнилась машинами. Машины въехали и на покосы. Вот

один грузовик прогрохотал совсем близко от моего куста. Прогрохотал и, затормозив, остановился. Вся Местиа узнала про то, что ребята будут сигнальить в девять часов. Вскоре поднялся невообразимый шум, суета. Женщины, дети, старые, молодые — все собрались здесь, и взгляды всех устремлены на Ушбу. А вершина, все еще окутанная темно-лазурными покрывалами, смутно и холодно поблескивала серебром снегов.

В какой-то момент все смолкло, и в полной тишине слышались лишь стрекот кузнечиков да журчание ручья. В воздухе стоял густой аромат скошенных трав. Звезды уже зажглись и, словно впервые созерцая мир, удивленно хлопали ресницами.

До назначенного времени оставалось минут десять, когда над Чатини вспыхнула белая ракета. Ребята не должны были находиться там, но кто об этом думал — раздались бурные аплодисменты. И снова — ожидание. Люди тихо переговаривались, высказывали предположения — на каком участке сейчас альпинисты, где загорится ракета — на середине стены, в нижней ее части или вон там вот, где она переходит в отвесный предвершинный гребень... Этот последний вариант представлялся маловероятным, потому что весь маршрут предполагалось пройти в десять дней, и достигнуть за неделю предвершинного гребня казалось нереальным.

Но ровно в девять произошло невероятное: четыре белых ракеты, четыре вестницы победы вспыхнули на самой вершине Ушбы! Не на середине стены и даже не на предвершинном гребне — на самой вершине!

Никогда не забыть мне рева восторженной толпы и грома аплодисментов. Иные из местийцев, более предусмотрительные, захватили с собой провизию и тут же на траве расстелили скатерти, накрыли столы, подняли тост в честь героев-победителей, потом грянуло «Лилео»... Застолье было кратким — люди быстро поднялись, разошлись по машинам и двинулись в обратный путь — по домам. Перекидываясь приветствиями, шутками, с веселым смехом отъезжали, уезжали, исчезали в темноте...

Я тоже покинул свой наблюдательный пост и направился домой — счастливый, чуточку оглушенный.

941935340
2022-11-09 10:30

«...Смерти много не нужно —
один лишь зевок...»

Сванская поговорка

Вечерние сумерки опустились на проспект.

Пока еще спят неоновые лампы, фонари, лампы-почки...

Город не спит. Везде полно народу. Нарядно одетые девушки, щеголеватые молодые люди — кто на свидание, кто просто пройтись по проспекту, себя показать да на других посмотреть. Искрятся, играют глаза, звучит звонкий смех — молодежь не любит серьезности, и вечер — время веселья и развлечений.

Мы с Михаилом тоже вышли на Руставели. Идем молча, не спеша, слившись с ритмом вечернего проспекта. Михаил в чешских спортивных ботинках на рифленой подошве (тогда они имелись у очень немногих спортсменов) шагает легко, упруго, пружинисто. И одеждой, и походкой он выделяется среди всех.

Мне радостно идти рядом с ним — я люблю моего брата и горжусь им. Иные встречные, поравнявшись с нами, смотрят на него, оборачиваются, может, узнают его. И я, молодой парнишка, при этом с гордостью думаю: «Видите, это Тигр скал гуляет по Руставели!..»

Он идет, как всегда, молча, кивком головы отвечая на приветствия знакомых. Второго такого молчаливого человека только поискать! Он целыми часами способен думать о чем-то своем. А заговорит — едва услышишь, и скажет лишь самое необходимое. словно передалась ему молчаливость гор, вошла в его кровь и плоть.

— Сколько народу сегодня, правда? — говорю я, вернее — думаю вслух. — Все молодежь... а где старики?..

— Старики? — Михаил прищуривает глаза и задумывается. — От молодости до старости долгий путь — как от подступов к вершине до самой вершины. А от подступов до вершины утесы и пропасти, через которые надо перепрыгнуть. Все ли смогут перепрыгнуть? К сожалению, не все...

— Я знаю одно стихотворение... оно как раз об этом...

— Сперва я тебе прочту несколько строк... Это жили товарищи, а приписали их мне, — говорит Михаил.

И здесь утес,

И там утес.

Будем живы? — Ну и что ж!

Разобьемся? — Ну и что ж.

— Как тебе нравится? Если бы правда так было, а? Тогда бы жизнь ничего не стоила... А ну, прочти свои стихи.

Я прочел. Это было довольно большое стихотворение о том, как по проспекту Руставели гуляли юноши и девушки, которых потом, когда прошли годы, проспект уже не видал — они ушли и не вернулись назад.

— Как я понимаю, это о войне, — глянув на меня искоса, сказал Миша. — Впрочем, я-то ничего не смыслю в стихах, может быть, я неправильно понял...

— Ты именно так и понял, именно это я хотел сказать. Война, войны поглощают людей...

— Знаешь, — заговорил он, помолчав, — после гибели Михо я постоянно думаю о жизни и смерти. И сон у меня стал беспокойный, тревожный, чего раньше никогда не было. И вообще я чувствую себя так, точно мне отсекали одно плечо, понимаешь... Чем больше я думаю, тем отчетливей сознаю, что все для меня утрачивает смысл, все неудержимо утрачивает смысл... Я отгоняю от себя все эти мысли, на какое-то время мне удается забыться, жить как прежде, с увлечением, чего-то ждать, чего-то добиваться... но это только на время, а потом снова... потом я чувствую, что меня не увлекают, как прежде, горы, и ничего меня не радует... Может, это моя слабость. Да не может быть, а точно, моя слабость, но это так, и ничего с этим поделать я не могу. Белый Старец был очень сильным и жизнелюбивым человеком. Ведь во времена его молодости в наших горах господствовал закон кровной мести. Сколько бессмысленных смертей он видел, сколько жестокости, но ведь не потерял он интереса к жизни, не постарел сердцем. Он по-молодому любил скалы, горные кручи с турьими тропами, зверье любил, любил людей, природу... Помню его улыбку — чуть печаль-

ную, порой лукавую, но всегда добрую... Я не перестаю удивляться, как удалось этому человеку, столько пережившему, пережившему на своем веку, а ему ведь было под девяносто, — сохранить такое внутреннее спокойствие и доброжелательность ко всем, ко всему!..

Наша беседа приняла совершенно неожиданную окраску. Слова Михаила озадачили меня. «Что ж это, — подумал я, — и Михаил, сильный, несокрушимый, как скала, думает о таких вещах? И его сердце терзают сомнения и страх?»

В те минуты я вдруг увидел перед собой обыкновенного смертного, земного человека, подобно тысячам другим вышедшего на прогулку по летнему проспекту Руставели. Сейчас это был простой парень с голубыми, как небеса Сванэти, глазами, затаившими глубокую печаль. Это был не Тигр скал, потому что его одолевали мысли о бренности и тщете человеческой жизни, — а ведь тигры не думают о подобных вещах! Таким я увидел его тогда, в летний вечер на Руставели..

Мы проходили мимо какого-то магазина, и Михаил остановился перед витриной. Холодный свет люминесцентных ламп витрины лег на его лицо, и оно показалось мне вдруг побледневшим. Показалось или правда побледнел он — не знаю. Я перехватил его взгляд — он смотрел на туры роги, выставленные в витрине. Исчерна-серые, хорошо отполированные, в металлической чеканной оправе. Перед ними — корявыми, неразборчивыми цифрами — цена на ярлыке.

— Знаешь, вчера вечером я был в гостях, — заговорил он. — Когда тамаде подали роги, я встал и ушел. Меня удерживали, куда, мол, спешишь, и ни один человек не догадался, почему я сбежал. Да и кто бы додумался, что виной тому были роги! Может быть, все это глупости, может, кому-то оно и покажется смешным, иной раз мне и самому не по себе от такой своей... мягкосердечности, что ли, не знаю, что это... но это так.

Я глядел на него с некоторым замешательством, не вполне понимая, но уже догадываясь, к чему он клонит.

— В прошлом году, — продолжал Михаил, — я поднялся на Легвмери. Белый Старец все переживал — туры стада так поредели, что, вероятно, скоро и

вовсе не станет туров в Львином ущелье. Ну и вот, я нашел местечко, откуда хорошо просматривались Сол-
ленные скалы, лег и навел бинокль. Лежу, смотрю, жду
появления туров. Их не видать. Уже и солнце начало
склоняться к западу, а туров нет и нет. Я, отчаявшись,
решил было уходить, и тут появились двое. Один — тур-
самец, с характерными для самцов рогами, а второй —
туренок, месяцев двух-трех от роду. Матери с ними не
было — может, убил ее какой-нибудь горе-охотник. Как
бы то ни было, ясно одно: туренка растит вместо мате-
ри отец. Он шел впереди и на своем турьем языке звал
малыша следовать за собой.

Увы, чутье подвело его. Откуда-то грянул выстрел.
Тур в мгновение ока упал на край утеса и оттуда по-
летел вниз, на белоснежный ледник. Но это не самое
ужасное. Туренок, перепуганный насмерть, заметался
туда-сюда, в страхе угодил головой в расщелину,
видно, хотел спрятаться, что ли, да и застрял. Ни ту-
да, ни сюда, несчастный. Как он мучился, стремясь
высвободиться, дергался, но все было тщетно. В конце
концов он выбился из сил и повис на собственной го-
лове, как тряпка.

Это было невыносимое зрелище. Я вскочил как
ужаленный и помчался вниз. Я бежал, словно сама
смерть гналась за мной, — бежал, чтобы успеть спа-
сти несчастное животное. От склона Легвмери до Со-
ленных скал по меньшей мере километров шесть. Я бе-
жал, не разбирая дороги, стремясь выиграть каждый
сантиметр, а перед моими глазами стоял беспомощный
малыш, болтающий в воздухе ногами в отчаяннейшей
схватке с каменной ловушкой.

Я успел.

Он был уже при последнем издыхании, жилы на
шее набухли кровью, и он медленно умирал, зады-
хался. Я приподнял его тело и сумел высвободить го-
лову, потом начал массировать грудь. Погладил его,
приласкал, побрызгал водой... Бедное животное посте-
пенно пришло в себя. Может быть, мне надо было тот-
час уйти, скрыться с его глаз, не знаю... Наконец он
окончательно очнулся. Некоторое время смотрел на
меня ничего не выражающим взглядом, потом в его
глазах вспыхнул страх, он вострепнулся, вскочил с бы-
стротой молнии, одним прыжком оказался у края уте-

са и, верно, уже ничего не соображая от всего пережитого, прыгнул. Одним словом, последовал за родителем... «Последовал»... мне вспомнился тогда Тянь-Шань... То, что случается среди людей, оказалось не чуждо и животным... Там, в горах Тянь-Шаня, Джумбер последовал за Тэймуразом. Ты понимаешь, что это значит — последовать за кем-нибудь — на тот свет?

Ты думаешь, на этом все кончилось? Нет. За этим произошло то, что я и хотел сказать, с чего я и начал свой рассказ. Самое нелепое, бессмысленное и жестокое. Можешь себе представить, в каком я был состоянии. Но как бы то ни было, а надо было возвращаться домой. Я спустился на ледник. Тур лежал там, как раз на моем пути. Я удивился — почему же охотник бросил его. А что бросил, было очевидно — зверь лежал целехонький, распростертый на льду в луже алой крови. И только рогов не было! Охотник убил такого замечательного зверя в погоне за его рогами! На их месте зияли следы топора... а на снегу — следы человека, который совершил подряд два злодеяния — убил тура и убил туренка,—убил не ради хлеба насущного, не ради того, чтобы прокормиться самому и прокормить свою семью, а чтобы срубить рога. Я еще раз присмотрелся к человеческим следам на снегу — человеческим!.. Они пересекали ледник и терялись среди цайдерских скал и камней.

Это было самое возмутительное: ради рогов совершить столько зла! Да в конце концов, что за необходимость такая — роги за столом? Неужели вино нельзя пить из других сосудов? Да, туров убивали и в старину, но не истребляли, и не ради такой забавы (правда, за рога неплохо платят, но не этим ведь живы люди!), убивали, чтобы прокормиться, причем соблюдали закон — не убивать больше одного. А ведь эти убьют всех, сколько бы ни попало им на пути. Срубят рога, а мясо — воронью. Вот они, теперешние Чорла — кровожадные, безудержные в своей жестокости и алчности. О том и говорил Белый Старец: «Умножились, расплодились подобные Чорла, они попрали исконные законы гор, через них опустеют наши горы, не станет в них никакой живности, а несчастные дали, потеряв свои волосы, замерзнут и превратятся в ледяные сосульки».

Получается, что подобные Чорла существовали прежде и существуют теперь, с той только разницей, что теперь их несравнимо больше, они возобладали над остальными, и вскоре они разорят и уничтожат все..

Может, в этой витрине выставлены именно те рога, которые неизвестный охотник срезал с того тура? Или, может, вчера к столу вынесли его рога? На свете бесчисленное множество рогов, поди узнай, которые чьи, но какое это имеет значение? Все они — добыча Чорла, им срублены с безответных и беззащитных животных и привезены в город на продажу, похищены со Сванэцкого Кавкасиони, с Карачая, с гор Балкарии или Дагестана и бог весть еще откуда. Везде и всюду развелись эти Чорла. Когда мы были на Тянь-Шане, и там столкнулись с подобным. Из-за турьих рогов и рогов архара была целая драка. Это когда мы поднялись, чтобы спустить тело Илико¹. Да, и такое было.. А теперь суди сам, могу ли я после всего спокойно смотреть на отполированные, оправленные в серебро или какой другой металл турьи рога? Всем и каждому этого не объяснишь, иному мои переживания покажутся смешными, сентиментальными, посмеется только в душе: «Э, Миша, ты, словно Миндиа, над такими вещами размышляешь, это тебе не подобает, ведь ты — человек скал...» Может, и ты не разделяешь всего, что я сейчас рассказал? — Михаил устремил на меня испытующий взгляд.

Мы отошли от витрины и тем же неспешным шагом молча продолжали наш путь. Я думал над Мишиными словами. Кто же он, в конце концов, Тигр скал или

---

¹ В 1966 году Михаил со своей группой снова совершил восхождение на Тянь-Шань. Они должны были траверсировать пик Победы с восточной вершины, затем, спускаясь на западную вершину, найти захороненное в снегах тело Илико Габлиани и перевезти его в Грузию. Но альпинистов постигла неудача: судьба оказалась не на их стороне. Во время подготовки к штурму с московскими альпинистами произошло несчастье. Вспомогательные спасательные работы, в которых активное участие принимал Михаил, заняли уйму времени. Между тем погода испортилась, пошел снег, момент был упущен, и группе пришлось возвращаться обратно.

Миндия? Как уживались в нем душевная мягкость, чувствительность — и твердость характера, и все те черты, которые делали его Тигром скал?..

— Знаешь, что я хочу сделать? — заговорил вдруг Михаил, прерывая мои размышления. — Вот когда я вернусь из Италии, отправлюсь в Сванэти и, как делалось в старину во время каких-либо несчастий, по звону колокола соберу Львиное ущелье, всех подыму, всех призову, у кого сердце болит за родной край. Соберу в Сэти, во дворе церкви Джгураги, и заставлю принести клятву на иконе, чтобы вспомнили былую любовь наших людей ко всему живому, ко всем животным — домашним и диким, любовь и бережное к ним отношение, пусть вспомнят древние охотничьи заветы, заветы гор: «Не убивай больше двух. Не убивай самку тура. Не подними ружья до месяца Гиоргоба...» Это и будет исполнение завещания Белого Старца... И еще скажу людям: отныне давайте винные сосуды выделывать из дерева, как когда-то, по дедовским обычаям — старинные дедовские кружки. Для этого нужно очень мало — ольховое дерево, топорик и дексель, и немного старания... Когда я вернусь из Италии, я обязательно сделаю это...

ИТАЛИЯ: ПОСЛЕДНИЙ ПРЫЖОК

В Сванэти говорят о горновосходителях: они стремятся к заоблачным высотам, чтобы проложить дорогу к солнцу, к лучезарному девятикокому светилу, которое всем равно светит и равно приносит счастье. Они ищут счастье и борются со смертью.

А когда погибал в горах кто-то из них, о нем говорили: он умер прекрасной и чистой смертью...

* * *

До отхода моего автобуса у меня оставался еще целый час времени. Я решил воспользоваться случаем, заглянуть в Альпклуб, повидать Михаила. Ведь он на этих днях отправлялся в Италию, и, возможно, вернувшись из своей командировки, я уже не застал бы его в Тбилиси.

В Альпклубе было, как всегда, многолюдно. Здесь я увидел многих альпинистов, коллег и друзей Михаи-

ла — Тамаза Баканидзе, Рому Гиуташвили, Джулвера Русишвили, Отара Хазарадзе, Аги Абашидзе и других. Все говорили об одном и том же — о предстоящей поездке в Италию. Увидев меня, Михаил извинился перед товарищами и вышел со мной в парк. Он показался мне усталым и слегка грустным. К тому же был небрит, оброс бородой, и седина вдоль шрама на лице придавала ему вид немолодого человека.

— Я еду в командировку, — сообщил я и тряхнул дорожной сумкой, давая понять, что нахожусь уже в дороге.

— А-а, пришел попрощаться?

— Так получается, — я улыбнулся.

— Давай, провожу тебя к автовокзалу и побеседуем по дороге.

— Поменяемся ролями?

— Я тебя в долг провожу, — улыбнувшись, пошутил он. — В следующий раз ты проводишь меня.

— Когда вы собираетесь?

— Через неделю мы должны быть в Москве. Оттуда вылетим, вероятно, двадцать пятого июня.

— Знаешь, Минаан, что за необходимость меня провожать... Давай лучше присядем тут где-нибудь и поговорим. Все равно времени у меня мало...

— Я знаю короткую дорогу. Пройдем по этой аллее до конца парка к обрыву, а там по тропинке спустимся прямо на набережную, как раз к автовокзалу.

— Альпинисты и тут не могут без тропинок, да?

— Тропинки? Тропинками ходят туристы, а альпинисты — люди звериных троп. Помню, когда я был маленький, мне страшно нравились туристы, я часами смотрел им вслед, когда они шли, вытянувшись цепочкой, то пропадая из виду за поворотом дороги, то появляясь вновь, словно журавлиная стая. Шли они обычно с севера по цайдерской дороге... Что правда, правда, в детстве туристы очень привлекали меня, туристы и туризм.

— Ты никогда не говорил об этом. А потом что, разочаровался?

— Нет, понимаешь, туризм — это лишь одна ступень. Для многих альпинизм начинается с туризма. Для нас, горцев, это забава. Ведь в действительности любой горец сто раз турист. Что с того, что им не дают

значков ГТО!.. Но для студентов, служащих или рабочих, вообще людей равнины, туризм — великолепная штука, гораздо больше, чем приятное времяпрепровождение.

Михаил шел впереди. Я не однажды ходил с ним в горах, и всякий раз меня восхищала неповторимая, совершенно особая красота его сильных, точных, цепких движений. И сейчас вот, идя за ним по этой городской тропинке, спокойной, утоптанной, все равно что хороший асфальт, я с удовольствием наблюдал, как он спускался своим пружинистым, эластичным, и вправду тигринным шагом.

— Помнишь, ты мне читал стихотворение в тот вечер, о войне, — он приостановился и почесал лоб, — я думал о нем, и мне показалось, что осмысление его не совсем верно... не знаю, конечно, может, я ошибаюсь...

По правде говоря, я удивился, когда он вспомнил про стихи. У него были другие увлечения, стихи его никогда особенно не интересовали. Хотя, вероятно, поэзия и была близка его внутреннему миру — ведь горы неотторжимы от поэзии.

— Что именно ты имеешь в виду? — попытался я уточнить.

— Ты вот говоришь там, что война пожирает людей и поэтому многие не доживают до старости. Но разве только война? А наша повседневность со всеми ее противоречиями и сложностями, а болезни, а миллион всевозможных иных причин...

«Это он опять про Михо... не может примириться с его гибелью, — промелькнуло у меня в голове. — Михо и другие товарищи, которые навеки остались в горах... Сейчас он скажет о них».

— Вот Михо... Да и не только Михо, другие тоже — Илико, Джумбер и Тэмо, и еще многие — разве они погибли на фронте, на войне? — он смотрел на меня в упор блестящими глазами, словно от моего ответа что-то зависело.

Что я мог ответить? Допустим, я понимал «войну» в широком значении, не только как борьбу с оружием в руках, — все равно, это ничего не меняло для Михаила. Дело было не в этом. Дело было в том, что Михаил выглядел грустным, был небрит и опять думал о

таких вопросах, как жизнь и смерть, думал о Михо и других товарищах, чья жизнь оказалась столь короткой. В последнее время он, по-видимому, уделял много времени этим размышлениям, неподобающим и губительным для тех, кто избрал своим уделом борьбу с вершинами.

— Да ладно! — проговорил Михаил, уловив мое смущение. — Это пустое, я-то ведь не знаток поэзии, да и не время ломать голову над этим, тебе уже, кажется, пора в путь, верно?

Он положил мне руку на плечо. Мы обнялись, поцеловались.

Я уже сделал несколько шагов, как он меня окликнул:

— За тобой одни проводы, так и знай!

Я обернулся и помахал ему рукой. Он стоял лицом ко мне, улыбаясь, и тоже махал мне рукой. Потом повернулся и направился к Альпклубу.

Я очнулся от мыслей только тогда, когда мой автобус после трехчасового путешествия остановился перед зданием сельского автовокзала. Я даже не заметил, как пробежали эти три часа, поглощенные размышлениями и борьбой с неясным, но тягостным предчувствием.

Увы, к моему горю и несчастью, эта встреча с Мишей оказалась последней. Я так и не сумел отдать ему долг, проводить его в следующую экспедицию — следующей не было.

Проводы были иные — проводы в вечность.

* * *

«25 июня. 1969 г. Италия.

Аэропорт Симидчино.

Лайнер мягко опустился на посадочную полосу.

Нас тепло встречают представители Советского посольства, везут в Рим, — записывает в своем итальянском дневнике Михаил Хергани. — Мы немного усталые от перелета. Мечтаем об отдыхе, о послеобеденном сне, но является представитель Общества итало-советской дружбы — очаровательная синьорита, и предлагает прогулку по городу. Мы не можем отказаться.

«Осмотрели лишь небольшую часть города».

На следующий день с самого утра Михаил продолжает знакомство с Римом. Его восхищают старинные палаццо, храмы, площади и улицы Вечного города.

Лазурное небо Италии, ограниченное далекими снежными горами, которые, подобно радуге, замыкали простор, напоминало Михаилу родную Грузию, вершины Сванэти. Как у каждого истого грузина, образы родины неотступно стояли у него перед глазами, и всякий раз, едва удалившись от нее, он ощущал в сердце легкую печаль по родным краям. «Интересно, что делает сейчас отец?..»

26 июня.

«С утра осматривали Рим. Посетили замечательные монастыри. Море впечатлений бушует в моей голове... Вечером, в 11 часов, простились с Римом и поездом отправились в Милан...»

В Милане альпинисты пробыли два дня. 28 июня из Милана они направляются к хижине Риффуджо. Уже совсем близко виднеются Доломиты Альп. Там, на этих вершинах, Михаил и его друзья должны продемонстрировать высокий класс советского альпинизма. Сюда съедутся сильнейшие альпинисты мира. Кто окажется победителем?..

28 июня.

«Пришли в хижину Риффуджо. По дороге встречались деревни. Мне очень нравится здесь. Будто я дома: горы и холмы, камни, ручьи, трава — все живо напоминает мне родину. Мы не встречались с местными жителями, но мне думается, что и они напомнят моих соотечественников. Вечером мы на месте. Нас встречают очень приветливо, гостеприимно».

29 июня.

«После завтрака выходим осматривать вершины. Они невысоки, но отличаются массивностью стен. Высота некоторых достигает 1100 метров.

Вечером проводим собрание. Начальником спортивной части выбрали меня. Установили завтрашние маршруты. Я и Слава Онищенко идем по трассе, шестой

категории трудности. Вершина Тур Венеция, на которую идут Космачев (алма-атинский инженер, мой бывший соперник по скалолазанию), Кауненко и Романов, — четвертой категории».

30 июня.

«Восхитительное утро рассвело сегодня в Доломитах. Темно-синее небо окрашивает горы в фиалковый цвет. Солнце восходит и золотом заливает леса и поля. Вершины, кажется, насторожились в ожидании предстоящего состязания, участники которого уже приближаются к ним.

Мы со Славой в семь часов утра выходим из хижины. В восемь мы уже на трассе. А три часа спустя — на вершине! Я вел связку. Мы шли очень быстро. За такое короткое время никто еще не проходил трассу Игоря. Это первое восхождение советских альпинистов в Доломитах Альп, и оно прошло блестяще! Посмотрим, как дело пойдет дальше...»

Между строк этой скупой дневниковой записи можно прочесть следующее: сложнейшую трассу, Игоря, которая для многих была мечтой, связка Хергиани—Онищенко проходит за три часа; это лишний раз свидетельствует о том, что советская школа альпинизма — одна из сильнейших.

На следующий день они отдыхают. Проводник Армандо да Ройта, который очень подружился с Михаилом за это короткое время, советует подняться на Банконг.

— Это одна из сложнейших вершин, шестой категории трудности. Ее проходят обыкновенно за восемь-девять часов, — говорил он Михаилу.

— Пускай будет Банконг — в вашу честь, — дружески улыбаясь, соглашается Михаил.

ТРИ ГАБРИЭЛА

2 июля.

«Утром в семь часов двадцать минут мы уже в пути. Вертикаль стены Банконга — шестьсот метров, она очень сложная, труднопроходима. Мы внимательно осмотрели стену, составили предполагаемый

маршрут и приступили к штурму. Темп взяли довольно быстрый и не хотим его терять. Стена и вправду оказалась интересной, наверное потому мы почти не чувствуем усталости. Спустя пять с половиной часов мы на вершине Банконга. Оттуда открывается великолепная панорама, которой мы полюбовались.

Наше время отличное.

Снизу за нами наблюдали Ануфриков и Армандо... Армандо заявил в тот вечер, что мы — замечательные горновосходители. Космачев и Романов покорили в тот день Тур Венеции.

Вечером Армандо и его дочери повезли нас в деревню Агорда. Мы показали собравшимся фильм о восхождении 1962 года на пик Сталина (в этом восхождении участвовал и я).

Агорда мне очень понравилась. И опять мне казалось, что я в Сванэти. В разгаре был сенокос. Сено стожат, и женщины, одетые пестро и ярко, волокут эти стожки домой. Все происходит так, как у нас. И здесь сено хранят в верхнем этаже дома, а скотину держат внизу. Как и у нас, сено носят с крутых, труднодоступных для непривычного человека мест. Носят его на спине. И грабли у местных крестьян такие же, как наши «лушдики». За границей я бывал не раз, и во многих странах, но такого чувства родственности, как здесь, не испытывал нигде.

Я немного поработал с крестьянами на сенокосе. Как они были удивлены, увидев, что я умею хорошо косить».

В тот вечер они долго беседовали — Армандо и Миша. Хозяин, между прочим, заметил:

— Вот вершина Суальто и вправду великолепна. На Суальто поднялся только Габриэль. После него никто не мог ее покорить.

У Миши посветлело лицо, и он сказал:

— У меня был дядя, бесстрашный альпинист, Габриэл Хергиани. Я поднимусь на Суальто, и пускай отныне, говоря о Суальто, вспоминают двух Габриэлов — Ливаноса и Хергиани из Грузии!

Четвертого июля ранним утром Михаил Хергиани и Вячеслав Онищенко вышли на Суальто.

Внизу, у подступов, собралось множество народу. Восходители были уже на такой высоте, откуда болель-

шки казались не больше горошины. Не слышно было им и жужжания кинокамеры, которая запечатлевала на пленке каждое их движение.

Связку вел Михаил. Он шел быстро, вольно, легко. Движения его, как всегда, были уверены, точны, паразитально пластичны и цепки. Поистине тигриными прыжками перепрыгивал он через трещины, с уступа на уступ. Вячеслав отлично обеспечивал тыл, он почти полностью перешел на страховку.

Вот она, гладкая отвесная скала...

Миша тщательно укрепил страховочную веревку. Осталось пройти эту скалу, и они будут на вершине!

Начался штурм.

Вячеслав крепко держит веревку. Пристальным напряженным взглядом следит за Мишей.

Миша скрылся за гребнем. Он на вершине!

Внизу — пропасть, над головой, везде вокруг — небо, такое голубое небо, каким оно бывает лишь на вершинах — таинственное, глубокое, сияющее.. Золотом солнца пронизана голубизна.. Где-то далеко, над самым горизонтом померещилось чье-то лицо... Не чье-то — дяди Габриэла. Тревожное лицо, глаза полны мольбы. Он крикнул...

Миша мгновенно почувствовал опасность, потянул страховочную веревку. Она поддалась, и он приготовился к прыжку.

С вершины Суальто будто сорвалось что-то и с глухим стуком исчезло вниз...

...Вместе с обрывком веревки Тигр скал совершил свой последний, бесконечный прыжок в лазурное небо Италии...

Так закончилось состязание двух Габриэлов — Ливаноса и Хергани.

...И был еще третий Габриэл — Микел-Габриэл! Его никто не видел и никто не узнал — кроме самого Михаила. И никто, кроме Михаила, не услышал его жуткого, ледящего смеха над вершиной Суальто.

После трудного дня спят товарищи.
Почему среди них нет тебя?!

Когда все вошли, телеоператор тбилисского телевидения закрыл дверь салона самолета. Потом сел рядом со мной и обратился ко мне:

— Я сниму село Михаила, окрестные тропинки и снеговые вершины... Может, повезет, и увижу лавину, тоже сниму, конечно... И многочисленные медали Михаила Хергиани, и гроб на тигриных лапах с крестом, в котором он покоится... Я хочу обозначить символику его жизни: родной очаг — начало начал, путь к горам, вершины славы, лавина — внезапный конец жизни... Как вы находите, а? По-моему, будет впечатляюще...

Мне неприятно слушать его. И эти два слова — «конец жизни», произнесенные им просто и легко... «Конец жизни, — повторил я несколько раз про себя. — Неужели и вправду конец? Неужели Миша и вправду умер? Неужели это удел всех — и обыкновенных, заурядных людей, и отмеченных печатью избранности, мужественных, отважных и неординарных?.. Неужели и торная дорога, и сельский проселок, и асфальтированная магистраль, и скальная, нехоженная крутая тропка — все равно ведут в безвозвратность?»

А между двумя рядами кресел покоился сам Михаил Хергиани — немой ответ на все эти вопросы, ответ, который я не хотел ни понимать, ни принимать. В изголовье его сидел Бесарион Хергиани, истаявший, бледный, с запавшими щеками, и часто-часто потирал руки, переплетал и разнимал пальцы...

...Кутаиси остался позади. Из кабины вышел второй пилот и молча встал перед Бесарионом. Бесарион поднял на него покрасневшие от слез глаза.

— Если можно... над Кавкасиони медленее... — еле слышно проговорил он.

Второй пилот, совсем еще молодой парень, почти-тельно склонил голову в знак согласия и вернулся в кабину.

На севере громоздились снеговые вершины Кавкасиони. Солнце играло на них разными цветами.

Каштанового цвета гроб на тигриных лапах стоял в проходе. Самолет накренился — и показалось, не самолет накренился, а Тигр скал приподнялся при виде родных вершин.

Бесарион — отец, переживший сына, — взялся за ручку гроба.

— Ребята, родные... — обратился он к нам.

Мы поняли без слов. Приподняли изголовье гроба. Теперь Тигр скал мог созерцать свои любимые горы, недоступные кручи — обиталища туров, глубокие ущелья, тропки-невидимки... По отпечаткам горных ботинок он мог еще раз, в последний раз, прочесть истории времен своего детства, истории минувшей жизни — по следам, навечно впечатавшимся в склоны.

«...Я сбросила в пропасть Беткила, нарушившего слово, я обрекла на гибель много других дурных людей, но ты-то никогда не взвел курок на мою паству! Мои скалы не причинили тебе зла, я всегда помогала тебе и благословляла имя твое!» — это сама богиня Дали вышла на крутой уступ Ушбы...

«Ты не однажды обжигал мои плечи своими ботинками, но я никогда не предавала тебя!..» — грохотом лавины отозвалась осиротевшая Ушба.

Эгей, Ушба!..

Эгей, Тэтнулд!..

Эгей, Лайла!..

Айлама и Цурунгала!..

Шхара и Намквам!..

Гулба и Бангуриани... эге-е-ей!..

Никогда, никогда больше не увидит он их сверкающие главы, не взбежит по ледовым склонам, по отвесным скалам. Крылья обломаны, полет оборван... Вся его жизнь была стремлением к небу, вся его жизнь была «Лилео» — гимном солнцу. Человек поднебесья — он ляжет в землю.

Мы пролетели над вершинами. Кавкасион стал спокойнее, ниже. И вот уже различима толпа внизу, на земле. Женщины в черном... Только в черном! Кажется, черная лавина затопила Львиное ущелье...

Вокруг двух белоснежных зданий аэропорта, на всем поле, по дорогам и ниже — по берегу и обмелев-

шесу руслу Эугури — люди в черном. Словно кто-то огромный разлил черную краску.

— Что мне делать... Что мне сказать этим людям!.. — глухо проговорил Бесарион и оглядел нас беспомощным взглядом.

Но глаза его сухи. Сейчас он сойдет на родную землю, его встретят односельчане... Бесарион Хергиани, отец Тигра скал в великом горе должен держаться достойно своего сына.

Женщины с распущенными волосами, в черных одеждах, в черных покрывалах, причитают, царапают лица, плачут...

Плач стоит в Львином ущелье.

...По обе стороны от Бесариона — мужчины, родственники близкие и дальние. Народ напирал — всем хотелось увидеть Михаила, подбодрить словом утешения Бесариона. Молодые люди взялись за руки, окружили его, чтобы сдержать напиравшую толпу.

— О, несчастный Бесарион, как ты держишься на ногах, как не ослепнут твои глаза, как поднимается и опускается грудь твоя и бьется сердце!.. Несчастный Бесарион, какое горе поразило тебя, какое страшное горе!.. — причитают в толпе.

Туристы с любопытством и удивлением наблюдают скорбный, непонятный обряд, напоминающий сцены древнегреческих трагедий, уходящий корнями в седую древность. Здесь горе и скорбь величественны, плач и причитания заставляют содрогаться до глубины души. Здесь плачут не только женщины, но и мужчины, суровые, закаленные во всевозможных невзгодах и тяготах, и плач их вселяет трепет и глубокое почтение... Туристы во все глаза глядят на необычное зрелище со своих заборов и балконов, куда они забрались, где они кое-как примостились, чтобы видеть и слышать.

Бесарион всю свою жизнь пел «Гаул гавхэ»*. Сам слагал охотничьи песни, сам же исполнял, и пелись они в народе. Танцор и певец, охотник и восходитель, человек огромной внутренней силы и темперамента, он пользовался большой любовью односельчан, да и не только односельчан. Он обвел глазами толпу вокруг себя. Неужели это те же люди, которые просили его спеть

* Народная песня «Выйду, взгляну...».

или сплясать, которые рукоплескали ему и веселились вместе с ним? Нет, это другие... или... или просто, то было другое время?.. Да, было другое время, снаетливое время!.. Время света и солнца... солнца, которое погасло и не взойдет уже никогда... Неужели это правда? Он посмотрел вдаль, на горы, на нивы и поля, на белые пашни... Никто не работал в полях, никто не косил на покосах... даже Энгури, вечно грохочущий, неугомонный, неумный Энгури притих — не услышал Бесарион его голоса... Странная неподвижность, тишина и пустота царили окрест...

Ему захотелось сказать людям то, что мучило его давно. Всего несколько слов. Удивительно! Рядом стоящие почувствовали его желание, и это передалось всем. Его голос, надтреснутый, глухой, зазвучал в полной тишине:

— Я знал, что так случится. Знал давно, с самого начала... потому что победить горы трудно. Только я не знал, что это случится так рано. Не ожидал. Спасибо вам, люди, за ваше участие, большое спасибо...

Он умолк и уставился в землю.

Горе его было безмерно и безутешно, и скорбь его не знала предела, но — он должен преодолеть, превозмочь себя, ибо именно на нем, главе дома и владыке скорби, лежала обязанность: позаботиться о траурном обряде и всем, что с ним связано, ведь в их дом придет народ не только со всей Сванэти — придут издалека те, кто знал Мишу, и всех надо встретить достойно, как велят древние, освященные веками законы.

ВЯЧЕСЛАВ ОНИЩЕНКО, мастер спорта международного класса.

Соотечественники Михаила Хергиани, отец Бесарион!

Я пишу эти, очень тяжелые для меня, строки потому, что считаю себя обязанным рассказать о последних днях Михаила — теперь, когда все кончилось, все пройдено. Рассказать как непосредственный очевидец трагедии на Суальто и единственный уцелевший ее участник.

Передо мной неотступно стоят ваши глаза, глаза

мужчин, столь непривычные к слезам, но — полные слез отчаяния и скорби. В глазах ваших я прочел немое желание узнать во всех подробностях, как произошло все это, была ли непреложной гибель Миши.

Тогда, там, в Тбилиси и в Местиа, у меня попросту не было физической возможности рассказать и объяснить вам все. Было столько народу — ведь проститься с Мишей пришли люди не только из самых отдаленных уголков Сванетии, из горных деревень, но и из ближних городов, из Кутаиси, из столицы Грузии — Тбилиси. Это было горе, общее для всех нас, потому что ушел из мира легендарный Миша, необыкновенно отзывчивый и внимательный товарищ и в экспедициях, и в повседневной жизни, везде, всегда и со всеми.

Не однажды бывал я в Сванетии, где мне нравятся все — и природа, и люди с их нравами и обычаями. Вы — дети гор, и вам, как мало кому, известны их повадки. Вы любите и почитаете горы, и совершенно естественно, что имена ваших соотечественников вписались золотыми буквами в историю советского альпинизма. Достаточно назвать таких, как Габриэл, Бекну, Бесарион, Михаил-Младший Хергиани, Чичико Чартолани, Годжи Зурэбиани, Максиме Гварлиани, Иосэб Кахиани, Гио Нигуриани, Алмацгир Квициани и другие. Этот список можно продолжить до бесконечности, потому что, видимо, каждый сван — восходитель.

Весть о гибели Михаила на Суальто горестным эхом прокатилась повсюду, не только в Грузии, на Кавказе, но везде, где доводилось ему бывать, где его знали либо слышали о его блистательных восхождениях, — на Памире, на Тянь-Шане, в Альпах, в Крыму...

Да, его знали повсюду, его непревзойденным мастерством восхищались все.

Михаил Хергиани... Человек, который за свои неполные тридцать лет завоевал все спортивные награды, какие только существовали в Советском Союзе. Многократный чемпион СССР по альпинизму и скалолазанию, получивший в Англии почетное прозвище «Тигра скал», он постоянно выступал в соревнованиях за рубежом и неизменно показывал высокое мастерство, высокий класс альпинизма и скалолазания. Вы

и сами хорошо это знаете, видели своими глазами, либо слышали, либо читали.

Вместе с Мишей я поднялся не на одну вершину. Я многократно бывал первым зрителем и непосредственным участником этих великолепных спортивных спектаклей. Теперь, когда я вспоминаю восхождения, ныне принадлежащие истории, я с особой ясностью и остротой осознаю, как много мы потеряли с гибелью Миши. То были незабываемые и неповторимые восхождения.

Июль 1967 года, небольшой городок Шамони во французских Альпах. Федерация Франции проводит сборы сильнейших альпинистов мира. Регулярно в два года раз в Шамони съезжаются известнейшие высотники, чтобы продемонстрировать свое искусство покорения вершин.

Помню, перед каждым восхождением, как водится у альпинистов, речь заходит о погоде. Я спрашиваю Мишу: «Как ты думаешь, в каком настроении нынче ваш властелин погоды, Элиа?» Миша с добродушной улыбкой отвечает: «Не волнуйся, я просил Элиа, и он пообещал, что все будет в порядке».

Правда, во время тех соревнований погода все время стояла отличная. Французские газеты писали: «Весьма редко, чтобы в Альпах стояла такая хорошая погода. Это дает возможность осуществить блестящие восхождения».

Журналисты и не подозревали, кому они обязаны солнечными днями!

* * *

...Младшая сестренка Михаила Назо в тот год закончила школу. Она еще ни разу не бывала за пределами Сванэти. Что она знала о жизни, что знала о горе! Но даже перевидевшие и пережившие не одну утрату седоволосые пожилые женщины не могли сравниться с Назо: словно искусная плакальщица, причитала она над телом любимого брата.

Солнце взойдет на востоке, Минаан...

Лайлу украсит ярко, Минаан,

Ушбу и Тэтнулд, Минаан!..

К источнику серны сбегутся, Минаан,

К Легвмери сбегутся серны...

Туры замрут на скалах,

На уступах крутых, Минаан!
 На Далакора замрут от горя.
 Индейки горные
 Закричат, завопят от горя, Минаан, —
 А ты будешь спать,
 Си марэ Минаан!..
 «Не волнуйтесь, когда я в горах» —
 О, Минаан!
 «Не волнуйтесь, когда я в скалах» —
 О, Минаан!
 «Горы мне дали колени свои крепкие» —
 О, Минаан!
 «Сердце свое дали несокрушимое» —
 О, Минаан!
 «Свои мускулы дали мне горы» —
 Минаан!
 «Силу свою мне дали...» —
 Минаан, Минаан!
 Горе нам, Минаан!
 Напрасно успокаивал нас, Минаан,
 Облегчал ожиданье напрасно!
 Ты не был богом, Минаан,
 Ламарией не был ты, Минаан!
 Си марэ, Минаан!
 Хоэ, Минаан, Минаан,
 Мирминаан..
 Горе, горе великое,
 Неизбывное —
 Минаан!..

Невозможно было слушать ее. От мала до велика — все рыдали. Энгури вторил их рыданиям — Энгури, сын высоких вершин и сверкающих ледников. Струи его несли и их слезы по погибшему своему рыцарю. Белопенный Энгури — и процессия, облаченная в черное, медленно двигались к Сэт-Местиа. Белые башни вторили плачу.

Причитала Назо. Плакали молча и в голос, содрогались от рыданий люди. И непонятно было, невдомек было, где и когда научилась эта хрупкая девушка ду-

1 Си марэ — ты мужчина. Здесь — в форме обращения. Ламарна — св. Мария, богородица (сванск.).

шераздирающему плачу-причету, откуда брала эти слова, как не запнулась, не ошиблась ни разу...
...Так, вероятно, и слагались сказания о героях. Песни и сказы, предания и легенды — о Вибил-Мацбиле, о Лебсуке Гоштэлиани, о Кансаве Кипиани, о Мирангуле...

* * *

— В 1969 году советские альпинисты впервые приехали в Доломиты Альп. Итальянцы очень тепло встретили нас. Показали нам все вершины, которые нас интересовали...

Мы с Мишей для первого восхождения выбрали вершину шестой категории трудности — башню Тур Венеция. Эта вершина имеет пятисотметровую отвесную стену. На восхождение обычно требуется семь-девять часов, мы же прошли весь маршрут за три часа пятнадцать минут. Это было сенсацией. И если поначалу на нас смотрели с некоторым сомнением, теперь газеты стали писать, что в Италию прибыли сильнейшие советские альпинисты.

Второе наше восхождение — на вершину Банконг тоже прошло блестяще: несмотря на вертикальность стен Банконга, через пять с половиной часов мы стояли на вершине!

На следующий день из Рима прибыли операторы центрального телевидения и корреспонденты газет. Итальянцы попросили нас продемонстрировать наше искусство на пике Венеции. Разумеется, мы ответили согласием. Быстро переоделись и начали подготовку к восхождению.

Операторы в обычной обуви и одежде с огромным трудом следовали за нами, таща свои кинокамеры. Я только успел подумать, что надо бы им помочь, как, смотрю, Миша уже спускается к ним. Он был верен себе. Деталь незначительная, но характерная: там, где нужна была помощь, Миша всегда оказывался первым. Он был на редкость великодушный и самоотверженный человек, сильный не только физически, но, что, пожалуй, еще важнее, сильный духом. Он легко находил путь к сердцу человека, умел дружить и был редким другом. Он умел так незаметно помочь человеку, поддержать в нужный момент, как никто другой, — и в

горах, и в повседневной, «земной» жизни. А это редкий дар...

4 июля выходим на Суальто. Это сложнейшая семисотметровая стена шестой категории трудности. Первооткрыватели маршрута — французские альпинисты Ливанос и Габриэль. Миша решил посвятить восхождение на Суальто памяти дяди, Габриэла Хергиани. С 1952 года этот маршрут прошли всего несколько высотников. Представление о сложности его мы смогли составить благодаря консультации Армандо да Ройта.

Раннее утро. Ночной холод все еще властвует в ущелье. Мы стоим у основания стены, озябшие, и энергично растираем руки. Искоса поглядываем на стену, прикидываем, откуда лучше начать штурм.

Миша вытаскивает из рюкзака путеводитель по Доломитовым Альпам. Еще и еще раз внимательно изучаем маршрут. По фотоснимкам и схемам проверяем узловые пункты, делимся соображениями и впечатлениями. Единодушен наш вывод: восхождение сложное, тяжелое, несравненно тяжелее предыдущих. Но разве Миша когда-либо искал легких восхождений.

И вот — выходим.

Связываемся новой, полученной перед выходом, австрийской веревкой. Пока идем вместе. Стена легко преодолимая. Постепенно уклон возрастает. Предстоит преодолеть отвесный снежно-ледовый участок. Миша страшует меня превосходно, и я медленно, очень осторожно продвигаюсь вверх. Вырубаю во льду ступеньки. Скалы, которые приходят на смену этому участку, мокрые от талой воды и обледенелые, что ощутимо затрудняет подъем. Наконец я выхожу на гребень и принимаю Мишу...

Потом скалы стали посуше, зато сильно увеличился уклон. Миша идет впереди. Вот уже несколько лет мы ходим вместе, я наблюдаю его мастерство, и, казалось бы, что должно меня удивить. И тем не менее всякий раз меня приводит в восторг его непередаваемый почерк, удивительная артистичность каждого его движения, какая-то особая кошачья мягкость, цепкость и пластичность и одновременно — сила! Я смотрю и невольно думаю: за что же он уцепится на этой совершенно гладкой стене? Но он находит какие-то выступы, расщелины, трещины. Кажется, он сросся со ска-

лой, они едины, нерасторжимы, ничто не в состоянии оторвать его оттуда... Каждой мышцей, каждой клеточкой кожи он прилип к стене и медленно, упорно, неуклонно идет вверх. Его движения абсолютно точны...

К сожалению, никакие слова не могут это описать...

* * *

Фасад старинного сванского дома закрывает рисунок. На огромном полотне изображены ущелье Энгური, Ушба и сванские башни. Снежный форпост вершины, на котором — сильно увеличенное фото Михаила.

Во дворе, на столе, разложено охотничье и альпинистское снаряжение Михаила, подаренное ему отцом. Здесь фамильный кинжал и кремневое ружье со своим порохом, бандули и вязанные крючком пачичи, кошки и старая муджура — предок ледоруба, старинный бинокль и шапка из валяной шерсти, чоха-ахалухи и башлык из домотканой шерсти. Все эти предметы говорят о славном прошлом рода Миндохшерн.

Михаил покоится в мачуби нового, только что отстроенного двухэтажного дома. Все село пришло на помощь семье Хергиани, чтобы срочно, за несколько дней, закончить этот дом, перекрыть его крышей, вставить дверные и оконные рамы, застеклить их, оштукатурить стены, настелить полы...

Родственники, соседи, близкие расположились вокруг покойного по степени близости к нему и к семье. Оплакивать погибшего полагалось все эти дни — дни скорби и стенаний. Но кульминация плача была все же на кладбище, перед погребением. Соблюдали порядок — иные причитали и плакали здесь, дома, иные сохраняли себя для последнего прощального плача.

...разве помогут нам твои медали, Минаан!

Разве поможет нам твоя слава —

О, Минаан, мертвый лежишь ты, мертвый!.. — доносился чей-то голос до Бесариона. Он стоял во дворе и с неудовольствием слушал, как кто-то из плакальщиц упрекал его сына за любовь к горам. Бесариона всегда сердило, когда Михаила порицали за это. Эта страсть — фамильная для семьи Хергиани. И вообще он считал, что каждый человек идет своей дорогой в жизни, и никому не ведомо, что ждет его на этой доро-

ге, победа или смерть. Победа — удел смелых, но и поражение тоже удел смелых, а тот, кто не побеждает и не терпит поражения, вообще ничего из себя не представляет.

Племянник, Заур Хергиани, словно почувствовав неудовольствие Бесариона, поспешно подошел к нему и почтительно спросил:

— Ничего ли не желаете, дядя Бесарион?

— Знаешь, милый... скажи-ка женщинам, пускай отдохнут, поздно уже, пускай отдохнут... и ему дадут покой...

* * *

Следующую, предпоследнюю ночь в доме Хергиани остались самые близкие. Как ни велика была тяжесть утраты, а обычаи требовали своего: надо было обговорить и заупокойную трапезу — келех. Еще лет пятьдесят назад к поминальному столу подавали блюда из тех продуктов, которые имелись в самой Сванэти: кабаб, лобио с различными приправами и специями, отварной картофель, вареная и подслащенная чечевица, которой обносили гостей. Из напитков — ячменная либо пшеничная водка. На келех шли не ради еды и питья — зачастую угощение оставалось почти нетронутым: напитки лишь пригубляли — за упокой, съедали малую толику обязательной по ритуалу еды, произносили несколько необходимых тостов — и расходились чинно, пристойно. Но вот однажды на чьем-то келехе появились рыбные и овощные блюда, появилось вино... и пошло, и пошло. Семьи, в которые вторгалась смерть, стали подражать друг другу. Несмотря на то, что привозить из Кутаиси или Зугдиди, или Сухуми рыбу, овощи (те, которые не произрастали в Сванэти) и вино на все село было очень трудно и дорого, это вошло в моду.

* * *

...Пройдена половина маршрута. Мы сидим в небольшой нише, служившей приютом первопокорителям Суальто. Перед последним боем необходимо как следует отдохнуть, набраться сил. Подкрепляемся шоколадом, запиваем его водой из фляжки. Отсюда отлично видно все ущелье, утопающее в зелени, с яркими аль-

пийсками цветами на склонах. Где-то внизу, недовольно ворча, бежит небольшая речушка. В чистейшем воздухе далеко разносится звон бубенчиков стада и покрики пастухов.

— Знаешь, Слава, — говорит Миша, — если зажмурить глаза, кажется, я у себя на родине, в Грузии, в Сванэти. Все здесь напоминает мне родину...

Отдохнув, продолжаем подъем. До вершины каких-то двести метров. Миша идет по левую руку от меня. Вот он зашел в камин, чтобы обойти нависающий над нами карниз. Вскоре я потерял его из виду. Теперь я могу следить за ним лишь по движению веревки.

Считаю про себя метры, которые, по моим расчетам, он должен пройти. Один... два... три... Внезапно до слуха доносится звук камнепада. Вдруг я увидел Мишу — он летит вниз!.. Я изо всей силы дернул веревку. Веревка ободрала ладони, зато удалось ее подтянуть, значит, я поймал Мишу... Но нет! Новая крепкая австрийская веревка перетерлась о скалу! И я вижу, как Миша летит в бездну с обрывком веревки в руках... головой вниз, раскинув руки...

Усилием воли я вышел из оцепенения. Как же это случилось? Ведь всего минуту назад мы были вместе, да что минуту — мгновение назад!.. В ушах еще звучит его голос, его смех.. грузинская мелодия, которую он обычно напевал.. Он, такой жизнелюбивый, такой жизнерадостный.. Я качал головой и твердил — нет, нет, нет!.. Но реальность была неумолима.

Потом я увидел людей внизу, у подступов Суальто. Зрители, альпинисты, судьи... Среди них Михаил Иванович Ануфриков и Слава Романов — ведь они наблюдали за нашим восхождением. Итальянские солдаты, находившиеся поблизости на учениях, бросили все и бегут сюда. Это они, итальянские солдаты, нашли тело Миши и снесли его вниз. И когда Мишу пронесли мимо военного лагеря, национальное знамя Италии было приспущено.

Есть люди, за одно лишь знакомство с которыми благодарен судьбе. Такие люди наделены обычно необыкновенным благородством и силой духа.

Миша многого не успел — жизнь оказалась слишком короткой. Но, такая короткая по времени, она была насыщена событиями и богата свершениями. Не од-

нажды бывал он счастлив. И, что, пожалуй, еще важнее — умел дарить счастье другим. В жизни тех, с кем ему доводилось встретиться, он оставил неизгладимый и прекрасный след.

Нет среди нас Миши Хергиани. Но где бы я ни был, на какую бы вершину ни поднялся, Миша всегда будет со мной.

ЛОРД ДЖОН ХАНТ*: «Тенсинг среди мужей»...

С Михаилом Хергиани впервые я встретился в 1958 году в альпийском лагере «Спартак», расположенном в ущелье Адил-Су у подножия Эльбруса.

Правильные черты лица, удивительно располагающая открытая улыбка... Во всем облике, в манере разговора, в движениях, в голосе, в глазах — доброжелательность, делавшая особенно обаятельным этого грузина. С Михаилом Хергиани и его другом Иосэбом Кахиани мы провели в «Спартаке» десять замечательных дней. Поднялись на пики Кавказа и Шуровского. Из-за метели провели три нелегких дня на подушке Ушбы, находящейся на тысячу футов ниже ее северной вершины.

В период нашего пребывания в лагере Михаил и Иосэб стали чемпионами Советского Союза. Они совершили ряд блестящих восхождений и были включены в состав советской группы альпинистов, которая совместно с группой китайцев должна была подняться на Эверест с северной стороны. Эта экспедиция была запланирована на 1960 год.

Когда спустя четыре года мы встретились на Памире, Михаил носил еще и почетное звание чемпиона СССР по скалолазанию.

Нам, англичанам, довелось полюбоваться мастерством Михаила Хергиани, когда в составе группы советских альпинистов он прибыл в Великобританию. Совместно с нашими альпинистами он осуществил несколько сложных восхождений, приобрел много друзей и поклонников.

В 1962 году — еще одна памятная встреча! В Глав-

* Известный английский альпинист, вместе с шерпом Тенсингом покоривший полюс высоты планеты — Джомолунгму.

ном британо-советском лагере на Памире, у подступов пика Хармо. Миша был в ореоле новой славы, завоеванной при восхождении на пик Шуровского с северной стороны.

Теперь ему предстояло участвовать в самом сложном в истории советского альпинизма восхождении — в штурме пика Коммунизма.

Несмотря на все свои знания и титулы, Михаил не изменял себе: он продолжал оставаться таким же скромным и простым, отзывчивым и сердечным, каким знали его друзья с самых юных лет...

У меня имеется снятая в дни пребывания в этом лагере фотография, на которой Миша запечатлен с охотничьим ружьем и подстреленной куропаткой в руках. Этот свой трофей он преподнес нам в подарок.

Тогда, на Памире, мы расстались с Михаилом на спуске с вершины Хармо, удрученные гибелью Уилфрида Нойса и Робина Смита*. А через семь лет в Италии, на Суальто, погиб и сам Хергиани. Его смерть явилась большой потерей для нас. Это был настоящий мужчина, это был Тенсинг среди мужей...»

...Самолеты доставили множество народу. Из-за хребта вертолетами прибывали приятели, знакомые, друзья Михаила из Кабардино-Балкарии, из альпийских лагерей Терскола и Нальчика...

...Привезли кинопроекторный аппарат. Когда смерклось, в конце двора натянули белую ткань. Прежде чем прокручивать фильмы, старейшина огласил порядок завтрашнего дня. Был объявлен час последней панихиды и выноса. Дети по местным обычаям не должны были присутствовать на похоронах. Однако этот вопрос вызвал споры: многие, в том числе и гости, считали, что на этот раз для детей надо сделать исключение: ведь это не обычные похороны.

...На экране появился Михаил. Он улыбается, приветствует друга, а вот он бежит, вот взбирается на скалу, вот висит на веревке, беседует с односельчанами, занимается со своими студентами, поет, с бокалом в руке произносит заздравный тост... думает, размышляет... Спортсмен, педагог, путешественник, чемпион, сильнейший из сильнейших, тамада, наставник, верный

* Известные английские альпинисты.

и надежный друг, супруг... На экране возникли горы... вершина Бангуриани и Михаил, глядящий на нее снизу.

— Товарищи, — зазвучал в микрофоне голос председателя сельсовета Бенэдиктэ Ратиани, — сейчас на Бангуриани в честь Миши загорится костер.

Через несколько минут на вершине Бангуриани действительно запылал огонь. Это воспитанники Михаила, первые выпускники отделения альпинизма Грузинского института физкультуры Гайоз Чартолани, Гела Гугава, Дженэри Гварлиани, Ладо Гурчиани, Валери Ратиани, Закро Мушкуднани и младший брат Миши — Бека Хергиани поднялись на вершину, посвятив восхождение его памяти.

С вершины Бангуриани взвились в небо тринадцать зеленых ракет — тринадцатилетним он впервые поднялся на Бангуриани — и через несколько минут — тридцать семь. Тридцать семь лет отпущено было ему. Тридцать семь коротких и ярких, озаренных добром и славой лет.

...Бангуриани прощалась с ним. Вершины Кавкасиони прощались со своим сыном.

Во дворе всю ночь сидели люди. Эти люди не были ни родственники Миши, как требует обычай, ни близкие дому. Их даже не знали здесь, в Сванэти. Но они знали Михаила, слышали о нем и прибыли проститься с ним.

* * *

Бекну Хергиани, Чичико Чартолани, Годжи Зурэбиани, Алмацгир Квициани — эти четверо всегда держались вместе и сейчас вместе стояли в центре главной площади Местиа — в почетном карауле у гроба на тигриных лапах.

Женщины, закутанные в черные покрывала, душезрадиюще причитали:

Повидаешь ты Резо Хергиани, Минаан,

Младшего Михаила повидаешь,

Илико Габлиани повидаешь,

И Тиканадзе Гурама тоже—

Всех их там повидаешь, Минаан,

Только мы тебя

Уже не увидим,

Не встретим,

Горе нам, Минаан...

* * *

Бледная как полотно, с запавшими исцарапанными щеками Кати Барлиани не соображала, что творится во круг нее, что происходит на площади. Какой-то странный туман, давящий, плотный, уносил ее в бесконечность и мрак.

Она способна была лишь вспоминать — вспоминать прошедшие дни, минувшее время жизни, которой больше нет. Зачем, к чему вспоминать, ведь она уносится куда-то в черную бесконечность... и все же она вспоминала. Мелочи, детали — все было озарено каким-то далеким золотистым светом — далеким и чуждым ей.

...— Ты просто обленился, в последнее время ты очень обленился...

— Да чего ты хочешь, чего ворчишь, оставь меня в покое...

— Я хочу, чтобы ты выпался наконец и пробудился бы от этой спячки, вот чего я хочу.

— Выгоняешь меня из дому? Зачем ты так торопишь меня, просто не понимаю!..

— Самолет не будет тебя ждать, так и знай. Я все уложила, как ты сказал, все готово.

— Ты просто хочешь побыстрее от меня избавиться, вот и все. Никогда раньше ты не торопила меня так...

— Раньше? Раньше не нужно было, вот и не торопила. Раньше ты сам торопился, а теперь, я вижу, хочешь опоздать. У тебя, по-моему, нет прежней охоты, может, ты просто устал, не знаю... Или не хочешь ехать? Если не хочешь, пойди и скажи, так, мол, и так, не хочу. Не могу. Кого ты стесняешься? А самолет ждать тебя не станет, сам знаешь.

— О-ох, вот пристала в одну душу! Уж когда ты пристанешь, спасения нет. Хорошо, хорошо, где мой рюкзак?

— Можно подумать, я уезжаю за границу, а не ты. Ты едешь за границу, не я. Я бы с удовольствием поехала! Даже одна.

— Так поедем!.. Сказала бы раньше, разве б я тебя не взял?! Ничего, вот как вернусь, заберу тебя куда-нибудь, поедем вместе куда хочешь, хорошо? Но все же, почему ты меня сейчас гонишь? Избавиться хочешь, да? — он улыбается, как только он один умеет улы-

баться — теплой, открытой улыбкой. (Господи, какая у него была улыбка!.. Была?..)

Он встал, оделся. Но все же это не тот, прежний Чхвимлиан, нет, не тот!.. Вроде бы такой же, как был, но чего-то, совсем-совсем малого чего-то нет, какая-то свечечка погасла в душе... не погасла, теплится, тлеет едва-едва... то вспыхивает, то угасает, будто и прежний Чхвимлиан, да нет, не тот...

— Чего ты молчишь, скажи мне что-нибудь... Скажи, что тебе привезти.

«Что привезти?!»

— Ничего, Чхвимлиан, ничего...

— Шарф хочешь, красивый?

— Нет.

— Туфли?

— Нет.

— Тогда сумочку, да? Или, может, пальто хочешь? Нарядное, модное?

— Нет, ничего не хочу.

— Хорошо, что я вспомнил! Привезу и сумочку, и туфли, и пальто. Думаешь, мне денег не хватит? Хватит. Я хочу нарядить мою жену...

— Я ничего не хочу, не выдумывай, бога ради. Есть у меня все, что надо. Езжай спокойно и все.

— Какой я дурак, честное слово! Ведь ни разу, никогда в жизни ничего тебе не привозил! Даже ерундового сувенира не привозил! И о чем только я думал, не понимаю! Какой же я был дурак!

— Ты сейчас дурак, потому что думаешь о таких глупостях.

— Нет, я хочу тебя одеть, как королеву, нарядить во все модное! Когда-то ведь и моей жене надо прифрантиться! — он улыбался, смотрел на нее и улыбался. но в голубых глазах, на самом дне, залегла печаль... грусть... или сожаление... что-то, чего она не могла разглядеть, распознать...

— Всяк сверчок знай свой шесток, — сказано. Не наряжалась Кати в модные наряды. Как было, так и будет. Миша не привозил с гор туры рога, как некоторые. Не убивал туров. Никогда ничего не привозил из заграничных поездок. Не любил ходить по магазинам, и не ходил. Простой сорочки себе не покупал. Человек, который себе ничего не покупает, не купит и другому.

Да я никогда и не говорила ему об этом, никогда не просила. Не упрекнула, не выразила недовольства. И не нужно мне это было. Кроме тебя, на этом свете кого и ничего мне не было нужно.

Но теперь нет тебя!..

...Другие возвращались из экспедиций, нагруженные турьими рогами, потом одаривали этими рогами знакомых и незнакомых, кого угодно, ты — никогда ни одного рога не привез. Потому что ты такой. Таким я тебя полюбила и люблю. Твой рюкзак был набит снаряжением и только снаряжением. Ну и что? Разве я была недовольна хоть когда-нибудь?.. Хоть в самой глубине души? Нет. Каждый живет по-своему. Каждому свое. Разве мы не вместе учили древние пословицы, не вместе постигали их смысл и смысл поучений старших? Вот, например: не сидеть перепелке на дереве — не того роду-племени. Потому мы и встретились с тобой, что ты был таким. Таким, как и я. Нет, похожим на меня. Кажется, это допустимо — чтобы женщина в чем-то была похожа на своего мужа.

...Что же было потом? Потом пришло письмо. Последнее письмо. Ты писал из Москвы. Потом — мой сон. Я поливала тебя, замерзшего, обледенелого, горячей водой, кипятком... но никак не могла растопить лед, разморозить тебя, отогреть... Сколько воды я извела, как я старалась — и ничего. Ты был весь ледяной...

А потом? Что было потом?

Потом был гроб на тигриных лапах, гроб, сделанный там, в Италии. Тигриные лапы... Тигр...

Я лила воду, от которой валил пар, а ты лежал и умолял напоить тебя и отогреть. Может, мне что-то поможет, говорил ты. Дай мне воды, дай напиться, может, я смогу подняться, встать, смогу заговорить, крикнуть, чтобы собрать все Львиное ущелье и возвестить народу завет Белого Старца, завет о дали и зверях... Вот что ты говорил мне, о чем просил. Господи, как странно, святая дева Мария, Ламариа, как странно... «Дай мне напиться... я должен передать им завет Белого Старца... Скоро праздник Джгвиби, я должен взобраться на столп вознесения, чтобы принести урожайный год... я не боюсь ледяных снежков, теперь они мне не страшны». Вот что ты говорил мне во сне. Но я не

могла отогреть тебя. Давай, вскипяти еще воды в котелке. В котелке? Сейчас, вот кипяток, подожди, сейчас... сейчас!..

Кати рванулась, чтобы встать и бежать.

Но идет панихида!

— Куда ты?! — подхватили за руки с обеих сторон, усадили обратно.

— Пустите! Он хочет воды... горячей воды!.. — хриплым, осипшим голосом.

— Успокойся, Кати, успокойся! Молчи, родная, молчи... Посмотри вокруг, сколько людей... оглянись вокруг, несчастная Кати!..

Потом она утратила и эту способность — вспоминать и думать. Сидела, вперив бессмысленный взгляд в одну точку. Ни о чем не думала — все заледенело.

* * *

Поэтесса Тамар Эристави так оплакала его:

Тигр ты был, Хергиани, И много отважней тигра. Ты горы любил, Хергиани, С горами водил игры. И горы тебя забрали — Альпийские Доломиты. Высок ты был, Хергиани, Как поднебесные высы. Имя твое, Хергиани, Время больше возвысит.	Над селом твоим заплачет, В туманы оденется Бангурниани. Высокие башни Лагами В тоске изойдут слезами — По тебе, Хергиани. К могиле твоей звезды Спускаться будут ночами.
Ты обошел, Хергиани, Вершины, что над облаками, Ледовые склоны Памира, Грозные пики Тянь-Шаня. Затоскует по тебе, Хергиани, Ушба, красавица ледяная.	Тигр ты был, Хергиани, И много отважней тигра. Лиле ты пел, Хергиани, Золотое светило. Рыцарь ты был, Хергиани, Рыцарственной всех рыцарей, Ты покоришь, Хергиани, Вершину, что всех выше, Пик благородства, отваги, чести.

**БОРОВИКОВ, заслуженный мастер спорта,
председатель Всесоюзной Федерации альпинизма:**

— Михаил Хергиани был первый мастер спорта международного класса из Грузии. Он с равным увлечением работал в нескольких сферах: альпинист, скалолаз и воспитатель будущих альпинистов, смены

старшего поколения. Он воспитал прекрасных спортсменов. Зимой, когда альпинистский сезон в основном завершен, он работал с лыжниками.

Михаил был одним из талантливейших представителей советской школы скалолазания, альпинист, наделенный особым даром, это был подлинный горный дух. Семь раз подряд он завоевывал звание чемпиона Советского Союза по скалолазанию, этому труднейшему виду спорта, много раз брал призовые места.

В родной Местиа неустанно пропагандировал скалолазание. Он организовал в Местийском районе вспомогательную группу, которой руководили известные альпинисты Бекну Хергиани, Чичико Чартолани и Максиме Гварлиани. Эта группа оказала помощь не одному и не двум попавшим в беду людям, вернула их к жизни...

АНУФРИКОВ, заслуженный мастер спорта. Зав. отделом альпинизма Всесоюзного Ксмитета физкультуры и спорта:

— Да, сам Михаил и его вспомогательная группа спасли от гибели и вернули к жизни множество людей. Тот, кто понимает значение и роль вспомогательной группы и работы, которую вел Михаил, знает, сколь благородной и человеколюбивой была деятельность этого рыцаря гор.

Вспомним хотя бы трагедию, разыгравшуюся на вершине Гадил-Башкара. Группа альпинистов, руководимая Юрием Бурухевичем, застряла в скалах. Под ледяным ветром несколько суток они висели над пропастью. Замерзшие, утратившие малейшую надежду на спасение, утратившие желание жить, они умирали. Но они знали, что где-то поблизости находится лагерь Тигра скал. И если можно было хоть на какой-то миг подумать о возможности спасения, то это спасение могло прийти только оттуда. Только Михаил с его группой могли добраться до них.

И они действительно пришли. Пришли и сняли со скалы полумертвых, обреченных на гибель людей, и вернули их к жизни. Михаил Хергиани согрел и оживил их своим теплом, теплом своего сердца и своего тела, силой своих мускулов и своего духа...

САНДРО ГВАЛИА, заслуженный мастер спорта СССР:

— Миша Хергиани, наш Чхвимилиан, для всех товарищей, друзей, приятелей всегда являлся воплощением мужества, самопожертвования, великодушия и благородства. Узнав, что кому-то трудно, он бросал все и спешил на помощь.

Так было на Тянь-Шане, в роковом 1961, на пике Победы, где обрел вечную обитель Илико Габлиани. Михаил Младший едва не остался с ним в краю вечных снегов и льдов, но Миша ценой смертельного риска с невероятным трудом спас его: взвалил на спину замерзшего, потерявшего сознание и волю к жизни Михо и тащил его около пяти километров вниз с семитысячметровой высоты, по головокружительным тропам, где над ними витала смерть. Это был неслыханный подвиг.

Он от рождения был способен на удивительное самопожертвование, Тигр скал.

В дальнейшем, спустя годы, когда неизлечимая болезнь все же сделала свое и Михаила Младшего не стало, Михаил сказал как-то: «У меня такое чувство, будто мне отсекли одно плечо». И действительно, со дня смерти Михо он и вправду держался так, будто ему нанесли тяжкое увечье. Он редко смеялся, даже улыбка, знаменитая Мишина улыбка, открытая, теплая, редко появлялась на его лице, да и она была уже не той, что прежде.

Перед поездкой в Италию он пребывал в какой-то странной раздвоенности. Как знать, может, неосознанное, смутное предчувствие гибели тяготило его...

Но Михаил был сыном своего отца, потомком своих предков — упорных, сильных, волевых людей, с молоком матери впитавшим их страсть к покорению вершин. Тигру скал, сыну гор несвойственно было отступать.

И он отправился в свой поход — в последний. В последний раз овеяли его ветры далеких вершин, в последний раз он связался альпинистской веревкой, в последний раз устремился к солнцу...

ГРИГОЛ ГУЛБАНИ, заслуженный мастер спорта:

Товарищи хорошо знали: на трудном участке, где надо ползти ощупью и ощупью же выискивать малейшую опору, первым шел Тигр скал. Он был нашей надеждой, нашей главной опорой, мы полагались на его природное чутье, на его силу и выносливость, на его уникальное мастерство. Мы ждали, когда он выйдет на «спокойное» место и спустит нам веревку.

И там, на Суальто, первым шел Михаил, применяя все те невероятные по риску и искусству приемы, которые он показал еще в Англии и на Ушбе, пальцами цепляясь за малейшие трещины и выступы гладкой стены. Повисал на пальцах, продвигался дальше и снова искал...

Но — «Не остановит смерть ни узкая тропа, ни скалистая...»* — не эти ли слова промелькнули в его сознании в роковой миг?..

Смерть поднялась в горы, смерть пошла по его пятам и похитила его...

В трудные минуты Михаил обычно напевал «Лилео» — древнегрузинский гимн солнцу. Всю жизнь он словно бы играл с солнцем, и вся жизнь его была стремлением к солнцу.

В Доломитах Альп в первый и последний раз прозвучала мелодия «Лилео» — и свершилось предначертанное от века: земля ты есть и в землю обратишься...

«Рожденный в Сванэти многим обязан горам»... Горы породили его, подобно легкому ветру, спустился он к нам с высот... Исполины Кавкасион явили миру своего сына...

И в свой час соединился он с утесами и ущельями, с солнцем и луной...

Он прожил короткую жизнь, но успел написать мужественнейшую книгу, книгу большой жизни. Эта книга останется на вечную память друзьям, знакомым и незнакомым — всем людям Земли.

* * *

...И наконец оплакал сына Бесарион...

Исхудавшими, сильными когда-то руками бил себя в грудь:

* Руставели, подстрочный перевод.

041935340
0032010030

Не верю, сын мой, не верю в твою смерть!

Не верю в твоё поражение!

Но когда представляю твой полет,

Когда представляю твоё парение...

О, как мог ты так воспарить —

И остаться в живых!..

Не осуди своего отца за слезы,

Не осуди, если я потеряю разум...

Нет, никто не осуждал Бесариона. Плакали седовласые старики в традиционных чоха-ахалухи.

На вершине Бангуриани стояли воспитанники Михаила. Пусть те, кто стремится к вершинам, будут спокойны:

там, в горах Большого Кавкасиони, обиталище Тигра скал, там бодрствуют выпестованные им, те, кому он передал завет: «Человек превыше всех вершин».

* * *

...Промчатся годы, пройдут столетия, и седовласый сказитель будет рассказывать древние легенды:

— Вначале был Беткил.

После Беткила — Чорла.

После Чорла — Муратби Киболани.

После Муратби были Алеша и Гио.

После Алешы и Гио — Бекну и Чичико, Габриэл и Максиме, Бесарион.

И было два Михаила Хергиани: Михаил Младший и Михаил — Тигр скал.

Все они были охотники и горновосходители. Любовь к вершинам и вольным ветрам, любовь к заоблачным высям объединяла их...

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Рассказы

Вяз

НАУТРО после свадьбы. Двор замусорен бумагой.

К забору прислонены доски и длинные скамьи. На веревках висят грязные скатерти.

У стола, заваленного посудой, суетятся женщины. Опершись о клюку, сидит на солнцепеке старуха, бдящая, будто наседка, следит, как бы кто не взял греха на душу, не прихватил с собой что-нибудь. И она права: кого только здесь нет, снуют взад-вперед, перебирают и раскладывают посуду. Тут смотри в оба. Некоторые явно нечисты на руку, что угодно стянут из-под носа. За долгую жизнь в этом грешном мире ей пришлось повидать и не такое.

— Еще две мелких было... Да, вот эти, с цветочками...

— Те кружки Нуцины.

— И с отбитыми краями?

— Этого я уже не помню!—задумалась хозяйка.

— Считай, голубушка, считай. Ничего не пропусти...

— Поняла, сколько можно указывать мне! — огрызнулась та на свекровь. — Чтоб ты навек замолчала! — она отвернулась, а женщины покатались с хохоту. — Никак не избавлюсь от ее команд...

— И мы когда-нибудь состаримся, Зина...

— Не дожить мне до старости, если такой стану... Лежит, как хорек, то — не так, это — не эдак... Я еле на ногах держусь, всю ночь глаз не смыкала.

— Зато зять всем хорош, и люди довольны угощением.

— Довольны, довольны! — подтвердила другая.

— А моя дочь хуже, что ли? Как я теперь буду без нее?! — фальшиво прослезилась Зина.

— Девушка должна упорхнуть... Не на хромом же Коцо оставить ее.

— Чтоб ему провалиться!.. Как он посмел прийти?!

— Он прямо весь черный сидел. Еще хорошо, что не забуянил.

— Попробовал бы он... Что люди о себе воображают! Разве моя дочь пара этому колченогому? — Закатив глаза, Зина ушла, прижимая к груди тарелки.

— Скряги, а строят из себя!.. Как только молодых увезли, все со столов прибрали...

— Верно, верно. половина теленка еще осталась! — зашушукались женщины.

— Вилки с ножами пересчитайте, наших три дюжины! — заметив, что невестка ушла, снова дала указание свекровь.

— Зина права, у нее такой паскудный язык.

— На край света убежишь...

Оборвав пересуды, женщины, улыбаясь, поздоровались с не спавшим всю ночь, опухшим хозяином дома.

Нанэ вынес из подвала бутылку, налил в нее воды, энергично потряс и вылил воду в ручей.

И тут в прогревшемся воздухе раздался глухой рокот барабана:

«Дип-дара, дип-дара, дрип-та-та... Дип-дара, дип-дара...» — навязчиво лезло в уши.

Заслонясь от солнца рукой, Нанэ посмотрел туда, откуда доносились эти звуки...

Я помчался напрямик. Пробежал через огороды, утыканные кустами помидоров, перца и капустой. и очутился на пригорке, там, где над прозрачной водой раскинулись две старые ольхи, но пирующие расположились выше, у края поля, под вязом.

Хрипатый, колченогий Коцо, будто привидение, стоял, прислонившись к стволу.

Зурна Коротышки-Шалико заходила в тоске.

— За твоё здоровье, мой обездоленный судьбой дружище! — отложив доли, сказал Васо-Поросенок.

Коцо заскрежетал зубами, схватился за ворот — только пуговицы брызнули в разные стороны.

— Ты это брось! — Шалико попытался собрать пуговицы.

— Оставь!.. Я такое потерял.. Поймите меня, вы же люди.. Оставь, говорю, на кой черт мне теперь пуговицы!

Горе-горе, потерял
Милое сокровище... —

подлил масла в огонь Васо-Поросенок:

— Так, мои дорогие, так, терзайте, жгите меня. Пусть от меня один пепел останется, один пепел!

— Пускай твой поджигатель сгорит!

— Не говори о ней плохо, Шалико!—Коцо полуумоляюще, полуугрожающе помахал пальцем. — Вот что сгубило меня, вот что! — Он ударил по хромой ноге, сполз на землю и свесил голову. — Разве я не понимал? Понимал, да сердце упрямо, его не переспоришь!..

Только теперь Коцо заметил меня:

— Подходи, парень, у нас панихида по любви, подходи, выпей с нами стакан, чертов сын!

На выпуклое пузо кувшина упала капля и высохла, как клякса.

Я отхлебнул. Ну и кислятина, как они это пьют?!

Коротышка-Шалико положил кусок сыра на ломоть хлеба и протянул мне. Мне не хотелось, их закуска, наваленная на газету, не вызывала аппетита, но, чтобы никого не обидеть, я взял этот «бутерброд».

— Есть же у нас родители? — спросил Васо.

— Есть, только у Коцо нет отца, однако...

— Значит, выпьем за их здоровье, а твоему отцу пусть земля будет пухом!..

— Заткнись, заткнись! — вскочил Коцо. — О любви говори, о любви!.. За этим столом я других тостов не признаю...

— Э-э, как ты втюрился!

— Вам-то что, вы красивые!

— Мы-то красивые? — Коротышка-Шалико чуть не подавился от смеха. — Ну ты выдал, где еще найдешь таких страшил, как мы?

— Все красивые, кто не ковыляет, как я!.. И тот, что рядом с ней сидел, тоже красивый, счастливый!..

Я с детства на нее как на икону смотрел, душа обмирала... Вдруг пришел этот, у которого не было ни одной бессонной ночи из-за нее, пришел и увез. А все потому, что он красивый, ходит стройно... Ох, черт бы его побрал!.. Красавцы! — Коцо рухнул на землю ничком и принялся драть ее ногтями, с корнями вырывая траву. — Вышла, замуж вышла!.. Ушла, даже не оглянулась!..

Мы с трудом подняли и усадили его. Полой рубашки стерли налипшую на нос грязь...

По деревне разнесся слух, что хромой Коцо напился и у вяза оплакивает дочку Нанэ.

Чуть ли не все деревня сбежалась.

Стоят на холмистом берегу и смотрят, как трое ненормальных кружат, будто привидения. Смотрят, потешаются над безответной и безнадежной любовью колченогого.

— И мулу заодно поднесите, он тоже влюблен.

Мул пасется неподалеку, лениво шевелит длинными ушами, подергивает крупом — кусают слепни, брыкается, отфыркивается, вытянув шею.

— Подпой ему, Поросенок-Васо, подтяни!

— Шалико-Коротышка, пожалей свои впавшие щеки, дай сюда зурну, дуну — на неделю хватит.

Две перекошенные от пьянки рожи бессмысленно щерятся. А одолеваемый злобой Коцо затягивается папиросой и посылает «благословения» на головы собравшихся зевак.

Показался пасмурный Нанэ. За ним, причитая и размахивая руками, поспешает его жена.

Она останавливается поодаль, а Нанэ, наклонив голову, мчится, словно разъяренный бык.

— Выпей с нами, Нанэ! — протягивая стакан, встречает его Поросенок-Васо.

— Пошел вон! — отталкивает его Нанэ и оказывается рядом с понуро сидящим на земле, будто тряпичным, Коцо. — Ты чего вытянул шею, никак не угомонишься?!

— Тебе что надо? — Коцо мизинцем стряхнул пепел с окурка.

— Почему ты хочешь погибнуть от моей руки, зачем срамишь ее, а?

— Иди, Нанэ, ступай своей дорогой!.. Хотитея, и
пью.

— Зачем, спрашиваю, ее срамишь?

— Хотел бы я ее осрамить, так не выпустил бы,
когда она у меня, как выюн, была прижата к этому
вязу...

— Кто, мерзавец?!

— Кто, кроме твоей дочери!

Нанэ отмахнулся от цепляющихся за него музыкантов и, словно пустой мешок, поднял Коцо в воздух.

Я в ужасе закрыл глаза.

— Пусть признается, что сочинил, не то...

Зрители бросились к Нанэ, закуска на газете превратилась в грязное месиво.

— Перестань, разве он тебе ровня!

— Нет, пусть скажет, пусть! — Нанэ успел дотянуться носком сапога до Коцо, чье лицо уже было в крови, и садануть его в бок.

— А ты, дурак, ждешь, чтобы этот медведь растоптал тебя, скажи, что выдумал, и дело с концом!

— Скажи, говорят... Чтоб господь у тебя язык отнял!

Коцо поднялся, встал в двух шагах от Нанэ, улыбнулся:

— Отпустите его, тогда скажу.

— Он обещает сказать, Нанэ, уймись, он извинится!

Коцо неторопливо оглядел толпу, прищурясь, взглянул на закатное солнце и спросил, будто адресуясь к нему:

— Да говори наконец! — Пальцы Нанэ снова сжались в кулак.

— Сказать, а?

— Если они слепцы, то ты-то, боже, знаешь — вырос я в сиротстве. Меня не очень баловали... Помню только одну сладкую минуту, а они хотят, чтобы я от нее отрекся.

В ту лунную ночь, когда ветерок нежно ласкал землю у этого вяза ты сказал нам, что и хромой, и здоровый равны, обнимитесь и наслаждайтесь друг другом. Кто, благословенный, отмахнется от твоего по-

желания! Поцеловал я ее, и закружилась земля. Говорил же я тебе, что не привык к счастью.

Зачем ты так!.. Если подарил ту минуту, словно единственную звезду в непроглядную ночь, зачем теперь он отнимает божий подарок?..

Нанэ ринулся к нему, но его остановило лицо Коцо, залитое слезами. Он отпустил его ворот и ошеломленно покачал головой:

— Скажи мне, ты умный или дурак?

— Дурак, Нанэ, дурак! — Опустив голову, Коцо прошел мимо застывших в минутной грусти людей, снял порванную рубашку, сунул под мышку и, шатаясь, побрел вниз.

— Однако он осрамил ее! — ударила себя по щеке жена.

— Замолчи, дура! — рявкнул Нанэ.

В сердцах он схватил валявшийся кувшин и трахнул его о вяз.

* * *

В полночь пошел дождь. От грома сотрясались стекла. Под утро гроыхнуло напоследок, будто небо столкнулось с землей, и все стихло. Умывшееся солнце взглянуло на деревню.

— Кто-то, чтоб у него руки отсохли, срубил вяз, облил керосином и поджег! — говорили женщины у родника.

Мы, дети, побежали смотреть.

Издали казалось, что над ольхами рухнула часовня.

Коцо опередил нас. Он стоял и смотрел на переломанные, обугленные ветви, как на труп близкого человека.

Потом растерянно оглянулся, будто застигнутый на месте преступления:

— В жару тут можно было укрыться..

Оголившееся поле смахивало на развалины дома, который рухнул вдруг и погреб под собой единственную сладкую минуту в жизни колченогого Коцо.

Гиго

НА КРАЮ деревни
живет безногий
Гиго, толстый, с

отвислым вторым подбородком, с лохматыми бровями и серыми, глубоко сидящими глазами. Когда Гиго сидит, еще куда ни шло — мощные, налитые силой плечи и мускулистые руки внушают невольное уважение, но больно смотреть, когда он встанет и пройдет, точно заковылявший пень, на своих резиновых «подшвах», прикрученных ремешками к культяпкам, или разговаривает с вами, будто по колено в яме.

Есть у него тихходная, зеленая двухместная инвалидная коляска, такая же жалкая, как и ее хозяин, но на диво выносливая, верный собрат его радостей и невзгод.

Гиго трясется над ней, в меру сил, вполне сносно для инвалида обхаживает ее: машина—единственная его возможность вырваться из опостылевших до тошноты стен, двора, огороженного поникшим колючим кустарником. Она, дребезжа, увозит его прочь, умиротворяет его озлобившуюся душу, заставляет на время забыть свою беспомощность, поглядеть на мир, и к вечеру возвращает в деревню, честно катая по ухабистым подъемам прикованного к месту калеку.

Во дворе машина остановится под тутой, шумно вздохнет, затрясется, как в лихорадке, выпалит дымом сгоревшего бензина и замрет, будто старая черепаха.

Гиго не спешит выходить; оторвет от газеты полосу, выровняет края, насыпет на нее табаку, прильнет пальцем, лизнет языком, неторопливо свернет сигарку, скрутит конец, чтобы не просыпался табак.

От сильной затяжки самокрутка сгорает чуть ли не до половины, одна за другой вспыхивают и гаснут буквы, дрожит готовый упасть пепел сотлевшей бумаги и табака. Прищурясь, Гиго продвигает пальцы все ближе к губам; наконец огонь добирается и до них, он затанется напоследок, швырнет окурок в окно, с отвращением, будто отныне никогда не возьмет в рот подобную пакость, ругнет его — «чтоб ты провалился!» — но стоит ему выбраться из машины и присна-

ститься на привычном месте, как снова он аккуратно выравнивает клочок газеты и три пальца, будто сговорившись, ныряют в кiset...

А чем еще убить время непригодному для сельских работ, преждевременно списанному человеку? Нет выхода запруженной энергии, дать бы ему развернуться — задурившего быка на колени поставит. Без пользы пропадают и недюжинная сила, и могучие, отливающие бронзой руки. Битыми днями сидит он, ложка-карит — вырезает ложки разных форм и размеров, ковши, ступки... Потом наступает день, Гиго сваливает в мешок свои поделки и везет их на базар — что ни говори, все же подспорье семье, существующей попечением женщины.

Жена Гиго давно привыкла к его бесконечным придиркам и ругани. Если раньше она сносила их молча, терпя и уступая, то теперь даже жалости не осталось: озлобившаяся женщина ни во что не ставит мужа, сучит кулаками перед носом гавкающего, как цепной пес, калеки, сама костерит его, вдесятеро возвращая его брань, но всегда — улучив момент, когда поблизости от Гиго нет ни табуретки, ни кувшина. Однако на днях и она попала впросак — тяжелая баклуша чуть не раскроила ей лоб.

Ту ночь Гиго провел у постели стонущей жены. Она лежала с перевязанной головой, с опухшим, почерневшим лицом, а он сидел рядом и менял ей примочки.

— Ты что, доконать меня решил? — женщина с трудом шевелила бескровными губами.

Гиго не знал, что он решил, чего добивался, поэтому не мог ответить, окунул тряпку в миску с водой, стоящую на табуретке, выкрутил, но не разжал пальцы, изо всей силы, будто душа чья-то, стискивал влажную холстину.

— Кто у тебя есть кроме меня, за что же ты меня убиваешь? — снова услышал он.

Гиго не ответил и на сей раз, встряхнул тряпку, протер жене лицо и зло швырнул в миску.

Особенно тяжело ему приходится во хмелю: ломит виски, где-то далеко, еле уловимо что-то шуршит, как песок, потом это шуршание или пыхтенье нарастает, приближается, постепенно превращаясь в вой и свист,

в стук колес, чтобы налететь и пронестись по и без того уже еле живому Гиго... Кто знает, сколько раз повторялось такое после случившегося, сколько смертей пережил он?.. И как он вообще жив, как требовать от него хорошего настроения, приветливости, спокойствия и рассудительности?

Гиго ходил в женихах, когда сорвался с подножки вагона и его ноги наполовину оказались под колесами. Он ничего не почувствовал, только видел, как беспощадно рубил и кромсал их поезд, вздыбившийся над ним, словно шатающаяся стена.

«Лучше бы головой упасть», — успел подумать он и потерял сознание.

Поначалу он хотел наложить на себя руки, но его привязали к кровати, а затем горькая жизнь показалась сладкой, так и тянется до сегодняшнего дня. Может быть, сейчас, когда он осточертел всем, самое время сунуть голову в петлю, теперь-то его никто не удерживает? Э-э, как не удерживает? Гиго покосился на кровать, где виднелись торчащие из-под одеяла косички... Это и есть единственная и, вероятно, последняя радость Гиго, худенькая, как былинка, Тало... Талало... Та, которая так или иначе мирит его с жизнью. Во всем мире только эту кроху, беззаветно любящую своего колеку-отца, ничуть не удивляет его диковинное, чудовищное состояние. Она привыкла, не представляет отца другим; пусть он злится, кричит, проклинает все на свете, для Тало он все равно лучше всех. Стоит ей улыбнуться, блеснуть редкими зубами, как глаза Гиго подергиваются легким туманом нежности, стирающим вечную угрюмость его взгляда, все его тело переполняет бесконечная доброта, он забывает о своем увечье, вместе со щебечущей дочкой уносится в прекрасную мечту, и в душе уже нет ненависти к опостылевшему, как темница, дому.

Когда на хмельного Гиго с воем и лязгом мчится поезд, когда неумолимый стук колес разрывает барабанные перепонки и он готов сокрушить все вокруг, лишь бы избавиться от невыносимого кошмара, к нему, как спустившийся на землю ангел-хранитель, спешит Тало — улыбнется, обнимет за шею и... останавливается поезд, мартовским инеем тают страх и ярость, он прижмет к груди легонькую, как сухой ствол ку-

курузы, доченьку и в который раз клянется, что уже больше не будет, не будет ссориться ни с матерью, ни с соседями, лишь бы Тало было хорошо... Хорошо... Спокойно... Он бормочет, находя множество ласковых слов, тайком утирая слезы рукавом, платком, бумагой, всем, что попадает под руку, лишь бы Тало не заметила и не огорчилась...

* * *

Выросла Тало как-то незаметно. Чуть ли не в один день стало тесным ситцевое платье с короткими рукавами. Когда она проходит по улице, ее сопровождают взгляды ослабившихся юнцов, и Гиго понимает, что теперь за ней нужен глаз да глаз.

«Был бы у нее брат!» — мрачно поглядывает он на жену, счищая с головок чеснока сухую землю.

Тало дома, лежа на тахте, читает любовный роман. Лицо ее то хмурится, то вспыхивает, озаряясь счастливой улыбкой.

Неожиданно она кладет книгу, выскакивает за дверь и, как коршун, налетает на отца, занятого работой. Прижавшись к его спине, она замирает, обхватив подбородок отца худыми руками и прильнув щекой к его небритому лицу.

— Ах ты, бесененок, вот выдам тебя замуж и избавлюсь от твоих наскоков! — улыбается растроганный ласкою Гиго.

«Был бы у нее брат, защитник ей нужен, защитник... Еще немного... Кто посчитается со мной?... Кричи не кричи, мерзавцы и нахалы плевали на твой крик!» — Гиго в сердцах взмахивает ножом, и с чурбака летит разрубленная головка чеснока.

Тало снова в доме, все с той же книгой, снова рядом с рыцарем своей мечты мчится по тернистой, полной превратностей дороге любви. Где уж угнаться за ними безногому Гиго?

Артист

ИЗ САЦНАХЕЛИ¹, в который горой навален виноград, булькая, течет сладкий сок, узкой лентой вьется по желобу и пропадает в разверстой пасти квеври. Пока он

¹ Сацнахели — давяльня.

течет сам по себе, но едва кто-либо встанет на эту гору, хлынет таким потоком, что не уместится в желобе.

Мужчина моет ноги, моет тщательно, неторопливо, сверху вниз скребет волосатые голени, каждый палец трет до тех пор, пока чистая кожа не начинает скрипеть под руками.

Над ним стоит жена с чайником в руке, ждет, когда он закончит, чтобы ополоснуть ему ноги еще раз чистой водой, а потом подать перекинутое через ее плечо чистое полотенце, и временами покрикивает на мужа:

— Пошевеливайся, у меня и без тебя дел полно!

Улыбка растягивает спрятавшиеся под нависшими усами губы мужчины.

— Ступай, стоишь над головой, как надзиратель.

— Если над тобой не стоять, до утра мыть будешь... Порасторопней, говорю, — и она ущипнула мужа за плечо.

— Не учи меня, сам знаю, когда расторопничать... Круглый год надрывался, зато виноград собрал, как янтарь, ягодка к ягодке, а теперь грязными ногами испоганить его?.. «Эх, хозяин, эй, радушный, заскрипела дверь марани...» — вполголоса затянул он. — Ты лучше приготовь что-нибудь, никогда не знаешь, кто заглянет...

— Как же!.. Когда другие давили, нас в гости никто за подол не тянул...

— Эх, Нуца, Нуца, все норовишь скрягой умереть?! Лей же, ну!.. Потише...

Ополоснув одну, потом другую ногу, мужчина упирается пятками в край таза.

— Вытереть!

— На... Чтоб тебе провалиться, что с тобой успеешь?! У тебя хоть дом гори, ты не почешешься. Люди давно уже собрали виноград, а твой завял и высох, что путного из него выйдет?

— Нам хватит.

— Ему хватит! — передразнила жена. — Только о собственном брюхе печешься, будто нам ничего не нужно. — Схватив таз, взбежала по лестнице в несколько ступенек к двери марани, выплеснула воду на траву и тут же вернулась, не прекращая распекать мужа. — Ночь на дворе! Сколько еще будешь холить свои проклятые ноги?! — Выхватила у него полотенце. — Вот

тебе тапки... Да чистые, чистые!.. Поднимайся же, наконец... Пстой, подверни повыше, намочишь...

«Дождешься его!» — подумала она, присела на корточки и, стараясь подвернуть штанины как можно выше, закатала их до самого паха.

— Нехорошо шарить...

— Что? — она взглянула на смеющегося мужа.

— Не лезь, говорю, в запретную зону.

— Тьфу! Да чтоб ты провалился со своей запретной зоной!..

— А что тогда будешь делать? — он полез в сацнахели.

— Найду что, — Нуца подбоченилась и сердито надула губы.

— Помоги нам, господи! — ухватившись за борта сацнахели, мужчина приступил к делу.

Мерно поднимаются и опускаются две огромные ступни, все полнее в желобе, все толще и веселее алая струя, исчезающая в утробе квеври...

Свечерело. Женщина щелкнула выключателем. Засветилась подернутая паутиной лампочка.

— Ну как, не нашла еще?.. Возьми-ка рубашку, жарко.

— Не простудись! — однако взяла. — Ни одной целой майки у тебя нет, все застираны до дыр...

— Ты же на днях купила!

— Нугзар носит.

— Не утерпел...

— Что ему делать, молодой, рад принарядиться... Недавно просил — у нашего продавца японский костюм припрятан, уговори отца, чтобы купил мне к выпускному вечеру.

— Что? Вам, может, кажется, что я печатаю деньги?.. Добьетесь у меня, я этого продавца изуродую... И какой к черту выпускной вечер, сначала надо узнать, дадут ли ему закончить школу.

— Что ты говоришь, кого сейчас оставляют на второй год? Как, говорит, отец этого не знает, — рассердилась женщина.—К твоему сведению, еще хуже него есть...

— Сколько стоит?

— Триста рублей.

— Сколько набавила?

— Как на духу...
— Нет, я его в самом деле измордую, растопчу, как этот виноград, сбивает парня с толку, я его...
— Ног не хватит топтать, не он, так другие найдутся.

— Не понимаю, частная лавочка, что ли?
Во дворе кто-то затопал, ругаясь, и в тот же миг залилась лаем собака:

— Взбесилась, проклятая... Кази, Кази!
— Выгляни, кто там, не искусала бы.
— По голосу не узнаешь?.. Видать, носом учуял! — женщина кинула презрительный взгляд на дверь марани, в которую почти вкатился напуганный собакой мужчина в нахлобученной до бровей кепке.

Ощутив себя в безопасности, гость первым делом осмотрел свою куртку из искусственной кожи, простроченную частыми швами, не прошлись ли по ней собачьи зубы.

— Это ты, Ношре?

— Я... Здравствуйте все!.. Ваша бродячая псина не признала меня!

— Поглядите на него!.. Бродячие у тебя дома, — вспыхнула Нуца.

— Редко нас навещаешь, вот она и того...

— Редко, зато, как явлюсь, твоя жена не успевает тарелки подносить к столу.

— Тарелок ему захотелось! А ты хоть пальцем пошевелил, когда мы в три погибели таскали корзины?..

— Меня дома не было, только что пришел, даже руки не успел помыть.

— Куда же торопился, и руки бы вымыл, и брюхо набил...

— Хватит, не досаждай человеку... — прикрикнул муж. — Кепка у тебя какая-то новомодная.

— Недавно сшил... Погляди, какая! — Ношре стащил с головы кепку и протянул хозяину.

— Убери подальше, волос натрясешь, — снова вспыхнула женщина, которая перебирала разложенные на тахте яблоки, бросая подпорченные в ведро.

— Кепка, действительно, хоть куда... Смотри, у этого сукина сына голова как у меня, в самый раз, никогда бы не подумал.

— Э, Матэ, главное, что внутри, а на величину я

не могу пожаловаться! — захохотал Ношре. — Па-па-па, как булькает... Вот что нас сводит с ума, не так ли?

— Оно самое...

— Не заглядывай в кеври, сглазишь.

— Чем злословить, принесла бы что-нибудь благословить ваше изобилие.

— Он прав, — поддакнул гостю Матэ. — Оставь эти яблоки и порасторопней...

— Чтоб у вас животы полопались! — пробурчала Нуца. С ведром в руке поднялась по ступенькам, поставила его у двери и крикнула:

— Цицино, дочка, не слышишь?.. Нугзар, Нугзар!.. Оглохли!..

Дочка отозвалась.

— Принеси хлеба и ту вишневку, что в графине.

Ношре недовольно взглянул на нее:

— Покрепче не найдется? Вишневка не про нас...

— Он еще выбирать изволит! — рассердилась Нуца.

Скоро в подвал спустилась Цицино, прижимая к груди несколько лавашей.

— Здравствуйте, дядя Ношре!

— Я на тебя сердит.

— За что?

— Меня чуть ваша собака не сожрала, а ты с братцем будто ничего не слышали.

— Наша собака на хороших людей не лает, — девушка поставила на скамью миниатюрный графинчик.

— Укороти язык, негодница! — погрозил пальцем отец.

— Ай-яй-яй!.. Какая жалость, что тебе не достался медовый язык твоего папаши! — словно в глубоком огорчении, мать ударила себя по коленям.

— Ну вот, черт побери, и до меня добрались... Ступай, принеси два стакана.

Ношре провел рукой по треногой табуретке и, удостоверясь, что она не пыльная, опустился на нее.

Цицино мигом вернулась.

— Нам сейчас не до выпивки, по стаканчику, и будет, — наполнив оба стакана, Нуца спрятала графинчик под передником.

— Прекрати, целый день жалишь, как скорпион!

— не на шутку рассердившись, Матэ выплеснул вишневку из стакана. — Иди и принеси что-нибудь нормальное.

— Какое еще нормальное, это вам в самый раз...

— Принеси, говорю!

— Не ори на меня, прошло то время, когда от твоего рыка я в обморок падала!.. Ради кого я пожертвовала своей жизнью, боже, ради этого медведя и его медвежьей породы?! — она вынула из-под передника графин и потрясла им над головой.

— Остепенись, говорю.

— Не остепенюсь, — она топнула по утрамбованному земляному полу. — Только бы тебя слышали! Послушайте и меня!.. До каких пор, о, до каких пор мне покрывать его?! — Нуца гневным взглядом впилась в вытаращившего глаза Ношре, в руке которого мелкой дрожью трясся стакан с розовой жидкостью.

— Когда другие костерят и поносят своих мужей, желая им гроб и могилу, я, чтоб язык у меня отсох, стою да нахваливаю его... Что вы, мой такого не позволит, иногда, конечно, пошумит, зато меня на руках носит... Да разве можно сравнить хамство их благоверных с твоим, походи ты на них, я бы слова не проронила!.. Ненаглядный мой!..

— Объясните мне, какая муха вас укусила? — воспользовавшись паузой, Ношре быстро осушил стакан.

— На кого мне походить? — с опозданием шевельнулся в душе Матэ червячок самолюбия. — На Чико, на Мито, на Илью?

— Хотя бы и на них!

— Ты в самом деле ослепла!.. Нашла с кем сравнивать, ты...

— Кто тебе сказал, что я сравниваю? — она вытянула шею и вызывающе подалась вперед.

— Смотри, как бы я эту троицу не разукрасил! — Матэ хватил кулаком по краю сацнахели.

— Охо-хо, таки тронх... Сразу!.. А не добавить ли еще пяток, стоит ли с тремя связываться?

— Заткнись, говорю, не доводи меня!

— Ладно, хватит вам! — поднялся Ношре.

— Какой Караман Кантэли, Бакбак-дэви¹ выискался в нашем доме, как я до сих пор не знала!.. Вправду бы на что-то годился! — она презрительно махнула рукой и снова принялась за яблоки.

— Ах, значит так?! — взревел Матэ столь диким голосом, что Ношре даже качнуло.

Пальцы Нуцы примерзли к очередному яблоку, она поняла, что дело принимает нешуточный оборот.

— Я тебе говорила, что не боюсь твоего рыка, вот так! — она думала перекричать мужа, но из горла вырвался такой жалкий писк, что негодующая женщина чуть не задохнулась от злости.

— Что ты, брат?!.. Опомнись!..

— Прочь, Ношре! — Матэ полез из сацнахели, переноса через борт красные, облепленные виноградной кожурой ноги; виноградный сок тек на пол, сейчас между пальцами.

— Чико, Мито и Илья, значит?.. Погоди, я тебе покажу, на что они годятся!.. Прочь с дороги!..

— Куда ты? Не булгачь детей!..

— Мне сейчас на всех наплевать!.. Что ты цепляешься, Ношре! — Матэ так саданул гостя локтем, что хваленая кепка того слетела с головы и покати-лась по земле.

— Хоть гостя не трогай!

— Теперь он гость? А ты, Нуца, мне под руки не попадайся!..

— Будто я раньше не попадалась! — заюлила жена, покорно глядя ему в глаза. — Не срами меня перед всей деревней, только этого не хватало!.. Ношре, помоги мне!..

— Меня по крайней мере, уважь!..

— Слышишь, уважь его!.. Ты же не ребенок, миленький, нам с тобой не сладить.

— Вот это саданул, право, медведь, — охнул Ношре.

Матэ остановился. Тяжело провел ладонью по лицу.

— С тем, что осталось, я быстро управлюсь. А ты

---

¹ Караман Кантэли и Бакбак-дэви — богатыри грузинских сказок.

пока иди и зарежь не одну, а две курицы, понятно?
— для вящей убедительности он показал на пальцах.
— И прежде, чем я закончу, чтобы тут был накрыт по-человечески стол.

— Ты только не горячись, — облегченно вздохнула жена и засемила по лестнице, но тут же обернулась. — Матэ, зачем же две, одной вполне хватит, они же несушки...

— А-а, хочешь, чтобы я снова... — и, скрежеща зубами, Матэ сделал шаг, но жена — «Ладно, ладно, как тебе угодно» — испарилась, будто привидение.

Ношре, понутив голову, поднял валяющуюся под ногами кепку.

— Ты куда? — задержал его хозяин.

— Ваше угощение поперек горла встало, — Ношре не верил своим глазам, видя расплывшееся в улыбке лицо Матэ, не мерещится ли ему?

— Подожди, сейчас закончу и посидим.

— Ты, часом, не свихнулся?

— Похоже было?

— Спрашиваешь! Дай тебе бог здоровья, двух человек чуть не изуродовал, а теперь хохочешь...

— Ты подумал, что я в самом деле рассердился?

— В самом деле? — ошарашенный вконец Ношре взглянул на измызганную кепку, потом перевел взгляд на голые ноги Матэ.

— Э, рассердись я, где бы вам меня удержать!.. А все-таки здорово я ее взгрел?.. С неделю помнить будет.

— Так тоже ни к чему! Не стоило вылезать из сацнахели.

— Пустяки, земля чистая, ополосну ноги и продолжу.

— У вас всегда такое?

— Еще чего!.. Терять равновесие из-за бабы?.. Помоги мне корзину отнести, а там, если не лень, зови сюда Чико, Мито и Илюшу.

— Ну ты даешь, настоящий артист! Ну актер, думает одно, а делает другое... Вот тип! — и, не скрывая изумления, Ношре затопал за Матэ, поддерживая дно корзины и постанывая от натуги.

Шумовка

ДВЕРЬ веранды отворила женщина в халате с засученными рукавами.

— Проходи, проходи!

— Мама просила одолжить шумовку.

— Она пока мне самой нужна, но скоро освободится... Заходи!

— Я тут подожду.

— Скорей, холод запускаем.

Мальчик посмотрел на глянцевый красный пол, потом — на свои ботинки с налипшим на них снегом, нагнулся, собираясь развязать шнурки, но, вспомнив о прохудившихся носках, снова выпрямился:

— Я лучше потом зайду!

— Посмотрите на этого упрянца! — женщина обняла его. — Как тебе не совестно, кого ты стесняешься!

Видя, что увильнуть не удастся, мальчик сбил снег с ботинок и пошел за женщиной.

На веранде пахло ванилью. На столе в углу лежали неразделанные куры, а на тарелках — гозинаки и хачапури.

— Проходи в комнату, там Нугзар с отцом елку наряжают... А у тебя есть елка?

— У меня? — растерялся мальчик. — Зачем она мне, я уже большой.

— Большой... Мне вон сколько лет, а я, как ребенок, рада елке, — женщина сняла крышку с кипящей кастрюли. Рука с шумовкой окуталась паром. — Нугзар, сынок, пригласи его!

Нугзар тотчас же объявился:

— Пошли, ну, пошли... Спорим, что ни у кого в городе нет такой елки — все игрушки московские... У тебя есть московские игрушки?

— Сколько хочешь!

— Откуда? — удивился Нугзар.

— Отец привез! — мальчика кинуло в холодный пот — что он мелет, зачем выдумывает.

— Да-а... — восторг Нугзара сразу пропал. — А если приду, покажешь?

— Мы их у родственников оставили, они пока там...

— Тогда завтра...

— Завтра можно, если с утра в деревню не уедем!

«Я что-то совсем заврался», — рассердился на себя мальчик, разглядывая праздничный наряд Нугзара: белоснежную рубашку, подтяжки с блестящими пряжками, отутюженные брюки, — и ощутил безграничное стеснение, робость, даже страх. Он стеснялся этого увальня Нугзара, с которым играл каждый день... Сколько раз колотил его... Чтоб не врал... Но завтра? Если завтра Нугзар стукнет его, он может и не ответить.

Когда они прошли в комнату, мальчик и вправду поразился — елка упиралась в потолок, сверкали ее ветки, согнувшиеся от тяжести игрушек, конфет и тирлянд.

— Нравится? — посмотрел на него отец Нугзара, присевший у елки.

Мальчик кивнул и опустился в мягкое кресло, скорее от восторга, нежели от желания присесть.

— Была бы еще лучше, да этот... — отец строго взглянул на Нугзара, — угодил ногой в коробку и все раздавил....

— Я же не нарочно, я не заметил...

— Замолчи!.. Не заметил!.. О том и толкую, что не заметил. Хотя бы звезда уцелела, тебя, что ли, вместо нее повесить?

Понурый Нугзар, теребя подтяжки, присел рядом с мальчиком.

— Будет тебе, не свет же клином сошелся... Бери, сынок, — женщина подвинула к мальчику стул и поставила на него тарелку с печеньем.

— Потакай ему, потакай! — привстал мужчина, — Вам-то что горевать, сидите дома на всем готовом...

— А меня папа не ругал бы, что бы я ни сломал, — почему-то сказал мальчик и покраснел.

— Что у вас ломать, когда ничего нет, — бросил мужчина и улыбнулся, чтобы смягчить свои слова. Нет, не улыбнулся, просто оскалил зубы, на лице не было и тени улыбки.

— Если ты завелся, тебя не остановишь, — ворча, женщина вышла.

Мужчина затолкал бумагу в пустой ящик и вынес его на веранду.

Что-то больно задело мальчика. Правда, он не мог понять, отчего слова Нугзариного отца кольнули в са-

мое сердце, но одно несомненно — елку будто толкнули, она зашаталась, накренилась, упала, грохнулась и рассыпалась, усеяв пол дробью осколков. В мгновение ока все стало жалким и противным. Это видение было настолько явственным, что мальчик приподнялся и огляделся—ничто не изменилось, ни елка, ни буфет, набитый посудой. По-прежнему сверкали согнувшиеся ветви, но они уже не вызывали прежнего восхищения, и отныне, если надо будет, он не раз поколотит этого увальня Нугзара.

Нугзар толкнул его локтем — ешь.

— Ты почему его в ботинках впустила?—глухо донесся с веранды сердитый голос мужчины. Мальчик понял, кого он имеет в виду, отдернул и зажал между коленями потянувшуюся к печению руку и, покрывшись холодным потом, украдкой покосился вниз — мокрые следы на красном глянцевого полу обрывались у кресла около лужицы, натекашей с ботинок...

Мальчик не помнил, как он вышел из комнаты. Красный, как рак, сбежал по ступенькам...

— Ты чего плачешь, сынок? — мать взяла у него шумовку.

— Кто, я? — растерялся мальчик и утер глаза рукавом.

— Кто-о-я, кто-о-я? — бляя, передразнила его маленькая сестренка, готовая в любую минуту дать стрелкача.

Мальчик и не подумал гнаться за ней. Он сел на тахту, обвел глазами комнату и, чтобы скрыть слезы, уставился на абажур.

Мать с шумовкой в руке суетилась около кастрюли.

Сестра рисовала елку, то и дело слюнявя кончик зеленого карандаша.

Отец резал лук.

— Что с тобой? Нугзар, что ли, побил? — пошутил отец и отвернулся, щурясь, — лук, видимо, попался злой.

— Скажешь тоже...

— А выглядишь как побитый.

— Пап, мы бедные? — спросил мальчик, не отрывая глаз от абажура.

— Вот те раз... — отец не закончил.

Воцарилась тягостная тишина. На лицах родителей отразилось грустное недоумение. Отец достал с полки коробку «Казбека», накинул пальто и вышел.

Курил он редко.

Кукла

ДВЕРЬ распахнулась. Сначала показалась девочка, на плече которой пожухлым листом лежала худая, жилистая ладонь, потом Мариам увидела и хозяйку этой ладони — старую Машо.

Переведя ребенка через порог, уже в комнате, гостья спросила: «Можно?» и, не дожидаясь ответа, раздела девочку, а потом сама откинула за спину наброшенную на голову шаль.

— Как у вас тепло, — она помяла свои корявые пальцы и через силу улыбнулась, словно заискивая перед Мариам.

— Присаживайся, Машо, — Мариам пододвинула к ней табуретку. — Что нового скажешь?

— Какие там новости, у меня еще старое не состарилось... Иди, доченька, я тебя на колени посажу. — Машо с трудом подняла ребенка.

Отошли от холода, согрелись, у девочки зарумянились щеки, у старой посветлело горестное лицо страстотерпицы.

— Затянулась зима, — сказала Мариам.

— Все одно к одному, как назло. Еще поднасыпет — крыша нам на голову обвалится... Ступай, поиграй, — Машо подтолкнула внучку.

Девочка букой покосилась на бабушку и еще теснее прильнула к ее впалой груди, прижимая к себе куклу со смешно растопыренными руками.

Многие, очевидно, помнят деревенские куклы пятидесятых годов — две связанные крест-накрест палочки, та, что подлиннее — туловище, покорооче — руки. Тряпичное, набитое ватой лицо с неумело нарисованными бровями, глазами и ресницами, со ртом до ушей, с двумя кружочками на щеках, старательно выведенными губной помадой. Собранное из разноцветных лоскутков платье... У этих кукол иногда бывали аккуратно заплетенные косички и даже бусы на шее. Корооче говоря, красавицы, одно загляденье, и,

что самое главное, они очень походили на своих хозяек, девчонок тех лет, которых опалила стужа послевоенной нужды и недоедания и примешала к их беззаботным улыбкам изрядную долю неосознанной горечи.

Куклы пели и плакали голосами своих хозяек. Они плясали, смеялись, маленькие, торчащие из-под мышек или прижатые к груди беспомощные игрушки, порождение послевоенной нужды, изобретение для развлечения своих наивных, но якобы рассудительных хозяек.

И эти двое походили друг на друга и не отводили друг от друга любящих глаз. Когда стало жарко, бабушка отодвинулась вместе с табуреткой, а девочка сняла с куклы «лишнюю» одежду, стыдливо взглянула на Мариам, приложила куклу к груди и начала ее укачивать, бережно поддерживая рукой.

— Ишь ты! — Мариам пальцем потрепала девочку по носу. — А ночью она не плачет?

— Плачет, — ответила девочка.

— Почему, есть, наверное, хочет?

— Нет, к маме просится.

— А ты не потакай, дай ей грудь, она и успокоится.

— Все равно не успокаивается... Потом и мне захочется к маме, и тогда мы вместе плачем.

Наступила гнетущая тишина.

«Видишь, каково мне!» — взглядом сказала Машо и поцеловала внучку в пробор на голове.

— Ты слишком избаловала свою озорницу, — будто шутя, попеняла Мариам девочке и протянула ей миску с жареными тыквенными семечками.

Оставив куклу бабушке, девочка пересела на другую табуретку, поставила миску на колени и принялась щелкать семечки.

Машо придвинулась к Мариам.

— Убили меня ее страдания, вся душа извелась. Что делать, в какую воду броситься, в какую петлю сунуть голову? Керосин, налог, одежда. Как растянуть на все мои жалкие копейки? Я уже не человек стала, отмучиться бы и отдохнуть, да эту жалко... Прошу своего парня, умоляю — помирись ты с ней, плохая она или хорошая, она мать этому ребенку, кто его по-

жалеет, если не она... Да-а... Уперся, как баран, сам не знает, чего хочет, придет пьяный, напустится на нас, скандалит... А при чем тут этот невинный ягненок, с ума, что ли, хочет ее свести?.. Из-за чего, спрашивается, весь этот тарарам: почему жена без его ведома ушла к родителям? Попросись она, так бы он и пустил!.. Велел передать, чтоб ее ноги здесь не было!.. И она заартачилась, дважды я к ней ходила, не пожаловала... Однако я не теряю надежды, может быть, как-нибудь слеплю...

— Помиряются они, все перемелется, и помирятся! — улучила момент Мариам, чтобы вставить слово.

— Сердце у меня умерло, сердце, его уже не воскресишь, все, кончено, сгорело. Обуглилось... Удивляюсь, как оно еще бьется, само мучается и меня мучает... Будь у меня муж, все было бы иначе, ни сын, ни невестка не посмели бы измываться надо мной. А теперь что прикажете делать, сесть, сложа руки — на кого оставишь эту несчастную?!

Сглазили мою судьбу, такой ли я была, когда меня сюда привезли? Гляжу, бывало, в зеркало, наглядеться на себя не могу, — и Машо со смехом хлопнула Мариам по колену, — не принимай, дескать, мою болтовню всерьез.

И они ушли, медленно, рука об руку.

Произожди между супругами пустяковая размолвка, они бы давным-давно помирились и простили бы друг другу все обиды, но Мариам и вся деревня хорошо знали, где зарыта собака.

Между мужем и женой, как терновый куст, вклинилась посторонняя бабенка, целиком завладела лопухим Датиа, охомутала, проходу не давала, заставила забыть семью.

О Мерцико ходили такие слухи, что, будь они верны хотя бы наполовину, и этого за глаза бы хватило. Оплавав свою первую ошибку, она как с цепи сорвалась и пошла по рукам. Даже если считать, что деревня раздувала факты, скажем, вместо десяти говорила сто, для репутации Мерцико это не имело никакого значения, да и кто их вообще считал, одним больше, одним меньше. Деревенские пересуды только потешали ее.

В последнее время Мерцико «притормозила», ей

надоело «охотиться» наобум, да и краденое, скрывае-
мое удовольствие потеряло цену, захотелось иметь
свое, чтобы ни с кем не делиться и ни у кого не опас-
ривать.

Она плюнула на прошлое и... нацелилась на Да-
тия; опыт подсказал ей, что, пожелай она, Датиа
бросит свою неказистую жену, но для этого требова-
лось время и терпение, былая резвость могла сослу-
жить плохую службу, рубить с плеча не годилось.

Сначала Мерцико сблизилась с семьей Датиа,
втерлась в доверие, расположила всех к себе, так вы-
вернулась, что даже Машо оттаяла, и в самом деле,
в чем ее можно было упрекнуть? — придет, скажет:
«Дел у вас много, давайте хоть от ребенка избавлю»,
соберет девочку, нарядит, аккуратно заплетет косич-
ки и носится с ней по всей деревне.

Но основной мишенью являлся, конечно, Датиа, с
ним она особенно заигрывала, застенчиво опускала гла-
за, краснела, бледнела, будто не зная, куда деваться от
стыда, конфузилась, словно всю жизнь прожила в пе-
щере и впервые столкнулась с женщиной.

Я уже говорил и повторяю—она была женщина
тертая, не торопилась, шла обходными путями, сдер-
живая, как собаку на привязи, зудящую страсть, а по-
том выпустила когти—улучив момент, когда Датиа ост-
тался один, она подлезла к нему с выпивкой:

— Такое собачье настроение, руки бы на себя на-
ложила!

— Что такое, с чего тебе руки накладывать? — ис-
кренне удивился он.

— А что прикажешь делать? Препираться, встать
на одну доску с ними? — Мерцико снова наполнила
его стакан. — Языки бы им пооторвать, языки...

— Что же такое они сказали? — допытывался муж-
чина.

— Язык не поворачивается повторить... Будто я с
тбой живу!

— Что? — вскочил Датиа. — Смотри, как обнаг-
лел народ!

— То-то и оно! — поддакнула женщина, хотя ей
не очень понравилось его неподдельное возмущение.

— Как, откуда, с чего они взяли? — не успокаива-
вался Датиа.

— Тут доказывать не приходится, они говорят, что твои мать с женой зря не скажут.

Датиа как громом хватило.

— Не стоило мне говорить, да не утерпела, зло берет.

— Я им покажу! — погрозил он.

— Успокойся, я тебя такого никуда не пущу, еще натворишь дел, — повисла на нем Мерцико, не пуская к двери. — Кто меня за язык тянул, зачем я сказала?.. Но они, чтоб ты знал, в чем-то правы... Что скрывать, все равно всем известно... Ночи не бывает, чтоб ты мне не снился, истерзалась вся, не знаю, куда бежать...

Такой поворот дела совсем ошарашил Датиа, тепло прилипшей к нему женщины сделало свое, и он подумал: «Упалый кус не минует уст...».

— Истерзалась?.. С чего бы, я же тут?.. — бессмысленно бормотал он заплетающимся языком и, подхватив обмякшую женщину, потащил ее к тахте, но Мерцико внезапно «очнулась», вывернулась и была такова.

Долго она манежила и себя, и его, но бог с ним, с этим манеженьем... Распалась семья. Жена терпела, терпела, но когда флирт мужа встал поперек горла, собралась и уехала к родителям, оставив ребенка на попечение немощной свекрови.

Машо оказалась крепким орешком и не позволила сыну ввести эту несусветную шлюху в свой дом. По всему околотку разносились их каждодневные скандалы. А на людях Машо держалась с таким видом, будто ничего не случилось, прятала, как говорится, горячие угли в кулаке, но кого она могла провести, все знали истинную причину распада семьи.

Маленькая девочка, свидетельница всех скандалов, никак не могла понять, почему мама бросила ее, почему папа, от которого вечно разило вином, рычит на нее, почему старшие все время ругаются. Все изменились, и только одна кукла по-прежнему преданно любила ее.

Вечером она положит куклу рядом с собой, накроет одеялом и шепчется с ней:

— Опять обмочилась, паршивка... Лежи теперь, я тебе менять не буду...

— Отвяжись, сколько можно рассказывать сказки, язык уже устал...

— Мама за конфетами пошла, скоро вернется...
Что ты ревешь, я тоже соскучилась по маме, а все равно терплю....

Побранит, поругает куклу, но и сама не может сдержаться, отвернется к стене, подальше от глаз, всхлипнет, и теплая слезинка скользнет по носу и застрянет на губах.

Откуда ей было знать, что кроме бабушки она никому не нужна...

Не сумев уломать старуху, Датиа подхватил свою пассиву и, как говорила Машо, укатил ко всем чертям.

Вскоре и мать девочки подцепила какого-то шофера из Западной Грузии и вышла замуж.

Ни один из родителей не подумал о дочери. Разбежались в разные стороны, отмахнулись от нее, как от чумной, а девочка, точно живая кукла, часами просиживала у окна, провожая прохожих таким горестным и убитым взглядом, что тем становилось не по себе — какое потрясение пережила эта кроха, что за горе постигло ее.

* * *

Прошли месяцы, бабушка и внучка по-прежнему неразлучны.

— Как жизнь, Машо, как дела? — поинтересуется кто-нибудь, и старуха тут же остановится:

— Эх, что спрашивать, милая, сердце у меня надорвалось, сердце...

Но задавшего вопрос уже и след простыл. Все в деревне устали от ее нытья, каждому хватает своих забот.

Внучке тоже надоели однообразные жалобы бабушки, она не может дождаться, когда старая замолчит. Девочка теперь не плачет ни днем, ни ночью, ей все равно, приедут за ней мать с отцом или нет. А те, видимо, чувствуя это, строят свое счастье на несчастье ребенка, который, не выпуская из рук грязную, замусоленную куклу, неуклюже поспешает за Машо, цепко держась за ее юбку, словно опасается потерять и бабушку, словно боится, что и эта старуха в шлепанцах и дырявых носках может исчезнуть.

Шелест

ТЫ ЖЕ помнишь
наш илистый, как
бы оцепенелый кан-

нал — старым, обленившимся псом растянулся он в ногах моей деревни и нехотя лижет глинистые откосы. Он оживает только тогда, когда за водокачкой в него загоняют стадо, — вздымается, шумно хлещет по спинам животных, которые, высунув наружу головы, блаженствуют в его парной воде.

Вдоль одного берега тянутся два ряда высоких тополей и искромсанная гусеницами тракторов дорога. У водокачки она сворачивает к полю и, прямая как стрела, пролегает до деревни.

По этой дороге нес я обед своим изнуренным жарой дядям.

— Где ты пропадал? — исподлобья глянули они на меня, побросали мотыги в борозды и направились к тополям.

Пока я опорожнял корзинку, они спустились к воде, смешно раскорячась, умылись, ополоснули босые ноги, поднялись наверх и, как голодные волки, набросились на еду. Скоро на салфетке не осталось даже крошек. Дяди растянулись на траве, а я, сбросив одежду, прыгнул в канал. Долго я нежился в воде, спасаясь от жары, а когда вылез на берег, они храпели в два голоса, словно сыгравшиеся трубачи. Я пощекотал травинкой в носу одного дяди, потом — другого. Они недовольно морщатся и отмахиваются во сне руками, полагая, что их беспокоит муха; узнай они, в чем дело — не миновать мне оплеухи.

Раскаляется небо, трещины на земле раздались чуть ли не в пядь. По ту сторону канала поник редкий колхозный виноградник, по эту — кукуруза. Изредка вскрикнет перепел или чирикнет птица, и снова на все камнем ложится тяжелое, знойное безмолвие.

Сквозь дрему я слышу, как встрепенулись тополя. С вершин до нижних веток пробежала дрожь, и приятный шелест набирает силу, словно крепнувший голос певца. Будто наяву вижу — слетаются и заматают меня до времени увядшие листья. Деревья поют, самозабвенно их пение, раскачиваются, словно упорные весла в небесном океане, и плавно возносят меня вместе с лужайкой; я лечу, с восторгом и замиранием сердца по-

глядывая на уходящую вниз землю... Затем около меня возникает белый старец, трясущимися руками смахивает с моей груди пожухлые листья, наклоняется и целует меня в правое плечо.

Я спрашиваю его, кто он.

— Т-сс! — добро улыбаясь, старец подносит палец к губам и растворяется в шелесте тополей, тая, словно белый дым.

— Вставай, брат, простудишься!

Я бессмысленно гляжу на дядю, не в силах понять, как я очутился на земле, когда миг назад парил в небе.

— Смотри, что я тебе принес! — он протягивает мне руку, которую прятал за спину, и я вижу, что его пальцы сжимают перепела.

— Отпусти!

— Ты с ума сошел? Знаешь, сколько я за ним гонялся?

— Не нужен он мне, отпусти! — так отчаянно взмолился я, что дядя скорее всего от изумления разжал кулак.

Видимо, и перепел не понял, за что ему даруют свободу, — какой-то миг оцепенело сидел на ладони и вдруг взвился ввысь.

Дядя с сожалением покачал головой — что ты за человек!

У меня ломит затекшие во сне руки, но я, счастливый, наполненный внутренним светом, слушаю песнь покачивающихся тополей.

Перевел Карло ХУЧУА

ЗИМНЯЯ СОНАТА

I
Река тускла, и робок голос снега,
Но колокол серебряно поет —
То красота предутреннего неба
Звучит во мне и на простор зовет.
Седой рассвет, нагих деревьев стая —
Все жаждут солнца, скрыт его огонь.
И ветер, из тумана вырастая,
Летит снегами, как хрустальный конь.
И где-то над лесами в отдаленье
Мороз и ветер пробуют мотив,
И снежной дали немолчное пенье
Зовет в поля, в простор певучий их.

II
Идем. Искрится снежными цветами
Покров полей. Мы слышим клики гор.
На полотне небес они зубцами
Прорезали немислимый узор.
Взметнется конь и тотчас же умчится,
Мелькнет куда-то легкий санный след.
И мы за ним, где снежный вихрь кружится.
Где над лесами утомленный снег.
Молчим. И кажется, на бездорожье
Встречаем волчий взгляд и скорбный вой...
И счастлив я твоей невольной ложью,
Поверив лжи, мы счастливы с тобой.
Идем. А поле блещет и ликует,
Как небывалой силы самоцвет.
А горы на холсте небес рисует
Какой-то гений — повторений нет.

ХЛЕБ

Хлеб созрел.
Время жатвы и сбора.
Спелый колос
Зовет на поля.
Повеленьем
Добра и простора
Встанем рядом, —
Нас кормит земля.
Хлеб добра,
Хлеб насущный и щедрый,
Мы во власти его бытия.
Из всего,
Что послали нам недра,
Он ценнейший, —
В нем тайна своя.
Он бессмертен —
Доступный и зримый,
Не его ль возрождение в нас?
Если живы не хлебом единым.
Это он нас насытил и спас.
Шла война
По страданиям и смерти,
По полям,
Утопавшим в крови,
Но надежда вела нас:
— Вы верьте! —
Хлеб над каждым склонялся:
— Живи! —
Край отцов,
Будешь вечно под небом,
Красоту приумножат года.
Наша сила,
Взращенная хлебом,
Да хранит тебя
В мире всегда.

ДЕРЕВЬЯ В ГОРОДЕ

В страхе, что небо закроют домами,
В робкой надежде трепещут они:

Где тот простор, что с ветрами, с громами?
Только тоска в отраженной тени.

Снятся им лес и полдневное солнце,
Птичьи напевы, лесная земля,
Верят: однажды надежда исполнится —
Пленники улиц рванутся в поля.

В МАСТЕРСКОЙ ЧЕКАНЩИКА ИРАКЛИЯ ОЧИАУРИ

Разверзлось небо, словно выше стало,
Пред этим солнцем я затрепетал:
Здесь приказали руки петь металлу,
А был простой, глухонемой металл.
Здесь душу пробудят колокола —
Ее порыв к высокому призвали:
К ней прикоснулись лунные крыла
И древнее дыханье Опизари.

Я чувствую: от рам освободясь,
Ко мне подходит дева с бубном лунным,
И долго длится тот волшебный пляс —
И кто учил? И чьи звучали струны?
И степь плыла на солнечный пожар,
И звезды двигались в сияющей купели,
И где-то рядом плакала Тамар,
И пел вблизи великий Руставели.
Был вознесен я и сражен вконец:
Со стен ко мне отчизна призывала,
При чем здесь кисть или при чем резец?
Здесь волшебство само поколдовало.
Мне лился свет на плечи неземной,
Как льется дождь потоком непрерывным,
А мой народ, бушующий и мирный,
Сходил со стен и говорил со мной.

Перевела Наталья ДАРДЫКИНА

Я снега ждал, прислушиваясь к звуку
его шагов, и, раскрывая окна,
в неволе страха жил и верил слуху, —
чернели ветви сада одиноко...
Я белых пальцев чувствовал касанье
на дальней лесосеке — звон был светел,
и чудилось студеное дыханье...
Но только слезы птиц принес мне ветер.
Я приготовил гостю слов немало:
постели белизну и все пространство
моей тоски... У окон ночь дремала.
Запаздывал мой гость из дальних странствий.
А ты росую утренней блестела...
Во сне, как будто в зареве погони,
от страха сжавшись, ты в снях летела,
и масть тумана повторяли кони.
А может быть, в снегу по горло стоя,
как будто в белом, тяжком ожерелье, —
звала ты в королевство ледяное,
и руки вновь надеждою светлели...
И снега ждал, прислушиваясь к звуку
его шагов, и, раскрывая окна,
в неволе страха жил и верил слуху, —
чернели ветви сада одиноко...

Перевела Наталья ГЕНИНА

Хлеб над каждым существом
— Живи! —
Край отцов,
будешь вечно под небом,
красоту приумножат года,
Наша сила,
Взращенная хлебом,
да хранит тебя
В мире всегда.

ДЕРЕВЬЯ В ГОРОДЕ
В стране, что небо
В АНЖИВУ

БЫВАЕТ, короткая встреча, беглая беседа с человеком вдруг распахнут перед тобой богатый, красивый мир, а потом прочно и надолго поселятся в твоей памяти.

Вот так запал мне в душу Андро Кикнавелидзе—председатель колхоза имени Ленина Маяковского района, кавалер двух орденов Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, ветеран войны. Сейчас ему уже 72 года. Всю свою жизнь он верно и преданно служит Родине.

Когда несколько позднее мне довелось поближе узнать его, я был поражен и очарован этой личностью.

Это достойный потомок тех истинных представителей народа, кто прожил свою жизнь в неустанном труде, чей разум никогда не был замутнен алчностью, кто умел любить, умел заслужить любовь своего народа, что и составляет самое великое богатство среди всех богатств.

Когда я признался Андро, что собираюсь писать о нем и его колхозе очерк, он задумался.

Соломон
ДЕМУРХАНАШВИЛИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

— Поймите меня правильно, — сказал он, — обо мне уже так много написано. Лучше поискать другого председателя, другой колхоз.

Он помолчал, потом добавил:

— Вот хотя бы сакраульский колхоз. Я работал там пару десятков лет назад. Сменивший меня председатель работает там по сей день. И колхоз передовой, и село необыкновенно красивое, да еще и историческое — Ленин упоминает его в одной из своих статей...

И я, следуя его совету, направился в сторону Сакраула.

Сверху на разбросанную по склону горы деревню взируют покрытые вечнозеленым лесом аджаро-имеретинские горы. Вдоль села протекает быстрая, прозрачная река Сакраула, серебряной лентой сопровождая автомобильную дорогу, затерявшуюся в оврагах и за обрывами.

Со склонов — Сакраула вся как на ладони. Имеретинская низина со своими селами, садами и виноградниками, реками. Богатый лес, холодные горные родники, которыми уже давно пользуются жители Сакраула, прохлада, обильные пастбища и сенокосы — вот все, чем природа щедро наделила эту деревню.

Раньше село называлось Кикнавелети.

— Прежде фамилия была у нас Кикнадзе и происходили мы из Верхней Имерети, — вспоминают долгожители этого села. — Наши предки бежали от господина и обосновались здесь. Пустили корни, назвали себя Кикнавелидзе, а деревню — Кикнавелети.

Это маленькое село, возможно, и не сыскать на многих картах Грузии. И хотя история его не восходит к седой древности, у него все же есть свое славное прошлое, которым оно может гордиться так же, как и своим сегодняшним днем.

Когда царский сатрап Максуд Алиханов сжег дотла Зестафони, около тысячи бежавших оттуда людей, в большинстве старики, женщины и дети, укрылись в Сакраула. Позднее Алиханов разорил и это село. После набега Алиханова царское правительство начало насильственно переселять местных жителей и изгонять их из родных мест.

3 июня 1912 года в легальной большевистской газете «Невская звезда» была напечатана статья В. И. Ленина «Переселенческий вопрос», в которой был разоблачен коварный замысел царизма в вопросе переселения крестьян. Прозорливый взгляд Ленина проник в далекую Грузию, обнаружил и там, в затерянном где-то в горах маленьком селе Кикнавелети — нынешнем Сакраула — измученных тяжелой жизнью крестьян.

Подлинное экономическое и культурное возрождение села произошло после Великой Октябрьской социалистической революции. Но подступившее к порогу несчастье — Великая Отечественная война — обрвало его мирную счастливую жизнь.

— Эта маленькая горная деревушка проводила на фронт триста воинов.

— Триста?! — изумленно переспрашиваю председателя сакраульского колхоза Отара Кикнавелидзе.

— Тогда деревня была большая, — с болью говорит председатель, — мы имели одной только пашни 800 гектаров.

Отару сейчас за пятьдесят. Это стройный мужчина, опаленный солнцем, закаленный трудом и заботами. Всего лишь несколько минут назад он сказал мне, что в Сакраула 214 дворов. Потому я и удивился — как такое маленькое село отправило на фронт три сотни бойцов

«Тогда деревня была большая...» Мысленно повторяю с грустью сказанное председателем и поражаюсь: неужели человек с легкостью может покинуть эту чудесную деревню, раскинувшуюся в одном из красивейших уголков, богатую журчащими горными ключами, пастбищами, лесами, где такой чистый, прозрачный воздух?!

Председатель словно проник в мои мысли и глухо сказал:

— В город уходят. Молодым не нужна ни земля, ни работа на ней. С войны вернулось около ста человек. Двести остались на полях сражений. Несколько лет назад мы пригласили на сельский сход людей, которые в разное время покинули нашу деревню. Тогда скульптор Автандил Кикнавелидзе, выходец из этой

деревни, взялся безвозмездно создать мемориал погибшим. Он его создал.

Сегодня в своей деятельности трудящиеся Маяковского района руководствуются решениями апрельского и октябрьского Пленумов ЦК нашей партии. Опираясь на положения и выводы, высказанные на этих пленумах Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищем М. С. Горбачевым, они достигли значительных успехов в выполнении планов и обязательств одиннадцатой пятилетки. По основным отраслям народного хозяйства пятилетний план выполнен в районе за четыре года и один месяц. Судите сами: пятилетний план продажи винограда государству реализован на 101 процент, мяса — на 113, молока — на 104, яиц — тоже на 104, шелковичных коконов — на 103, фруктов — на 108, овощей — на 112 процентов.

За последние пять лет объем выпущенной промышленной продукции возрос на 15 миллионов рублей, производительность труда на 5,7 процента выше плановой, себестоимость снизилась на 0,9 процента.

В этих общих успехах района определенная доля приходится и на наш колхоз. Так, с каждого гектара мы собираем 12 тонн винограда.

— Двенадцать тонн?

— Да, двенадцать. А бригада, которой руководит Гиви Масхарашвили, собрала по двенадцать с половиной тонн на каждом гектаре насаждений.

И в самом деле, удивительно получить с каждого гектара 12 и 13 тонн винограда в таком горном селе, как Сакраула. Такие обильные урожаи и для кахетинского виноградаря — проблема, хотя в Кахети механизация куда шире используется.

Уже пятнадцать лет сакраульский колхоз владеет переходящим Красным Знаменем.

В этой маленькой деревне восемь Героев Социалистического Труда, то есть один Герой на 25 дворов. Добавьте сюда депутата Верховного Совета Грузинской ССР, передового виноградаря и шелководы Гултамзе Табукашвили, кавалера орденов Ленина и Октябрьской революции Лауру Масхарашвили — передовую колхозницу и многодетную мать, и вы убедитесь.

тось, что в этом селе бьется пульс мощного наполнения.

Коль скоро речь зашла о многодетных матерях, нельзя не отметить, что в этом маленьком селе четыре матери-героини — Вера Кикнавелидзе, Гогуца Келенджеридзе, Вера Кобалия и Ольга Купрадзе, которые растят по десять-двенадцать детей.

Кавалером ордена «Материнской славы» второй степени является Цагуния Кикнавелидзе, а Тамара Диаконидзе воспитывает шестерых детей.

Апрельский (1985 года) Пленум Центрального Комитета КПСС поставил перед работниками сельского хозяйства очень большие задачи.

«Главный вопрос, — сказал в докладе на этом Пленуме товарищ М. С. Горбачев, — сейчас в том: как и за счет чего страна сможет добиться ускорения экономического развития. Рассматривая этот вопрос в Политбюро, мы единодушно пришли к выводу, что реальные возможности для этого есть. Задача ускорения темпов роста, притом существенного, вполне выполнима, если в центр всей нашей работы поставить интенсификацию экономики и ускорение научно-технического прогресса, перестроить управление и планирование, структурную и инвестиционную политику, повсеместно повысить организованность и дисциплину, коренным образом улучшить стиль деятельности».

Вот все это и учли труженики Маяковского района, когда формировали свои социалистические обязательства на 1986 год.

В первую очередь трудящиеся района нынче — в год XXVII съезда КПСС совершенствуют формы и методы руководства входящими в агропромышленный комплекс общественными хозяйствами и предприятиями; стремятся добиться, чтобы эти формы и методы были гибкими и эффективными.

В общие успехи района большой вклад вносят сакраульские колхозники. Вместо 160 тонн по плану они обязались продать государству 230 тонн винограда, поднять среднегектарную урожайность этой культуры и с честью сдержали свое слово.

Они решили надоить от каждой коровы по 1.500 килограммов молока, увеличить заготовки шелкович-

ных коконов, мяса, яиц и других сельскохозяйственных продуктов.

Мы уже говорили выше, да и сейчас повторяем: успехи, достигнутые в прошлые годы, и те задачи, которые предстоит решить в двенадцатой пятилетке, — все это целиком и полностью зависит от людей — животноводов, виноградарей, механизаторов, руководителей и специалистов колхозов и совхозов, от их неустанного творческого труда и богатого опыта, от их порядочности и добросовестности.

Достижения сакраульского колхоза во всех отраслях хозяйства — заслуга и его председателя, подлинного его вожака Отара Кикнавелидзе.

И в том, что сегодня это маленькое горное село сияет по вечерам электрическими огнями, а в каждой семье в вечернюю пору мерцают голубые экраны телевизоров — тоже труд председателя.

А разве не результат умелого руководства председателя то, что деревню украшают двухэтажные здания колхозной конторы и клуба, средняя и начальная школы, жилой дом для учителей, три библиотеки, врачебный участок, аптека, почтовое отделение, радиоузел?..

Двадцать шесть лет возглавлять один и тот же колхоз — подвиг!

Когда я сказал Отару, что мне на него указал Андро Кикнавелидзе, он засмеялся:

— Так я его воспитанник и именно по его рекомендации выбрали меня председателем. А тот гуж, за который взялся Андро, ни мне, ни кому-либо другому не вытянуть.

Когда Андро Кикнавелидзе написал заявление, дескать, будучи в преклонном возрасте, не могу больше работать председателем, вся деревня всполошилась: если, мол, Андро не будет больше председателем, то и мы покинем колхоз. Такая же история повторилась в Сакраула, когда Отар Кикнавелидзе попросил перевести его на другую должность.

— Я рано начал трудиться, — глухо звучал голос Отара, ушедшего в свои воспоминания, — мне еще и двенадцати не было. Отец погиб под Керчью, семье было трудно. Вот тогда я и пошел в колхоз. Помню, однажды, когда фашисты были уже у границ Гру-

зани, нам объявили, что фронту нужно послать сено для конного состава. Наш колхоз нагрузил двадцать пять арб сеном и отправил их по дороге в Самтредиа, откуда должны были отгрузить сено на фронт. Одну арбу поручили мне, тогда уже четырнадцатилетнему. С четырьмя хлебами я находился в пути три дня. Обут я был в тряпичные чуйки, подошва отвалилась, и я закрепил ее проволокой. Так и прибыл в Самтредиа.

А сегодня кому из молодых нужна деревня, кто хочет работать на земле? У меня душа болит...

— Вот если бы вам, батано Отари, сказали: выби-рай какую хочешь отрасль, но только сделай, чтоб колхоз был богатым. Что бы вы выбрали?

После минутных размышлений он ответил:

— Виноградарство... И еще — животноводство. Обе отрасли доходны. У нас вдоволь и сенокосов, и пастбищ, и пашни. Но я же вам сказал — рабочих рук не хватает. А еще развели бы коз и свиней. У нас наилучшие условия для содержания коз, но пасти их некому.

— Что, по вашему мнению, нужно, чтобы приостановить уход молодежи из села?

Председатель отвечает без колебаний:

— Дороги. Если будут хорошие дороги, на наши виноградники шагнула бы механизация, и мы увеличили бы площади насаждений. Тогда бы не было такого стремления уйти из деревни. Министр автомобильных дорог нашей республики обещал построить для нас дорогу. Если это благородное дело будет сделано, я думаю, выходцы из нашей деревни непременно вернуться. Во всяком случае, уходить из села тогда не будут.

Когда из Сакраула я возвращался в Маяковски по автомобильной дороге, терявшейся в оврагах, мне думалось именно об этом: от районного центра до Сакраула двадцать пять километров. Почему строительство дороги, которая вернет горца горам, укрепит экономически сакраульский колхоз, поможет деревне разрастись, развести большие виноградники, стало такой сложной, неразрешимой проблемой? Ведь благодаря дороге маленькое горное село могло бы увеличить свой вклад в общее развитие экономики республики.

Коба ИМЕДАШВИЛИ

**„ГОВОРИТЬ
Я БУДУ
ПРАВДУ...“**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Советский писатель» выпущена не-
давно в свет книга изве-
стного грузинского писа-
теля Отара Чхеидзе «Ла-
биринты ущелья», в ко-
торую вошли роман под
тем же названием и расска-
зы.

Творчество Отара Чхеидзе, на первый взгляд, представляется очерченным сугубо национальной тематикой и проблематикой. Но русский перевод этой книги еще раз доказал общеизвестную истину, что настоящая литература никогда не замыкается в рамках национального. Нужно отметить и то, что круг интересов Отара Чхеидзе весьма широк: он с одинаковым успехом пишет на историческую тему и о современности, о селе и о городе, о молодых и старых. Творческая манера писателя настолько своеобразна, что его фразу можно узнать сразу — так никто не пишет.

Оправдание своему существованию и бессмертию художник может обрести только в своем народе, в сегодняшнем или грядущем дне своей страны. Но выход книги на чужом языке — факт весьма многозначный. Это проверка

либо, в лучшем случае, подтверждение достоинств художника. И нужно признать, что книга Отара Чхеидзе, не потеряв своеобразия, органично влилась в широкую панораму современной советской литературы.

Роману Отара Чхеидзе «Лабиринты ущелья» в грузинском издании предпослан отрывок из клавира оперы Захария Палиашвили «Абесалом и Этери». В русском переводе, к сожалению, он отсутствует. И не случайно. Ведь в переводе по-другому звучит само название романа — «Лабиринты ущелья», а в подлиннике название «Цхрацкаро» (многозначное, между прочим) и музыкальная заставка взаимосвязаны и имеют символический смысл. Терять его, право, не стоило.

О чем печалится коварно обманутый и обреченный на гибель царь Абесалом в этой классической грузинской опере? «Мурман! — одновременно молит и повелевает он, обращаясь к своему визирю. — Ты добудь живой воды из родника Цхрацкаро, принеси и дай мне испить, может быть, мне немного полегчает...».

«Может быть...» Это — надежда, как надеждой является и живая вода, и сам Цхрацкаро — девять ключей, девять родников в переводе с грузинского.

Цхрацкаро существует на самом деле как географическая реальность — в Боржомском ущелье, на бакурианской дороге. Нет прекраснее зрелища, чем увиденный оттуда восход солнца. Подниматься на Цхрацкаро нелегко, да одному и не стоит, наверное, потому что, исполняясь невиданной красоты, ощущаешь потребность разделить ее с кем-нибудь, поделиться светлым лучом, которым солнце возвещает о своем приходе.

Однако Цхрацкаро в романе — не только географическая точка. Это и символ — символ всеобщего стремления к прекрасному, к святому, символ ожидания возвышенной минуты и ее прихода, символ единения людей.

Народ всегда нуждался и нуждается в таком символе, таком идеале, иначе нация распадется на отдельные особи, личные сиюминутные интересы вытеснят вечные и всеобщие, а это уже — неизбежный предвестник ее гибели. Заметив подобную тенденцию, писатель должен немедленно бить тревогу, не боясь никого и ничего.

Именно таким сигналом стал роман Чхеидзе, вышедший ныне на русском языке, как, впрочем, и рассказы, также включенные в этот сборник. Здесь писатель следует принципу,

впечатляюще сформулированному еще в XVII столетии Давидом Гурамишвили:

Говорить я буду правду.
Не глашатай я химере.
Недостойных не прославлю,
Не унижусь в лицемерье.
Пусть хоть голову снимают
С плеч моих — по крайней мере
Не сравню кого попало
С достоправным Кахабери!..

Этот принцип Илья Чавчавадзе впоследствии превратил в принцип национальной идеологии. В романе Отара Чхендзе он нашел свое воплощение. Значение этого романа как своеобразной хроники эпохи определили правдивые и трагические картины смутного времени, когда была подавлена человеческая личность.

Новая действительность, преобразование жизни, новые взгляды на животрепещущие проблемы породили множество человеческих трагедий в жизни 20—30-х годов. Вопросы национального бытия народа решаются не только на магистральных историях, часто и тропинки ее становятся ареной схваток не на жизнь, а на смерть, ареной трагического конца личностей, не отвечающих стандартным требованиям времени. Такие личности всегда заметны, они всегда на виду и потому зачастую обречены. Задача романиста — рассказать о людях именно такой трагической судьбы (другие личности и другая реальность могут стать объектом изображения в других произведениях).

«Лабиринты ущелья» продолжают одну из значительных линий развития грузинской литературы — исследование выдающихся личностей в их отношении к обществу, проблему индивидуалистского отчуждения, хотя бы даже во имя служения нации, причины их одиночества и трагических последствий их отчуждения.

Зураб Квацихели, один из главных героев романа, избрал именно этот путь: «Человек этот, получивший превосходное образование, по природе своей истинный исследователь, непреклонный и надежный, отказался работать в университете, куда приглашал его сам Иванэ Джавахишвили,

¹ Грузинская классическая поэзия в переводах Н. Заболоцкого. Тбилиси, 1958, т. 1, с. 313.

и основателям сельскохозяйственного института отказал в сотрудничестве — узкими казались ему лаборатории, всюду, куда его приглашали, мнилась ему теснота». Мечты его были куда выше. И одной из них был построенный им самим удивительный зал, «или храм национальной культуры, национального искусства». Но... «не жить мечте или чаяниям человека-одиночки, ничего не удастся сделать одиночке».

Между прочим, душевная драма выдающейся, но одинокой личности во всей полноте и напряженности раскрыта еще в «Змеееде» Важа Пшавела, а в грузинской советской прозе четче всего обрисована в «Похищении луны» К. Гамсахурдиа. Отар Чхеидзе совершенно под новым углом рассматривает конфликт между человеком и обществом, и это весьма знаменательно. Причина отчуждения и противостояния человека обществу — не в человеке, но в обществе, вернее в той его части, которая предопределяет явления и руководствуется другими, более низменными морально-этическими критериями. Это временщики, живущие сегодняшним днем, потерявшие связь с прошлым и с будущим. Посему их реальное существование, как и романное, бесперспективно, и черные дела их сегодня — как отголоски далекого эха. Они сеяли вокруг себя тотальный страх, ими было растоптано и осквернено все истинное и возвышенное. И если бы ничто не противостояло этому засилию темных сил, жизнь и вправду стала бы невыносимой. Но нет, в сильной личности, в сильной нации всегда есть тот внутренний свет, погасить который невозможно. Именно здесь станет высмеивать Поэт своего палача, именно здесь будет противостоять любовь — ненависти... И мне нравится, что роман не кончается на высокой ноте безграничного оптимизма: борьба за справедливость — нелегкое дело. Справедливость требует великих жертв. Этот роман, как и вообще все произведения Отара Чхеидзе, не приукрашивает действительность, не облегчает трудностей, Отар Чхеидзе — нелицеприятный летописец. Его роман — это предупреждение: нельзя терять высоту и чистоту духа, воцарение страха губительно.

Отар Чхеидзе показал нам, как случилось все это, но почему это произошло — в романе не видно, и ответ на этот вопрос мы, может быть, найдем в другом произведении писателя.

Своей временной неповторимостью картины романа точно указывают на темные и одиозные стороны нашего прошлого. Есть в романе и другие документальные определите-

ли времени — то блистательное созвездие грузинской интеллигенции, которое именно в 30-е годы украшало жизнь Грузии, и не только украшало, но и многое обещало. Хотя многие из этих обещаний — стремление к красоте, чистоте, любви были развеяны в прах, впрочем, к счастью, не все. Судите сами: Иванэ Джавахишвили, Ладо Гудиашвили, Котэ Марджанишвили, Евгений Микеладзе, Шалва Нуцубидзе, Сандро Ахметели, Иосиф Гришашвили, Сандро Кавсадзе, Ираклий Татишвили, Ушанги Чхеидзе, Тамар Вахвахишвили... В грузинской действительности это не просто фамилии, а ярчайшие, непреходящие явления национальной культуры. Известно, что двадцатые-тридцатые годы были необычайно богаты талантами, но те же годы с удивительной безоглядностью и теряли их.

Именно мимолетное появление этих людей на том трагическом карнавале в одной из деревень Боржомского ущелья, и впрямь бывшего в те годы летним пристанищем грузинской интеллигенции, и создало впечатление конкретности и достоверности; косвенное указание на тяжелую судьбу, выпавшую на их долю, стало как бы печальным прощанием с ними.

Автор одной фразой, одним жестом создает неповторимые образы каждого из них, прочно сложившиеся в сознании каждого грузина. Не изменяя этим образам, Отар Чхеидзе тем не менее и не повторяет их.

Главные герои романа волею судьбы постоянно сталкиваются с этими людьми. Некоторые из них всем своим существом стремятся к прекрасному, духовному, возвышенному, к свободе личности (Зураб, Георгий, Эли, Поэт), другие же резко противостоят этим стремлениям, более того, делают все для того, чтобы подавить, уничтожить их (Бахчо, Каро, Цруто, Маленький Бахчо, Зизила). Они-то и торжествуют свою победу: Георгий кончает самоубийством, Зураба арестовывают, Эли душевно надломлена, арестован и Поэт и т. д. Людей охватило отчаяние и безысходность, воцарился тотальный страх... В романе показано, как отчаяние охватывает не только отдельных людей, но и все общество. Уничтожена красота, прекрасное беззащитно... Если бы все на этом и кончилось, картина была бы действительно тяжелой и безысходной, ввергающей в отчаяние.

Однако правда все же пробивает себе путь, духовная стойкость в извечном противоборстве добра и зла побеждает, и сказанное Поэтом в минуту смертельного испытания

слово побеждает, хотя бы и восемнадцать лет спустя, преодолевая грубую и коварную силу.

А тогда... Тогда, когда насилие не имело никаких пределов и ограничений, Поэт сидел перед скрывавшимся прежде под маской доброго приятеля следователем Бахчо (которому в данной ситуации маска была уже не нужна...).

«...И он (следователь — **К. И.**) начинает его допрашивать, забрасывает вопросами, под каким только соусом их ни преподносит, как только ни ловчится, а Поэт ничего не может ответить, потому как равным счетом ничего не понимает, а следователю кажется, что он не сумел заставить его признаться, он злится, стойкость стихотворца ввергает его в ярость.

— Проиграл! — кричит он.

— Проиграл, — отвечает Поэт, остальных вопросов он, хоть убей, не понимает.

Поймет, под конец поймет, когда от него потребуют выдать штаб заговорщиков, сразу поймет и сразу же ответит:

— Я... Давид Гурамишвили... Иоанн-Зосиме...».

Нет, растерявшийся и напуганный поэт ничего не выдал, да и не мог выдать, поскольку никакого штаба не существовало, все это мерещилось следователю. Потрясенный и отчаявшийся перед лицом смерти Поэт не принес в жертву ни одного невинного для облегчения собственной участи, он мужественно принял вызов — вымысел своего следователя конкретно и все, происходившее вокруг. У него хватило мужества перед лицом смерти посмеяться над глупостью, невежеством и вероломством.

Ведь Давид Гурамишвили, великий грузинский писатель XVIII века и Иоанн-Зосиме, живший в X веке, в фигуральном смысле всегда были и остаются членами штаба грузинской литературы.

Однако в те недоброй памяти годы всерьез велись розыски Гурамишвили и Зосиме... с целью их ареста. И это — отнюдь не плод писательской фантазии, а выписка из реально существующего протокола реально состоявшегося спустя семнадцать-восемнадцать лет после событий, описанных писателем, суда в Тбилиси. В прологе романа об этом говорится в нескольких строках. Большого, по всей вероятности, сказать было нельзя, поскольку слышанное и сказанное на суде — тема уже иных романов и иных трагедий.

Те мрачные годы, очевидно, в силу своей сложности,

остаются в грузинской литературе недостаточно освещенными.

Отар Чхеидзе прикасается к этим ранам чрезвычайно осторожно, с величайшим тактом. Он деликатен с читателем, зачастую говорит с ним намеками, косвенными указаниями. Подразумевается, что читатель знаком с кое-какими конкретными фактами и обстоятельствами грузинской и общесоюзной действительности, иначе он не до конца поймет автора. Возможно, это даже затрудняет полноценное восприятие художественного текста, однако в конце концов любое явление искусства представляет собой выражение той или иной конкретной культуры и представитель другой культуры непременно теряет что-то при его восприятии, так же, как, впрочем, и открывает кое-что новое. Это вовсе не означает, разумеется, что русские переводы романа и рассказов Отара Чхеидзе теряют актуальность, остроту, глубину, поскольку описанные в них страсти и страдания являются в то же время и общечеловеческими, коллизии — типичными, обобщения — понятными и близкими не только грузинскому читателю.

Все вымышленные персонажи романа, кроме Поэта, прячутся, скрываются за маской, поскольку в не признающих милосердия взаимоотношениях жертвы и охотника обе стороны вынуждены маскироваться, иначе все немедленно пришло бы к концу. Однако среди жертв есть такая, которая не маскируется, стоит с высоко поднятой головой. Это — Поэт (между прочим, в его характере и судьбе можно угадать характеры и судьбы двух реально существовавших больших грузинских поэтов).

Это уже — авторская концепция: Поэт не имеет права молчать, когда нужно говорить, и скрываться, когда он должен быть на виду. Поэт не может прятаться и безмолвствовать.

«...Порой молчание — коварство, и бессилие — то же молчание, попытка сберечь свою червивую жизнь и пожертвовать другими, пожертвовать всем — то же молчание, и суета — молчание, молчание — смерть, жизнь живых трупов».

Парадоксально, что говорит это главный герой романа Георгий, который сам отстранился от борьбы. Сначала натянул маску уроды — Дона Педро, Пьетро, Петра Колченогого, а затем, не выдержав преследований, одиночества, отчаяния, покончил с собой. «Пал человек, распластался

перед судьбой, вступил с ней в схватку и потерпел поражение».

Пал Георгий, поверенный тайн природы, «ибо все тальные были лишены дара слушать природу», Георгий — избранный из всех.

Читатель, знакомый с современной грузинской прозой, должно быть, обратил внимание на то, что героев многих романов последних лет, людей нелегкой судьбы, трагических личностей зовут — Георгий. Вспомните: «И всякий, кто встретится со мной» Отара Чиладзе, «Тутарчела» Нодара Цулейскири, «Помоги, — сказал он» Тамаза Библиури, «Лабиринты ущелья» Отара Чхеидзе...

Это не случайно. Георгий — не только распространенное имя в Грузии, но символическое выражение национальной эманации. Не случайно и то, что именно эти романы воплощают то или иное состояние грузинского национального духа в различные времена, его возвышение, упадок. (Разве уменьшительно-уничижительная форма этого имени Гюрга в романе Чиладзе не указывает на приниженность и измелъчание национального духа в определенный исторический период?).

Имя Георгий иногда ведет нас еще дальше, к мифическим истокам (как, например, в «Тутарчеле»). Однако у Отара Чхеидзе миф ни при чем. Так же, как не имеет ничего общего с мифической прекрасной Еленой красавица из Квацixe Эли, ставшая одной из причин кровавого соперничества Георгия и Бахчо. Подаренный ей Георгием раненый ланенок, которого впоследствии убивает ослепленный темной страстью Бахчо, — просто беззащитное существо, подарок любимого человека и ничего более, у него нет ничего общего с раненой и беззащитной душой Георгия, доведенного Бахчо до самоубийства. Все это может показаться случайным совпадением, однако, тем не менее, порождает в читателе вполне определенную эмоцию, усиливает отдельные, как бы даже изолированные друг от друга впечатления. Однако действительно ли они изолированы?

Нет, в этом романе нет ничего существующего само по себе, изолированного от всего остального, из него нельзя выкинуть безнаказанно даже одно слово, как не могут показаться излишними и бесчисленные «повторы» или мерное, неторопливое течение повествования — возврат к уже сказанному и описанному. Но приглядимся повнимательнее: этими «повторами» и «возвратами» что-то подготавливает-

ся, именно в них — ключ к последующим страницам, и если закрыть на это глаза, заветная девятая дверь останется неоткрытой.

Выше я сказал, что Поэт был единственным, кто поднял брошенную ему перчатку и одержал победу в неравной борьбе, поскольку преодолел страх и поступил так, как должен был поступить.

Спешу поправиться. Страх преодолел не только он. Это сумели сделать и Георгий, и Зураб.

«На сей раз — окончательно и бесповоротно, а то и прежде, бывало, проходили страх и удивление и возвращались снова, и не раз возвращались. Да, теперь ему было все равно». (Подчеркнуто мной. — К. И.).

Это сказано о Зурабе. Однако чувство отчаяния, если поверить последней фразе, привело его к безразличию. Хотя в нем, в его активной, стремящейся к действию личности все еще тлеет желание строить, созидать, если... «если бы дали ему это сделать, разумеется». Не дали! Настал день, когда взяли и его. Механизм насилия и подавления как будто сделал свое. Сначала поставил человека на колени, но хоть и не сумел победить его, погасил в нем творческий огонь, сделал индифферентным к окружающему. Однако до конца ли? Разве огонь, бушующий вокруг и грозящий уничтожением не только его творению, но и ему самому, не дал нам заглянуть в тайники его души?

«Зураб оставался невозмутимым, он один светился во мраке, пламя проникло в плоть на место души, и он светился, освещал весь зал, и тот свет растворил тень, не осталось ни малейших следов ее, но тем не менее свет этот ничего не мог поделаться с мраком и выделить его не мог ни целиком, ни по частям, и трудно сказать, почему именно он принял бесформенную тьму за Бахчо, неужели все непременно надо объяснять, ведь существует нечто, не подлежащее объяснению?..»

А ведь и вправду именно тогда, когда в художественном тексте все будет объяснимо, он как таковой перестанет существовать.

Именно здесь, в лесу, лицом к лицу с тьмой и пламенем, оставшемуся наедине со всей вселенной Зурабу является поразительное видение, всплывший из глубин бессознательного образ, и он постигает простую истину — все вокруг является выражением извечной борьбы двух противоборствующих сил — добра и зла.

«О чем он думал, какие видения одолевали его? Ни-
какие вовсе, а если что-либо и чудилось, верно, нечто ог-
ромное, гигантское, иначе какая сила, кроме силы сказоч-
ного гиганта, могла сдвинуть горы, поднять их и обрушить
вниз, в бездну! Как бы там ни было, будто глаз светился из
лесу, порой с гор смотрел вприщур, смотрел и сверкал, на
мгновение воспламеняя искры (он и гас вместе с искрой или
оставался гореть), поистине великий глаз угасал с искрой
или оставался во мгле, и хотя не светил, не двигался, но
чувствовалось его присутствие, присутствие чего-то божест-
венного и сатанинского в то же время».

Испепелилось творение возвышенной души и десницы
мастера — зал. Он сгорел у него на глазах. Для нас и для
всех вообще не просто зал, а символ высоты духа, едино-
душия, красоты. В видении Зураба потрясающим образом
соединяются неблагоприятная действительность и всплывшие
из подсознания картины, отражение и оценка всего проис-
шедшего. Человек теряет связь со всем окружающим — на-
родом, богом, чертом. Он остается наедине с роком и с вы-
соко поднятой головой ждет его приговора.

Жизнь продолжается. Объявленный концерт все же
состоялся. Однако на сцене уже другие люди, да и в пар-
тере иные зрители, и сам зал другой. В переводе почему-
то опущено определение: «зал-дублер» («концерт дублеров
перед дублерами-зрителями»). А это весьма существенно,
поскольку «концерт дублеров в зале-дублере перед дубле-
рами-зрителями» усиливает ощущение подмены, фальши,
искусственности человеческого единения, вдохновения, иск-
ренности.

Однако вернемся вновь к Зурабу. Он спокойно наблю-
дает за всем происходящим, ничему не удивляясь и ничего
не боясь. «Преодолев время страха и удивления, преодолев
многократно, многое претерпев, он окреп в испытаниях, а
может, привык, какое теперь это имеет значение» (подстроч-
ный перевод, сравните с цитированным выше переводом
этого же фрагмента). «Какое теперь это имеет значение» —
авторская оценка происходящего, адресованная непосредст-
венно читателю. В русском же переводе она стала позици-
ей героя — «Да, теперь ему было все равно», — на ос-
новании чего и обвинил я выше Зураба в примиренчестве и
индифферентизме. В переводе потерялась многозначная ал-
люзия «окреп в испытаниях», тем самым была разорвана
связь с известной строкой из поэмы Руставели: «Не стра-

питься испытаний и крепится, как скала». А связь эта не случайна: мотив противостояния в беде («окрепнуть в испытаниях») — один из ведущих в романе. В переводе связь эта почти утрачена.

Нужно отметить, что роман О. Чхеидзе переведен весьма профессионально, переводчик Нодар Тархнишвили еще раз проявил себя не только отличным знатоком грузинского и русского языков, но и наблюдательным литератором, уловившим внутреннюю логику и правду художественного текста. И тем не менее замечания к переводу есть, в основном они касаются тех случаев, когда утрачены аллюзии, характеризующие не только данную культуру и конкретное время, но являющиеся способом ведения прямого диалога с читателем (тут я имею в виду и перифразы классической грузинской поэзии и фольклора, и некоторые обороты речи).

Не надо забывать, что «Лабиринты ущелья», так же, как и другой роман Отара Чхеидзе «Ветер, которому нет имени», рассказывают о трудностях становления национального самосознания. В переводе же эта тема приглушена в силу того, что в некоторых случаях были опущены умышленные перифразы или цитаты из грузинской классической литературы и фольклора и вообще сглажены все острые углы. К примеру, в оригинале читаем (беседуют Зураб и Георгий): «— Там много истинно грузинского мы услышим;

— Под видом грузинского нам другое подадут». Сравните с переводом: «В нашем зале мы услышим много доброго», ответ Георгия опущен. Но ведь из него явствует, что он боится обмана, подмены, фальши, привнесения чужого под маской грузинского. В русском тексте это не видно, и именно поэтому не видна национальная позиция Георгия — одна из главных причин его отчуждения и конфликта со временем. Никто не вправе вносить поправки такого порядка в концепцию героя.

При переводе прозы Отара Чхеидзе должны учитываться и стилистические особенности его текста. С концептуальной точки зрения проза Отара Чхеидзе представляет собой непосредственный диалог с читателем, именно это определяет ее стилистические особенности, характерные для устной речи, частое использование утвердительных и отрицательных частиц «да» и «нет», обращения к читателю, прямой спор с ним и т. п. Правда, все эти приемы служат и регулятором ритма повествования, однако функция установ-

ления контакта с читателем, создание атмосферы искренней, непосредственной беседы отнюдь не вторична, напротив — возможно, она главная.

Поэтому, мне кажется, нельзя исключать из текста ни эти частицы, ни непосредственные обращения к читателю. К сожалению, в переводе как романа, так и рассказов, включенных в сборник, на эти особенности обращено мало внимания.

На первый взгляд, читательская позиция не интересует Отара Чхеидзе («поймет, что к чему — хорошо, не поймет — пусть пеняет на себя»), однако, с другой стороны, он активно, подчеркнуто пытается вовлечь читателя в диалог, для чего прибегает к разнообразным приемам, начиная от прямой полемики с ним и кончая эксплуатацией общих для читателя и писателя мест, аллюзий, терминологии и т. д. Это нельзя не учитывать ни критику, ни переводчику.

Как только об этом забывают, беседа превращается в повествование, а это уже принципиально иная проза, другая литература. Проза же Отара Чхеидзе, как я уже говорил, является разговором с конкретным читателем, порой даже спором с ним. И не принимать этого во внимание нельзя.

Есть в этих переводах огрехи и другого характера — когда в тексте появляется то, чего не было в оригинале.

В рассказе «Земля» переводчик (А. Марченко) неправомерно разделяет оплакивавших покойного на «родственников» и «плакальщиц», что может ввести читателя в заблуждение — не наняты ли эти плакальщицы, и как бы принимая это, спохватывается и добавляет: «плакальщицами ведь невестки были». К чему вся эта неразбериха?!

Появились «плакальщицы», зато исчезла частица «да», исчез диалог с читателем, как, впрочем, и частица «нет»: «Вновь подняли гроб и опустили в могилу, — нет, не сомкнулась могильная пасть», — сравните с переводом: «Подняли его мужчины и в яму глянули, заглянули и убедились: какой была, такой и осталась, и закрываться не собиралась».

В переводе рассказа «Огрия» (перевод А. Марченко) потерял функцию рефрена и повтор оригинала: «Выслушай меня благосклонно, и ты, и все выслушайте». Это переводится или по-другому, или вообще опускается. Как будто изменение претерпели лишь малозначащие детали, однако в хорошей прозе нет ничего малозначащего.

В оригинале: «Солнце накалялось и накалялось, бла-

гословенное оно, благодетельное, милостивое, пламенел ба-
зар».

Переведено: «И пекло, благосклонное, поджигало, разжигало, великое, белопламенно плавилось, пыль дымилась: Хашури». Но Хашури ведь город, а речь идет именно о рынке.

В оригинале: «Однажды отец даже вlepил мне оплеуху: валяйся, мол, там, у своих мешков, не суйся в чужое дело, оплеуху вlepил и еще выматерил, оплеуха-то ничего, на нее я не разозлился бы, хоть еще сотню раз вlepил бы, да, так вот, оплеуха, говорю, еще ничего, а вот от мата в глазах моих потемнело, и такого пинка дал я отцу своему, что пояс на штанах девять раз лопнул бы».

Переведено: «Вlepил как-то мне отче мой, с матюком отмордасил, ничего, мы привычные, на расправу скор, нравистый, не убудет: наука. А вот мата не вытерпел, озверел да двинул кулачищем — в поддышье».

Пинок, кроме того, что весьма болезнен, еще и унизителен, да и вообще я не могу понять, почему необходимо менять «базар» на «Хашури», «пинок» на «кулачище»... Это не просто детали, утерянными оказались стилевые, этнографические, концепционные особенности. А кажется, ничего особенного не произошло. Что такого: одно слово добавлено, второе опущено, ведь это, в конце концов, проза, а не поэзия, не так ли? Проза Отара Чхеидзе является именно тем художественным текстом, который не терпит вольного обращения при переносе на другой язык. Впрочем, и любое подлинно художественное творение не терпит его.

В своей молодости, когда автор принимает любую публикацию как благосклонность судьбы, Отар Чхеидзе отказался от опубликования своих произведений в переводе на русский язык и спустя годы с горечью вспоминал: «Сами посудите: у меня педагог — женщина; здесь же вдруг появляется учитель-мужчина. Допустим, это еще ничего, вроде и ничего. Моя учительница преподает иностранный язык, в переводе — русский. И это еще терпимо, допустим, что терпимо. У меня учительница уже не имеет сил ни на что, там же — бодрый, здоровый, горящий жаждой борьбы, стремлением ринуться в бой учитель, и он — борется; полная метаморфоза, никаких ассоциаций уже нет, метаморфоза. Но это еще не все, далеко не все. У него собираются большевики, революционеры - подпольщики. Он обучает их русскому, заставляет учить наизусть горьков-

ский «Буревестник». И вот на них нападают гвардейцы. Начинается перестрелка, льется кровь. Эта битва продолжается до рассвета, а на рассвете... всплывает стяг, прорывает тьму знамя свободы. Гвардейцы бегут. Учитель гибнет. Ученики поднимают его на руки и встречают зарю освобождения. Тьму рассекает красное знамя. На снег падают капли крови. Хорошо и прекрасно! Только это — не мой рассказ, я вычеркнул свое имя и фамилию и ушел из издательства».

Немало удивленный причиной этого возмущения работник издательства, словно азбучную истину, объясняет автору: «Так переводится вообще... здесь это никого не удивляет».

Как видно, необходимо, чтобы переводчик в совершенстве знал оба языка, образ жизни, культуру народа, литературу которого взялся переводить, ту литературную обстановку, в которой рождается тот или иной литературный текст, иметь представление о том читателе, которому первоначально он предназначался. Фактически у нас на сегодня таких высококвалифицированных переводчиков с грузинского на русский очень немного.

Над этим стоит задуматься.

Перевод по подстрочнику грузинской литературы (а рассказы Отара Чхеидзе переведены с подстрочников) может дать лишь весьма общее представление о ней. В данном случае страдает культура народа, на язык которого переводится художественный текст и который не имеет высококвалифицированных переводчиков, способных переводить текст непосредственно с оригинала. Откровенно говоря, я вижу в этом и проявление того поверхностного отношения, которое прослеживается не только в переводческой и критической деятельности, но и в ошибках, допущенных при изображении грузинского быта и характера профессиональным писателем, которые непростительны даже для туриста, я имею в виду и эксплуатацию работниками кино, театра и телевидения того несуществующего «среднекавказского» типа, которого нет в природе и который является примером оскорбительной, прежде всего для искусства, поверхностности. На всесоюзном съезде писателей справедливо отмечалось это. Мы обязаны знать жизнь, культуру, язык и историю друг друга лучше, глубже и профессиональней.

Ведь дружба — понятие взаимное. Односторонней может быть только любовь (неразделенная). А до тех пор, пока

вырастут новые кадры переводчиков, желательно, чтобы к редактированию переведенной по подстрочнику с грузинского языка книги был привлечен грузинский редактор (разумеется, это касается не только грузинской литературы), это не только поднимет уровень перевода, но и во многих случаях закроет дорогу переводу и изданию книг «окольными» путями.

Честно говоря, огрехи перевода прозы Отара Чхеидзе неудивительны. Она труднопереводима, как и трудночитаема. Повторами, монотонностью ритма повествования текст создает иллюзию однообразия. Но разве повторы «Болеро» Равеля однообразны и скучны?! Лучшие произведения Отара Чхеидзе характеризуются именно напряженностью ритма, по круговому движению приводящего к кульминации. И достаточно при чтении (или переводе) опустить один виток этой языковой спирали, как сразу же пропадает художественный эффект и остается ощущение утомительного однообразия. Поэтому автор без всякого смущения прямо предупреждает читателя: «Мне надо кое-что объяснить, если ты читал внимательно, если ничего не пропустил, ни строчки, не обижайся за такое к тебе обращение, ведь сказано: «Обжегшись на молоке, дуют на воду».

«Не поняли», — артачатся критики, и я артачусь в свою очередь, дочитай, говорю, тогда и поймешь: точнее сказать, это они пристали в одну душу, а то я ведь до небес прав, как говорится: коль они хвастают, что поняли Важа, Джойса, Элиота, Галактиона, Кафку (да еще как хвастают!), кто же будет им непонятен, если они захотят открыть глаза? Тем не менее кое-что надо объяснить».

Проза Отара Чхеидзе «трудна» и «непонятна» только на первый взгляд, в ней все предельно ясно, логика потока сознания строго определена особенностями мышления рассказчика... Одно только — ко всему этому надо привыкнуть. Привыкнуть к языку. Неторопливая манера повествования, казалось бы, мало вяжется со стремительным темпом нашей жизни. Читателя с его острой нехваткой времени поначалу, бесспорно, нервирует это спокойное прозаическое течение, и его нервозность мешает художественному восприятию текста: теряется красочность языка, ритм перестает выполнять свою функцию, и одно пропущенное читателем слово делает неясным смысл всего прочитанного. Так и родилась легенда о «туманной» прозе. Выход один — читатель должен еще раз спокойно и внимательно перечитать «непонятное» произ-

ведение. Каждый художественный текст имеет свои законы, прозу Отара Чхеидзе нельзя читать второпях.

Но не будем во всем винить читателя. В конце концов художественное произведение, истинно художественное произведение, создается для читателя, и одна из задач писателя — привлечь к себе его внимание, убедить в значительности своего слова, заставить уверовать в свою правду.

Мне очень жаль, что правда Отара Чхеидзе, его боль, его видение мира зачастую остаются недоступными для современного грузинского читателя из-за языковой позиции автора, которая вырабатывалась годами. (В русских переводах это не так ощутимо). Чхеидзевская проза своей ритмической структурой и синтаксическим строем опирается на картлийский диалект, который вместе с кахетским лег в основу грузинского литературного языка. Однако, лучшие образцы этой прозы не калькируют простонародный язык (возможно, у неопытного читателя остается именно такое впечатление), все в ней строго упорядочено и направлено к цели автором, прекрасно знакомым с поэтикой современной прозы и отлично использующим ее средства (хотя бы поэтику «потока сознания»).

Нижеприведенный пример из романа «Лабиринты ущелья», думаю, послужит тому доказательством. К тому же в нем ясно видна трагическая участь главного героя, Георгия Итриели, который «вернулся к дяде и обосновался у него, чем он там занимался — тебе известно, и почему должен был изменить свой облик, верно, понятно; я все равно должен досказать — он бежал и потому вынужден был измениться, спрятаться от подозрительных глаз, изменился и спрятался, вернее, ушел от людей, ушел от волнений, смут, переполохов, от растерянности, безрассудства, от всего, что было злого и доброго, от всего человеческого, превратился в обломок скалы, грабовый, дубовый пень, или что-то еще, все равно, — когда он, бывало, валялся на опушке леса, или даже на полянке, или каменном берегу реки, он и вправду походил на пень или глыбу, сорвавшуюся с крутой скалы. Он лежал неподвижно, казалось, испустил дух или сам вырвал человеческую свою душу и вставил душу корней или душу камня, душу листьев, душу цветов, душу божественную, которая повсюду пускает корни, цветет, растет, радуется и стонет к тому же, стонет сильнее, чем душа человеческая, все предающая, все отвергающая, ибо наполнена она неумным стремлением. Обладатель ду-

ши этой валялся где-нибудь на лоне природы, поодаль паслась скотина, утоляла голод, сопела, жевала жвачку; колокольчики сердито звенели, когда животные отмахивались от мух или облизывали укусы, потом снова сопели, жевали жвачку. Он жвачки не жевал, не сопел, и бубенцами не позванивал, и укусов не облизывал, естественно, валялся себе, а если переворачивался, таким образом, что казалось, пнули пень. Разве что ураган и ненастье могли заставить его подняться или не то что заставить подняться — скатиться пнем в укрытие. Ковылял по тропе тот же пень, покотившийся пень...»

В этом отрывке четко видны и слабые и сильные стороны прозы Отара Чхендзе: вариация мысли, показ всех возможных граней явления, постепенное выявление вариантов различий, тавтология, служащая рефреном, подчеркивающим главное — душевное состояние героя, его растворение в природе, индифферентизм, отчуждение не только от людей, но и от всего живого — даже животные подвижнее, чем он, более действенны, поскольку они живут, а Георгий просто существует — ведь он отрекся от всего, пошел на все уступки и достиг того состояния, когда человеку уже не дорога жизнь. Приведенный выше отрывок крайне эмоционален, емок, не чувствуется тяжесть фразы, которую в целом порождает сложная ее конструкция — она не признает пауз, не дает возможности передохнуть. Все это ясно чувствуется тогда, когда эти стилистические приемы становятся самоцелью, значат не больше, чем сам прием. Вот, к примеру: «Там Поэт упивался аплодисментами, упивался, плыл над звездами.

Все более и более взрослые девочки подбегали к нему все с более и более крупными букетами. Заполнялась сцена букетами, все более и более прекрасными букетами, ну а под конец самый прекрасный букет поднесет самая прекрасная дама из всех отдыхающих тем летом, — да, под конец, — а пока подрастали девочки, увеличивались букеты, рос Поэт, так на глазах и рос, поднимался и поднимался на недостижимую вершину прекрасного» (подстрочный перевод).

На мой взгляд, режиссура этой мизансцены подсказана языком, языковая позиция определила авторское видение. Искусственная конструкция, подсознательное стремление к варьированию, к языковой динамике и создали столь искусственную мизансцену — тут, на мой взгляд, язык описывает не то, что произошло, а наоборот: происходит то, что дол-

жно произойти в соответствии с языковой конструкцией. В данном случае ясно чувствуется доминанта языковой позиции над художественным текстом, поскольку она навязывает тексту свои каноны.

В переводе этот эпизод построен иначе — по логике реальности — его можно представить, увидеть, как все было, и поверить. Это уже не развернутая метафора. Убедитесь сами: «Сцена заполнялась букетами, один другого краше; под конец прекраснейший букет преподнесен прекраснейшей из женщин, отдохавших здесь тем летом, а пока на сцену взлетали девочки, сцена обрастала цветами — и поэт возвышался на глазах, поднимался на недосыгаемые высоты».

Мне кажется, в переводе этот фрагмент выиграл. Текст стал зримым, но был утрачен метафоричный характер эпизода.

Пусть читатель не думает, что я удостоверяю факт задним числом. Несколько лет назад, еще до того, как роман был переведен на русский язык, я высказал свое мнение об этом фрагменте. Теперь же перевод убедил меня в верности моих наблюдений.

Таких мест в романе Отара Чхеидзе, как, впрочем, во всей его прозе, достаточно (пожалуй, в рассказах их меньше). Это создает некую условность действия, когда оно не реально, а метафористично и лежит скорее в языковой плоскости, чем в рамках воображаемой действительности.

Проблема языка в творчестве Отара Чхеидзе имеет такое принципиальное значение, что, безусловно, заслуживает отдельного разбора.

Помимо романа в данном сборнике опубликованы также рассказы, новеллы, миниатюры, которые рисуют перед нами панораму современной грузинской жизни. Это портретная галерея, в которой перед нами предстает неприукрашенный грузинский характер со всеми достоинствами и недостатками.

Когда речь заходит о национальном характере, чаще всего имеют в виду главным образом его положительные качества. Говорить и думать так неверно.

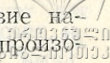
Национальный характер не равнозначен характеру или нравам отдельных личностей или даже той или иной микрогруппы. Однако именно анализ глубины этих личностных характеров в их множественности и единстве создает наше представление об этом характере. Здесь нельзя ничего упускать — ни хорошее, ни дурное. Это прекрасно понимал еще в

XVII столетии Сулхан-Саба Орбелиани, когда в новеллах своей «Мудрости вымысла» непринужденно нарисовал особенные портреты своих современников, извечную борьбу добра и зла, извечное сосуществование слез и улыбок. Так и в новеллах Отара Чхеидзе — наслаждение прекрасным, чувство любви сменяются проявлением отвратительного уродства, бескорыстное сострадание горю и боли ближнего — абсолютной глухотой к человеческому страданию. Отделить их друг от друга невозможно ни в творчестве писателя, ни в жизни народа, поскольку в таком случае картина окажется односторонней, а следовательно фальшивой.

Именно поэтому я огорчился, что в этот сборник Отара Чхеидзе не вошла новелла «Печаль» — рассказ о прикованном к смертному одру старом крестьянине, который сопротивляется смерти, не соглашается отправиться в длинную и неизведанную дорогу, так как не до конца выполнил свой долг перед лозой, оставил ее неокуренной. «Лежал человек и сражался со смертью, сражался из-за печали, печали по лозе». Здесь просматривается то отношение к земле, к делу, которое у грузинского крестьянина в крови и которое никогда и нигде не дает ему покоя — даже перед лицом смерти.

Впечатляющий пример этого дан в весьма красноречивой и, на первый взгляд, странной новелле, в которой земля не принимает труп умершего человека («Земля»). За этим необычным конкретным фактом кроется тяжелая и трагическая действительность. Человек не сумел насытиться своей любовью к земле, этой любовью не утолены его руки, он не мог без земли и без деревни и тем не менее оказался все же вынужденным оставить все и переселиться в город, в чуждую для него обстановку, к незнакомым людям... Он и там на заброшенном клочке на окраине города взрастил садик, ухаживал за ним, не жалея сил, таскал воду для полива, однако в своем неостановимом движении город поглотил и этот сад. Тогда крестьянин затащил на балкон землю, «на балконе третьего этажа развел лозу», но и ее заставили срубить: не положено, противоречит проекту. «И устал он, и сдался, вырубил сам, руками своими, топором своим — сад свой, об одной лозе сад, творение свое последнее. Потом, конечно, сам себе и ужаснулся, деяние свое отверг и руки, злодеяние совершившие, отрубить хотел. Хотел — не смог. Не позволили».

Надломился человек. Собственное жилище в тюрьму превратилось.

За трагедией одного человека здесь видно бедствие национального и общечеловеческого масштаба. То, что произошло, — нечто весьма значительное, ясно и для его близких, и для всех, пришедших отдать последний долг покойному, однако они не могут найти этому имени.

«Кончено. Отдали мятежное сердце земле, чтоб упокоила она душу его. Исполнили труд. Уходить пора, а не двигались. И шага не сделали. И отвернуться не смели: а вдруг шевельнется гора, цветами изукрашенная, и разверзнет земля чрево свое, и восстанет покойник, восстанет и потребует другую могилу себе — побольше, пошире, поглубже.

Земли потребует».

Как видим, рассказ этот двуплановый. За конкретной историей, поведанной автором, стоит та обобщенная действительность, проглядывают те обобщенные контуры времени, которые, в свою очередь, порождают еще более глубокие и общие раздумья о времени и человеке, об извечном противоборстве добра и зла, судьбы и человека, жизни и смерти.

Удивительная и о многом говорящая кончина странного (странного с сегодняшней точки зрения) человека, его уход из жизни объединил разрозненных людей, поглощенных своими повседневными заботами и мелкими делами. У них и характеры настолько измельчали, что обыкновенное сострадание представляется им чем-то особенным, а составление небольшого заявления в интересах деревни — исключительным служением общему делу («Потом придет и автобус»). Писатель здесь безжалостен, с одинаковой суровостью обнажает он как фальшивое нутро «большого человека» («Черная палка»), так и душевную опустошенность внешне вполне благополучного, служащего для всех примером человека («Муж Магло»), человеческую неблагодарность («Курша») и безнравственность («Чоче»). Люди отдалились друг от друга — дети от родителей, братья от сестер, друзья от друзей («В новогоднюю ночь»). Лицемерие и бездушие, безнравственность и утрата высоких идеалов обедняют существование современного человека, разрушают личность... (Может быть, именно поэтому в его новеллах уже нет того возвышенного пафоса чувств, который столь характерен для его романов). Хотя всех нельзя мерить одной меркой — рядом с безликой массой и Огрия, и Магло, и Чоче, и слепая Фефо, и Илико... Они несмотря ни на что есть, их много, сохранивших нравственную чистоту, не утративших идеалы, испытывающих беды

и тяготы, не изменяющих честному пути, завещанному предками, ни в большом, ни в малом.

Отображение жизни своего народа — полное, беспристрастное и сочувственное — было и остается творческим принципом Отара Чхеидзе. В этом плане он сказал свое критическое слово намного раньше пришедших в грузинскую литературу к концу пятидесятых годов писателей. Было время, когда Отар Чхеидзе в своем критическом пафосе был одинок, поэтому с ним много боролись, и он сам много боролся. Было время, когда говорящий правду, как говорится в грузинской поговорке, и впрямь должен был держать наготове оседланного коня. Тогда, еще в 1947 году, Отара Чхеидзе обвинили в «обедненном, одностороннем изображении советской действительности», в «отказе от объективного показа типичных явлений нашей жизни» и прочем. В общем, обвинения были стереотипны. А ведь именно в творчестве Отара Чхеидзе впервые, еще в 1946 году, получила отражение тема покинутых деревень («Мать»), человеческого одиночества, затем — морально-этическая проблематика и остро критическое отношение к недостаткам современной жизни и характера современного человека. Впоследствии, когда партия и правительство всенародно разоблачили многие теневые стороны нашей действительности, изображение недостатков в литературе стало делом престижным. Отар Чхеидзе все это разглядел, всему дал свои имена гораздо раньше, говорил правду, хоть порой и намеками, скрывая горькую истину за словесной вуалью. И, может быть, именно поэтому не сразу бросается в глаза все, что он хотел сказать, его мысль не лежит на поверхности, она упрятана в толще усложненного текста. Над прочитанным нужно подумать, преодолеть лабиринт словесных сплетений, вникнуть, освоиться с тем миром и стилем, который называется миром и стилем прозы Отара Чхеидзе.

В русском переводе его прозы проблема словесной усложненности ощущается не так остро, тем не менее на это обстоятельство указывали и русские критики (например, Алла Марченко), в оригинале же эта усложненность особенно бросается в глаза, создавая определенный труднопреодолимый барьер для массового читателя. Однако я не могу разделить общую тенденцию переводчиков на русский язык упрощать фразу Отара Чхеидзе, поскольку языковую проблему решает только сам писатель и никто более. Отар Чхеидзе относится к числу тех писателей, которые превосходно ощущают новей-

ные тенденции современной прозы, успешно следуют им в то же время сознавая и слабые ее стороны, состоящие, если воспользоваться его же словами, в том, что «погоня за словом и ассоциативные увлечения почти на нет свели роман и почти уничтожили умение логически мыслить».

Эта опасность порой дает о себе знать и в прозе самого Отара Чхейдзе, особенно в романах. Между тем писатель говорит со своим читателем о таких значительных проблемах, что его проза должна иметь широкую неограниченную аудиторию, ибо поднимаемые им проблемы имеют как сугубо национальное, так и общечеловеческое значение.

В то же время, мне кажется, в прозе Отара Чхейдзе ощущается тенденция сократить дистанцию, подойти ближе к читателю. Повторяю, в рассказах эту тенденцию ощутить легче. Проглядывает она и в «Лабиринтах ущелья», хотя читателю необходимо напрячь свой ум, необходимо привыкнуть к его языку, и только тогда перед ним открывается действительно интереснейший мир, многообразный, сложный и противоречивый.

В одной из своих бесед Отар Чхейдзе сказал о сборнике своих новелл «Этюды о моей деревне» (пока вышли в свет две книги) следующее: «Этюды о моей деревне» — на самом деле не только о моей деревне или нашей деревне вообще, это этюды о целом мире, всей жизни, нашей земле со всем ее богатством, с ее деревнями и городами, нашей жизни с сегодняшними днями нашими». Сегодняшние дни увидены в них глазами человека, до глубины души любящего свое время, и именно в силу этого он никогда не примирится со злом, уродством, ложью, никогда не смолчит, никогда не уйдет с места сражения, никогда не оставит без защиты добро, красоту и правду.

Такие писатели и такие люди нужны были всегда, нужны они и сегодня, необходимы времени и современникам, не одному или двум людям, не только вчерашнему или сегодняшнему дню, они необходимы эпохе прагматизма и прагматиков, позабывших идеалы, для которых даже самопожертвование — всегда точно рассчитанный акт, а «романтические порывы» души выражены в формулах и сентенциях. Всем им, «потерявшим надежду и махнувшим на все рукой, кто оторвался от матери-природы и матери-родины», живущим только собственными заботами и собственными интересами, прямо в лицо брошены горькие и ироничные слова правды.

Нет, таким людям никогда не подняться на Цхрацкаро,

никогда не увидеть и не насладиться солнцем в час заката, не найти источник живой воды.

«О Цхрацкаро никто уже не вспомнит, а если кто вспомнит, могут и не поверить, что человек ходил пешком в этакую даль, могут и не понять, почему, собственно, ходил, ходил, какая сила его манила, какой огонь жег, кто знает, кто ведаёт?

Солнце... а что там солнце — вот оно, и горы тут же!

Или что там восход солнца — ты на закат его взгляни!

И спешат исцелить желудок, отправиться к морю, чтобы насладиться закатом солнца».

Боль, смешанная с любовью, и ирония звучат в этих словах.

Человек хоть изредка должен рассердиться, чтобы преодолеть душевную инертность, порою даже оскорбиться, чтобы доказать самому себе или другим, что в глубине души все еще тлеет под золой святой огонь, хоть изредка — почувствовать боль, чтобы понять — больше отступать нельзя, хоть иногда — со всей ясностью увидеть, чего ты лишился и чего еще можешь лишиться, чтобы сберечь то, что имеешь и что не одному тебе принадлежит — всему народу.

С величайшей любовью и осторожностью служит Отар Чхеидзе именно этому — будоражит нас горькой правдой, будит гордость за то чистое, что сохранилось у нас в душе, и в то же время убеждает и, что еще важнее, призывает... Призывает подняться на Цхрацкаро.

Именно в этом и состоит истинное назначение большого национального писателя.

ПЯТНАДЦАТИВЕКО В У Ю историю грузинской литературы принято начинать с «Мученичества Шушаник», автор которого, Яков-пресвитер, был очевидцем и соучастником описанных им событий. Время создания произведения определено точно — это промежуток между 476—484 годами.

«Мученичество Шушаник» представляет интерес во многих отношениях. Естественно, в узких рамках данной статьи невозможно дать его всесторонний анализ. Хотелось бы только привлечь внимание к этому произведению как к памятнику, положившему начало грузинской художественной литературе. Возникает вопрос: возможно ли проследить в его художественной структуре наличие определенного творческого опыта и положил ли этот памятник начало литературной традиции или же ему предшествовал некоторый этап развития литературы, формирования литературных навыков?

События, описанные в этом агиографическом памятнике, относятся к тому времени, когда Иран все настойчивее пытался подчинить Грузию и все Закавказье своему влиянию. Иранские власти искали себе пособников среди грузинских феодалов. Питиахш Варскен (предводитель народа), отрек-

Манана ГИГИНЕЙШВИЛИ

ДРЕВНЕЙШИЙ ПАМЯТНИК ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

шишь от христианской веры, принял маздеизм и обещал иранскому властелину Перозу склонить к вероотступничеству свою жену и детей. Жена его, Шушаник, была дочерью армянского военачальника Вардана Мамиконяна. Из исторических источников известно, что после гибели отца в борьбе с персами Шушаник с малых лет воспитывалась при дворе Аршуши-питиахша, а затем стала женой его сына.

Шушаник, не захотев быть соучастницей «дел Варскеновых», покинула дворец и нашла себе прибежище в церкви. Так начался ее путь к мученичеству. Варскен силой вернул ее во дворец. Когда оскорбленная Шушаник отказалась разделить обед с ним и его родственниками, он избил ее. Впоследствии он не раз подвергал ее истязаниям, заточил в темницу, где она провела шесть лет. Ее дети отлучились от христианства, и она не хотела даже слышать их имен. Отрекшись от родных детей, она стала духовной матерью христианского населения страны. К ней обращались с просьбами об исцелении и отпущении грехов, и она всех утешала, как сообщает агиограф, «помогала стать на путь господний». Предчувствуя кончину, она дала наставления ближним.

В «Мученичестве» упоминаются книги Ветхого и Нового Заветов, отдельные пассажи перекликаются с местами из этих книг, есть случаи непосредственных ссылок. Все это отнюдь не носит механического характера, а естественно включается в повествование и составляет с ним одно целое. Ссылки эти подтверждают существование этих книг в Грузии в V веке.

Однако анализ образной системы произведения позволяет выявить и более глубокие связи с новозаветной традицией.

В эпоху создания этого памятника не разграничиваются мировоззренческие и эстетические категории. Творческий метод определялся мировидением эпохи. В тленном и преходящем мире оценка событий происходит на основе критериев Вечного. Этому процессу соответствовал канон в средневековом искусстве, в частности агиографический канон, управляющий как композицией, так и образной системой произведения. Среди художественно-изобразительных средств особое значение приобретают символы.

В соответствии с эстетическими принципами эпохи писательское мастерство проявляется не в новизне, не в поиске неожиданных средств изображения, а в развертывании жанровых возможностей в пределах самого агиографического канона.

Агиография, как известно, описывает христианский путь становления личности. Герои агиографических произведений — конкретные исторические личности, которые на пути подражания Логосу, ставшему плотью, достигают духовного совершенства, христианского

«теозиса». Мученический подвиг — путь к христианскому самопознанию. Христианское миропонимание допустило существование идеального в конкретном, историческом. Вочеловечение господина и воскресение открыло человеку возможность искать новый путь к первообразу. Мученичество было приятием и свидетельством страстей Христовых. Это отражено соответствующим словом в грузинском языке. Слово «моцаме», как и соответствующее ему греческое, «мартус», вначале означало свидетеля, а впоследствии совместило с ним второе значение — «мученик». В эпоху создания нашего памятника этот процесс был завершен.

«Мученичество Шушаник» представляет собой интерес и с точки зрения становления агиографического жанра. В нем нет ни одной детали, отклоняющейся от агиографической схемы: происхождение из христианской семьи, богопочитание с малых лет, соблазны и искусы, «ограждение» от этого себя, толпа сочувствующих и обращение к ним мученицы, утешители, сцены страдания, чудесное исцеление больных, предчувствие близкой кончины и наставления ближним, заботы о месте погребения. Мученическое ложе Шушаник напоминает описанную Феодоритом Кирским постель Зенона; мотив червей, указывающий на тленную телесную природу, исходит из библейской символики и встречается в житиях Симеона Столпника и Антония Великого; жалоба Шушаник на свое одиночество созвучна словам, сказанным с креста на Голгофе.

Моделью для агиографии должен был служить описанный в «Деяниях апостолов» подвиг Стефана Первомученика. Кроме того, любая деталь агиографического канона находит свое основание и подтверждение в Новом Завете. Евангелиями определяется не только каждый отрезок мученического пути, но и то, как миряне должны относиться к мученикам.

Яков, как священник и духовный отец мученицы, мог передать много разных повседневных деталей, но он описывает только то, что перекликается со Святым Писанием.

В «Мученичестве Шушаник» даже самые обыденные детали, например, посещение автором мученицы, его заботы об ее исцелении и кормлении, отвечают евангельским поучениям: «Ибо алкал я, и вы дали мне есть, жаждал, и вы напоили меня; ...был болен, и вы посетили меня, в темнице был, и вы пришли ко мне...» и далее: «Так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне».

В произведении Якова сопоставляются низменные стремления и возвышенные духовные порывы, грубая физическая сила и духовное могущество, преходящий мир и мир вечного блаженства. Яков описывает возвышение мученицы, ее духовный брак: Шушаник

покинула своего «временного (мирского) супруга» (ее слова) и, духовно возвысившись, превратилась в «невесту Христову».

Проследим, как это осуществляется в произведении. В «Мученичестве» сливаются воедино конкретный и символический смысл предметов и явлений. Метафоро-символической функцией насыщены конкретные детали, такую функцию исполняют в произведении, например, драгоценные украшения Шушаник. Она возвратила Варскену подаренные им драгоценности. Вместо этих украшений, олицетворяющих земную славу, она получила кандалы. И именно они явились украшениями ее души, ими подготовлена она к духовному браку. «И я увидел агницу Христову, словно невесту, прелестно разукрашенную кандалами», — так рисует Яков-пресвитер духовное возвышение мученицы.

Христос как небесный жених и мученический подвиг, достижение «теозиса» как духовного брака — этот широко распространенный мотив христианской литературы служит организующим началом произведения.

Духовная сущность человека проявлялась в образе божественного жениха в «Песне песней». В Новом Завете человеческое самопознание связано с Логосом. На этом основано представление о Христе как о божественном женихе.

«Украшения» выполняют важную функцию в образной системе произведения, свидетельствуя о творческом восприятии новозаветной символики.

Метафоры-символы способствуют раскрытию образов персонажей, например, Джоджик, брат Варскена, выступавший ранее в роли искусителя, кается, просит прощения у святой, называя ее «невестой Христовой». Этим тонко показан сдвиг, происшедший во внутреннем мире этого персонажа.

В произведении постепенно, в связи с духовным становлением святой, чередуются метафоры-символы. Шушаник из «агницы» превращается в «разукрашенную невесту», а затем уточняется — в «невесту Христову».

«Украшения» ассоциируются с весьма распространенным средневековым символом — оковами как обозначением грехов, сковывающих душу человека. Вспомним слова Иоанна Златоуста: «Грехи мои превыше песков морских, и я связан ими, как оковами железными».

В соответствии с мировоззренческими принципами раннего средневековья реальные оковы — только украшения души. Истинными же оковами души являются грехи. Путь мученицы — это освобождение от греховных уз. «Украшения» — это и сюжетная деталь, и

многоплановый образ, обретающий свою целостность в контексте с другим образом, с «оковами».

Таковую же полисемантическую функцию выполняют в произведении и многие другие сюжетные детали.

Мученица отделяется от нечистой среды Варскенова дворца, окружает себя очищенной молитвами собственной пространственной средой (церковь, «малая келья»). Иной является пространственная среда Варскена. Он возвращает Шушаник во дворец и во время пиршества принуждает ее выпить вино. Она резким движением отстранила чашу, при этом разбив ее и разлив вино. Эта сцена получает завершение в созвучии с другим эпизодом, в частности — с принятием вина и хлеба в келье от Якова. Если учесть средневековое восприятие пространства, а также новозаветную семантику вина и хлеба, ясно, что эти два эпизода взаимосвязаны. Принятие вина в среде «врага божья» (так отзывается автор о Варскене) сводится к соучастию в его делах, второе же — означает причастие (тем более, что Яков предлагает мученице вино и хлеб, присланные святыми отцами, епископами). На эти два эпизода с вином проливают свет стихи из Нового Завета: «Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской» (I кор. 10.21).

Так же многоплановы вплетающиеся в развитие сюжета многие другие метафоры-символы. Шушаник жалуется: «Варскен засушил цветок мой», а наставляя своих ближних, говорит: «Земная жизнь и слава мимолетны и непостоянны, как цветок полевой». Кратковременное цветение и увядание указывают на тщетность земной славы, суетность земной жизни. Это — широко распространенный библейский символ (Псалом 102, 15—17, I посл. Петра 1. 24—25). Увядание цветка в произведении образно перекликается в дальнейшем с духовным возвышением Шушаник, с ее духовным «цветением»: «Шесть лет пробыв в заточении, Шушаник расцвела духовными добродетелями: постом, бодрствованием, неослабными поклонами, непрерывным чтением книг».

Я коснулась лишь нескольких символов, но, думается, по ним можно проследить, как они способствуют развитию сюжета, несут на себе эстетико-мировоззренческую функцию. Эти метафоры-символы, присутствуя на протяжении всего произведения, завершаются духовным возвышением святой, обретают целостность и углубляют произведение. Обыденные предметы и явления, их соотношения раскрывают духовную сущность мученичества, возвышения «я», показывают суть христианского самопознания.

Агиография ставила целью воздействовать на паству, направить ее на путь подражания мученикам. Духовный подвиг Шушаник

должен был воодушевлять собиравшийся в день ее поминания народ. Этот памятник свидетельствует не только о талантливом и мудром авторе, но и о высоком уровне тех, с кем Яков вел свой внутренний диалог. Должны были быть уши, которые слышали, должны были быть сердца, которые чувствовали, с которыми можно было говорить о духовных ценностях на таком уровне.

Стало быть, подобное они слышали не впервые, стало быть, для понимания повествования Якова у них был определенный навык — тем более, что в произведении упоминаются книги о святых мучениках, которые Шушаник имела при себе.

Агиографический канон специалисты считают завершенным к VI веку в творчестве Кирилла Скифопольского. В Грузии, в стране, служившей оплотом православия в маздеанском и позднее в мусульманском окружении, где национальное самосознание тесно было связано с религиозным, где мученическая смерть являлась служением национальным идеалам, в V веке создается значительный памятник агиографического жанра.

ХРОНИКА

«ТЕЛАВСКИЕ ДИАЛОГИ»

В Телави прошел первый республиканский семинар молодых критиков и литературоведов «Телавские диалоги», организованный по инициативе Союза писателей Грузии и ЦК ЛКСМ Грузинской ССР.

Семинар вступительным словом открыл секретарь правления Союза писателей республики Дж. Чарквиани, подчеркнувший в своем выступлении, что нынешний семинар станет традиционным.

Перед собравшимися выступили руководитель семинара К. Имедашвили, секретарь правления Союза писа-

телей республики Л. Табукашвили, секретарь ЦК ЛКСМ Грузии А. Шарашидзе, секретарь ЛКСМ Телавского района М. Караулашвили, секретарь Телавского райкома партии Д. Бендианишвили и другие.

Второй день семинара был объявлен «Днем Ильи». Участники семинара выехали в Кварели, где посетили Дом-музей Ильи Чавчавадзе. Затем был проведен семинар, посвященный творчеству великого грузинского писателя.

«Телавские диалоги» прошли в деловой обстановке и выполнили свою миссию — собрали талантливых молодых критиков и литературоведов.

ФОРМУЛА ОРИГИНАЛА

Известный пианист Генрих Нейгауз в книге «О фортепьянной игре» замечает, что все исполнители по подходу к исполняемому произведению могут быть разделены на обладающих горизонтальным и вертикальным мышлением. Первые разрабатывают произведение последовательно и потому исполнение их мозаично: одни фрагменты получаются лучше других. Вторые способны видеть все произведение в целом, как бы сверху, и потому достигают в своем исполнении удивительной целостности.

Мы начали разговор о поэтическом переводе с замечания знаменитого музыканта вовсе не из романтических побуждений и даже не потому, что поэзия великого грузинского поэта Галактиона Табидзе — самоё музыка, нет, просто мы будем исходить из предпосылки, что подлинник есть партитура, а перевод — исполнительский акт, и при таком подходе замечание Г. Нейгауза вполне может быть приложимо к процессу перевода. Тем более, что тема этой небольшой статьи — перевод только одного стихотворения «Луна Мтацминды». Вот оно в подстрочном переложении:

Не бывало еще столь благостно-тихой луны!

Одетая в молчание предвечерняя лира

Манит шорохом струн голубые виденья,

вплетая их в ветви деревьев...

Таким тихим и нежным я небо мое не припомню!

Луна, точно ирис, соткана из бледных бусинок лучей,

И, опутаны ее лучами, как легкие тени сквозь полусон,

Колбелется Кура и сияет белизною Метехи...

О, не бывало еще луны столь ласково-нежной!

Здесь рядом спит царственным сном тень Акакия,

Здесь, на скорбное кладбище, с розами и ромашками,

Ложится веселое мерцание звезд,
 Бараташвили любил здесь бродить в одиночестве...
 О, пусть я умру с песней, как страдающий лебедь,
 Лишь бы высказать, как заглянула в мою душу ночь,
 Как простерло сновиденье крылья над этой небесной ширью,
 Подняв синие паруса моих вдохновений,
 И как преобразает дыхание смерти
 Переливы и краски лебединой песни,
 И как чувствую я, что душе пеннорожденной в этой пучине
 Торный путь смерти — всего лишь усеянный розами путь,
 Что на этом пути сказочна дерзость поэтов,
 И что не бывало еще столь безмятежно задумчивой ночи,
 Что рядом с вами, великие тени, встречаю я смерть,
 Что я царь и поэт, и гибель встречаю я с песней,
 Что вместе с веком отойдет к вам и моя предвечерняя лира...
 О, не бывало еще столь благостно-тихой луны!!

Вот транскрипция первых двух стрóf:

Джер арасдрос ар шобила мтваре асе цкнари!
 Мдумаребит шемосили шегамебис кнари
 Кролвит ицевес циспер ландебс да хеебши аксовс...
 Асе чуми, асе нази джер ца ме ар маховс.
 Мтваре титкос замбахия шукта мкртали мдзивит
 Да мис шукши гахвеули мсубук сизмаривит
 Мосчанс Мтквари да Метехи тетрад мозлваре...
 Ох, арасдрос ар шобила асе нази мтваре.

Не правда ли, даже подстрочник дает представление о действительных масштабах этого произведения, в оригинале же этот грандиозный четырнадцатисложник есть и в самом деле необозримая партитура, заключающая в себе поэтический мир и ключ к исполнению, таящийся в музыкальном по сути, композиционном членении произведения. Вглядитесь, перед нами четырехчастная партитура, разделенная многоточиями, знаменующими не только поворот поэтической мысли, но и разграничивающими реальное, физически осязаемое пространство! Сначала — Вселенная, потом — человек на земле, в буквальном смысле хранящей историю его духовного рождения, следом — кульминация — полностью лишенный сентиментальных черт, воистину «на разрыв аорты» яростный

¹ Цитируется по изданию «Г. Табидзе. Стихотворения». Подстрочный перевод с грузинского Г. Маргвелашвили, Тбилиси, 1973.

монолог, заключающий в себе убеждение в возможности преодоления смерти и объявляющий миру о явлении истинного поэта. Но вот голос переходит в мужественный шепот, а в последней строке возникает рефрен лунного мира, очень близкий по поэтике к рефрену знаменитой бетховенской сонаты, в которой, если верить музыковедам, быть может, и нет ничего лунного, но есть владетельный космос, неизменный спутник великих творений человеческого духа!

Конечно, перед нами — произведение, далеко выходящее за рамки мгновенного лирического проявления. Это скорее поэма, каждая строка в которой — неразделимый синтез звуков и явлений, столь характерный для поэтической системы Галактиона. «Луна Мтацминды» — несомненно одно из высших достижений поэта, и закономерно, что на протяжении более полувека (стихотворение написано в 1915 году) к нему обращались многие поколения русских переводчиков. Самый ранний из найденных нами переводов, сделанный Д. Выгодским, опубликован в 1937 году, самый поздний, сделанный Е. Евтушенко, — в 1978 году.

А теперь вернемся к замечанию Г. Нейгауза, оговорившись, впрочем, что в отличие от исполнения музыкального произведения исполнение (перевод) произведения поэтического, по художественным признакам неизмеримо более конкретного, значительно сильнее подвержено влиянию художественных концепций и взглядов, господствующих в искусстве в тот или иной период. Не потому ли Н. Заболоцкий писал, что успех перевода — дело времени, он не может быть столь же долговечен, как успех оригинала. В творчестве Галактиона можно выявить два фактора, сформировавших его поэтику: это влияние грузинских романтиков, в частности Н. Бараташвили и символистов Верлена, Блока, а также уникальная особенность собственного поэтического дара, следующим образом сформулированная исследователем психологии творчества А. Васадзе: «Существенная сторона, особенность творческой силы Г. Табидзе заключается в том, что его вдохновение пролегал за пределами видения, в сфере «постижения слухом». Поэт как бы слухом постигает суть и образ явления и с помощью слов передает музыкальный код, адекватный «услышанным образам». Вот почему значение слов в его стихотворениях дается нам через их звучание, через звуковое восприятие, через музыку».

Мы рассмотрим два перевода, концепция каждого из которых строится по преимуществу на одной из составляющих поэтики Галактиона.

Еще такой безропотной луны
Не знала ночь. И навеяв сны,
Тишайшей лирою из длинных трав,
Еще луною быть не перестав,
Сквозь синеву бесплотную ветвей
Она, как ирис в бисере лучей.
И зыбкости незыблемой покров —
Сновиденный Метехи над Курой...

Перед нами первые строфы стихотворения в переводе А. Цыбулевского (Г. Табидзе. Стихотворения. Москва, 1978).

Концепция Цыбулевского, талантливого филолога и поэта, чуткого к слову, весьма своеобразна. Во главу угла он ставит выявление пластики поэтических образов Галактиона. В переводе Цыбулевского первые строфы «Луны» — десяти-сложник. При таком подходе естественно сжимается семантическое пространство, но становится осязаемее динамическое взаимодействие образов и в явном виде проявляется символический подтекст оригинала. Деепричастные обороты и переносы строки создают эффект перетекания образов, и благодаря этому рельефнее выступает «тканная» основа, образующая начало стихотворения (об этом специфическом именно для данной части произведения качестве будет сказано ниже, при рассмотрении перевода, выполненного П. Антокольским). Однако выявив затаенный в оригинале «тканый» рефрен, переводчик дает законченный пейзаж без человека, тогда как в подлиннике видимую сторону произведения последовательно создают непосредственные ощущения поэта, вплоть до прямого указания: «Таким тихим и нежным я небо мое не припомню!» Ведь и восклицание — «Не бывало еще столь благостно-тихой луны!» — безличное в буквальном переводе, непосредственно вытекает из душевного состояния поэта, тогда как в художественном переводе: «Еще такой безропотной луны не знала ночь». Совершенно очевидно, что уже сам лейтмотив, формально верный по смыслу, по существу совершенно отличен от авторского и закономерно диктует иное развитие всему произведению.

В литературе о Галактионе исследователи всегда подчеркивают логичность развития образов, несмотря на сложную, «полифоническую» образную систему.

Благодаря этому качеству в результате сложнейшего синтеза в образах появляется почти осязаемая конкретность, которая, в свою очередь, есть как бы сумма конкретностей, закрепленных в сознании автора. Поэтому эпитеты луны «бла-

гостно-тихая» и «безропотная» в контексте произведения существенно различны. У Галактиона луна — объективная реальность. Она независима, она тиха по собственной прихоти. У Цыбулевского же — луна — одно из звеньев в цепи романтических превращений. По логике образа, созданного переводчиком, луне есть на кого роптать. Созданный Галактионом логический ряд: космос — человек — мир, где лунный свет — гармоническое начало мироощущения, нарушается, и происходит удивительное. Казалось бы, переводчик предельно точно выделил видимые, конкретные стороны оригинала, более того, высветил деятельную взаимосвязь явлений внешнего мира, присущую оригиналу, и однако перевод оказался лишен конкретности, которой обладают внешне расплывчатые строки Галактиона.

Если привлечь к нашим размышлениям язык архитектуры, то поэт стоит внутри храма, а переводчик — снаружи. И потому взгляд автора гораздо шире. Он воплощает все возможности формы, тогда как взгляд переводчика преимущественно — саму форму. Отсюда, как ни странно, и сжатый размер перевода, и полное отсутствие глаголов, которые играют значительную роль в оригинале. Преимущественное воплощение формы в первых строфах, правда, очень цельное и оправданное фонетически, сообщает сдержанность бурному в оригинале монологу и тем самым сглаживает духовную доминанту стихотворения. «Пеннорожденный» голос поэта превращается в намеренно громкий и уже потому неубедительный речитатив, мелодраматический по сути:

Пусть я умру — но только бы запелось!

Ценою жизни спеть — вот это смелость!

Под шелест крыл и синих парусов

Моей мечты я умереть готов.

Преображенья сладостная жуть —

Единственный необратимый путь.

Ночь тишиной заполнена до края.

Царь и поэт, я с песней умираю,

О, тени вечные!..

В начале этой статьи мы говорили о пространстве стихотворения, которое собственно и продиктовало поэту выбор размера. Сжав строку, переводчик сразу обрек себя на неудачу при воплощении основной части. Резонанс, сообщающий естественному голосу автора власть над читателем (вспомни-

те сравнение с храмом), просто по законам физики не может родиться вне стен.

И только в заключительных строках монолога Цыбулевский вновь воплощает свой замысел и вновь появляется естественное дыхание, присущее первым строфам:

О, тени вечные! А лиру вам
Я отдаю... В предание векам
Она войдет, светясь средь длинных трав,
Еще луною быть не перестав...

Конечно, авторы переводов не оставили нам своих заметок по поводу перевода именно этого стихотворения. В сборнике «Полвека», изданного в Грузии в 1956 году, где «Луна Мтацминды» дана в переводе П. Антокольского, оно называется среди стихотворений, написанных по следам непосредственного знакомства Галактиона с Блоком и русскими символистами. Однако концепция Антокольского чисто романтическая. В его переводе «Луна Мтацминды» — элегия. Знаковое и логическое членение оригинала здесь опущено, интонация — однородна. Стихотворение развивается плавно, его эмоциональные доминанты затушеваны.

Я не видал нигде такой луны безмолвной,
Такой блаженной мглы, благоуханья полной,
Такой голубизны между ветвей древесных,
Таких ночных небес не помню бессловесных.

Первая строфа перевода по смыслу близка оригиналу, но уже здесь прослеживается влияние концепции переводчика. То, что выражено в этой строфе Галактионом, может быть определено как «звучащая тишина» — состояние умиротворения, которое возникает у каждого человека, оказавшегося в сумерках наедине с природой. Поэтому, как ни парадоксально такое заявление, Галактион средствами сложнейшего поэтического видения выражает здесь типичнейшее состояние души. И луна у него не «безмолвная», а «благобно-тихая», и фраза «ветви деревьев» воплощает форму, в то время как «древесные ветви» — есть воплощение качества. И «небо бессловесное» вызывает отчуждение, тогда как «тихая и нежная» — напротив, привлекает. Однако все эти замечания были бы всего лишь копанием в частности, если бы расхождения в нюансировке первой строфы не повлекли за собой расхождений в самой ткани стихотворения. Кстати, по-

нятие «ткань» в данном стихотворении имеет не только переносный, литературоведческий смысл, но и прямой — признак качества. Посмотрите на первые строфы подстрочника: «Одетая в молчание лира», «голубые видения вплетаются (буквально: вязаны) в ветви деревьев», Кура и Метехи «опутаны» лучами луны. Поэт как бы на ощупь определяет тканую основу света и тем самым «материализует» свет. Мы отмечаем это обстоятельство не из чистого любопытства. Для романтического видения характерно определенное освещение предметов материального мира в буквальном и переносном смысле, в результате которого предмет приобретает обобщенную форму, выявляя некое иррациональное начало, становится атрибутом души. Символизм наследует у романтизма этот ход и в развитии своем доводит его до абсурда, то есть полностью заменяет предмет символом, помещаемым в питательную среду ощущений. Но в творчестве Галактиона символические и романтические взгляды неожиданно конкретизируются, а точнее, материализуются на самом пристальном уровне рецепторных ощущений, то есть, как всякий истинно большой поэт, Г. Табидзе выходит за рамки воспитавшей его литературной школы и, что в сущности неизбежно, деформирует и синтезирует сложившиеся влияния.

Но вернемся к переводу П. Антокольского. Естественно, что принятая концепция не дает возможности переводчику передать приметы отмеченной выше «тканной» основы. Поэтому «нежная луна», передающая ощущение, переводится синонимически довольно условно как «легкая луна» и почти ботанически точный образ оригинала — «Луна, точно ирис, соткана из бледных бусинок лучей» в переводе выглядит так: «Как ирис, легкая луна в монистах света». Мы говорим «выглядит», поскольку фонетически строка эта в переводе очень выразительна и полностью оправдывает определение «легкая». Но архитектура образа в переводе неубедительна. «Мониста света» привносят тяжесть и нарушают стройность, явленную в оригинале.

Смотрите: несогласованность определений первой строфы вызывает искажения образной системы во второй и уже необоримо видоизменяет содержание третьей:

Здесь Церетели наш почует в смутных грезах.

Над ним, над кладбищем, что утопает в розах,

Мерцанье звездное так чисто и так нежно,

Бараташвили здесь любил бродить мятежный.

Дух оригинала совершенно бессознательно изменен буквально с точностью до наоборот, но совершенно в русле принятой концепции. И семантика и рифма взяты из арсенала усредненно-романтических средств. «Царственный сон» обратился в «смутные грезы», образ, утверждающий оптимизм природы: «веселое мерцание звезд», переведен как «чистое и нежное» мерцание и в контексте данной строфы стал обоснованным, вялым и сентиментальным. А смысл последней строки полностью противоречит оригиналу. Однако в рамках собственно перевода эта строфа со всеми ее несообразностями, очевидными при сравнении, выглядит и звучит совершенно органично. Мы подчеркиваем это вовсе не под давлением признанного авторитета. Мы просто хотим проследить, как дочернее творение, в силу внутренней логики, под сказанной изначальной установкой, отпочковывается от материнского, сохраняя уже несопоставимую с оригиналом по широте мышления собственную, внутреннюю цельность. Приведем две последние строфы перевода:

Я знаю: для души, исполненной мечтами,
Путь смерти — тот же путь, усеянный цветами.
Я знаю, что поэт создаст и сказку смело,
Когда такая ночь им властно завладела,
Что рядом с кладбищем я полон юной жажды,
Что я простой поэт и что умру однажды,
Что перейдет в века написанное мною
Под этой голубой безмолвною луною!

Обратите внимание, как последовательно установка уводит перевод от первоисточника — от микроизменений в области образного строя в начале через изменение пафоса в середине к изменению этики в заключительных строфах. «На этом пути сказочна дерзость поэтов», — говорит Галактион. «Я знаю, что поэт создаст и сказку смело», — парирует переводчик. Опорное слово «дерзость», принципиальное в оригинале, закономерно отсутствует в переводе. И, в свою очередь, возникшее у Антокольского — «Что перейдет в века написанное мною» — этически неприемлемо для совершенно определенной позиции Галактиона: «Вместе с веком отойдет к вам (великие тени) моя предвечерняя лира».

Итак, исполнительский акт совершен. Экспозиция реализована, но содержание претерпело огромные издержки. В сущности, если вспомнить слова Нейгауза, реализован фрагмент, или, конкретно в нашем случае — форма и звучание.

Однако наиболее органично звучат первые строфы стихотворения, вернее всего согласованные с оригиналом по передаче состояния. И это не просто казуистическое совпадение из тех, про которые принято говорить: «одно к одному», а объективная закономерность, поскольку за вполне конкретными понятиями — язык и стиль писателя — всегда стоят менее конкретные, но куда более важные, первичные по сути понятия — язык мышления и стиль мышления. И понятия эти нуждаются в переводе точно так же, как и предыдущие. Именно в них заключена тайна оригинала, именно они определяют зону непереводаемости. Разумеется, в самом произведении стиль как таковой и определяется стилем мышления, но в сознании переводчика в начале работы эти понятия не слиты воедино, они скорее сосуществуют. И поэтому при переводе необходимо ставить вопрос не о верности форме произведения, а о верности формуле оригинала — единству языка произведения и заключенному в нем языка авторского мышления.

ОТ РЕДАКЦИИ: В портфеле редакции хранился перевод «Луны Мтацминды», выполненный автором этих заметок. Нам кажется, читателю будет небезынтересно познакомиться с ним, воочию убедиться, как литературоведческие рассуждения В. Еременко о конкретном стихотворении Галактиона Табидзе нашли воплощение в поэтической практике.

Еще не бывало нежнее луны в этом пламени лунном.
Вот мрак предвечерний облек мою лиру и водит по струнам.

А в кронах дерев—голубые виденья, лишённые воли...
Какое немыслимо нежное небо! Да полно, оно ли?
Луна, словно ирис из шелковых нитей и матовых бусин,
В ее паутине над спящей землею рисунок искусен:
Струится Кура, а над ней белизною сияет Метехи...
Какая луна! Никогда не бывало блаженней утехи.
Здесь дремлет Акакий, навеки забывшийся сном
властелина.

Лаская кладбищенский ворох ромашек, в тени
розмарина,

Беспечно мерцая, высокие звезды касаются склона...
Здесь стих Николоза, бывало, искал одинокое лоно...
В протяжную песню, как раненый лебедь, дыхание
обрушу.

И выскажу миру, как ночь заглянула в разверстую
душу,
И как сновиденье печали мои возмутило крылами,
И шепот небес паруса вдохновенья вознес над телами,
И что означает дыхание смерти для жизни единой,
И как отвечают ему переливы тоски лебединой,
И как я постиг, что душе, возродившейся в хаосе этом,
Движение к смерти — проселок, усыпанный розовым
цветом.
Что дерзость поэтов на этой дороге — безмерное чудо.
Что ночи задумчивей в жизни моей не бывало покуда.
Что в близости с вами, великие тени, я смерти
предстану,
Что, царь и поэт, изойду в пенопении и быть
перестану.
Что с веком уйду. И останется вам полудрежная лира...
Еще не бывало блаженней луны у подлунного мира.

ХРОНИКА

ГОСТИ ГРУЗИИ

Грузию посетила группа иностранных журналистов, аккредитованных в СССР. Они представляли издания Болгарии, Югославии, Польши, Венгрии, Вьетнама, Монголии, Великобритании, Дании и Ливана.

Журналисты были приняты

в Совпрофе Грузинской ССР, исполкоме Тбилгорсовета, посетили Союз художников республики, совершили поездку в Кахети.

Представители зарубежных средств массовой информации побывали в мастерской художника Ладо Гудиашвили, на концерте грузинской фольклорной музыки.

БОЛЬШОЙ вклад в изучение истории народов Кавказа внесли русские ученые-кавказеды — как дореволюционные (П. Г. Бутков, Н. Н. Дубровин, П. Ковалевский, С. А. Белокуров и др.), так и советские (М. А. Полиевктов, О. Маркова, А. Новосельцев и др.). К сожалению, работы их еще не получили должной оценки. Настоящая статья ставит целью показать вклад С. А. Белокурова и М. А. Полиевктова в дело публикации документов по истории русско-грузинских отношений XVI—XVII вв.

Первые контакты русского и грузинского народов имели место еще в X—XII веках. Сохранились отдельные сведения об их экономических, культурных, военных и династических контактах той поры. В конце XV века была предпринята первая попытка установления политических отношений между Грузией и Россией, оказавшаяся безрезультатной вследствие различия внешнеполитических целей сторон. Систематические политические отношения между Грузией и Россией налаживаются с середины XVI века.

Изучению истории русско-кавказских отношений

Нино ЧИКОВАНИ

ВКЛАД РУССКИХ УЧЕНЫХ

**О публикациях
источников по
истории русско-
грузинских отношений
XVI — XVII веков**

С. А. Белокуров посвятил несколько трудов. Большинство из них представляет собой публикацию документов. Наиболее полным трудом является книга «Сношения России с Кавказом», охватывающая период с 1578 года по первое десятилетие XVII века. В течение 70 лет, т. е. до выхода в свет сборника документов «Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв.» (1957 г.), это была единственная публикация документов по истории народов Кавказа этого периода, а для истории Грузии она сохраняет научную ценность и по сей день, так как мы не располагаем другой публикацией документов русско-грузинских отношений с 1586 по 1605 год.

Материалы русских архивов имеют большое значение для истории народов Кавказа. Как известно, народы Северного Кавказа не имели письменности до XIX века. Большинство документов писалось на русском языке. Та часть документов, которая создавалась на арабском, турецком, персидском и других языках, сразу же по поступлении в русские государственные учреждения переводилась на русский язык. Именно эти документы на русском языке сохранились до наших дней, так как архивных учреждений в феодальных политических единицах Северного Кавказа не было. Что же касается грузинских исторических документов, то они вследствие нашествий иноземных завоевателей в XVI—XIX веках были уничтожены вместе с государственными архивами. Отдельные сведения о внешних сношениях можно почерпнуть из грузинских летописей, но в центре внимания их была борьба Грузии против ее внешних врагов — в первую очередь Ирана и Турции, а другие стороны жизни — факты экономических, политических и культурных отношений с Россией или Европой оказывались как бы за пределами внимания летописцев. Поэтому понятно, почему русские архивные материалы имеют особое значение для изучения истории народов Кавказа. Очевидна и важность работы, проделанной С. Белокуровым, в результате которой важные исторические источники стали достоянием широкого круга исследователей.

Большинство документов, вошедших в публикации С. А. Белокурова, опубликовано им впервые. Ученые пользовались этими материалами раньше, но возможностей проверить выводы, основанные на неопубликованных архивных материалах, не было. По мнению самого С. А. Белокурова, «всегда возможно сомнение, которое могут решить только документы, — насколько то или другое передано верно автором, не

упущено ли им что-либо, что он считал мелочным, не стоящим внимания, тогда как это при другом взгляде оказывается имеющим значение»¹.

Основную часть публикаций С. А. Белокурова составляют документы Московского главного архива Министерства иностранных дел, в котором С. А. Белокуров проработал до самой смерти. В них включены также материалы других архивов, в частности Петербургского государственного архива («Роспись, кто был на Москве...») и архива Оружейной палаты («Дело о присылке...»).

В публикациях С. А. Белокурова собраны все виды документов, относящихся к русско-грузинским отношениям XVI—XVII веков: «наказы» русским послам в Грузию, «отписки» и «статейные списки» послов, грамоты царей и духовных лиц, челобитные членов посольств и др. Эти документы постепенно совершенствовались по форме. Некоторые из них, по справедливому замечанию М. А. Полиевктова, не лишены известных литературных достоинств. Д. С. Лихачев считает «статейные списки» русских послов памятниками литературы².

Указанные источники различны по своим целям, следовательно и по степени достоверности. На необходимость критического подхода к каждому из них в свое время указывал сам С. А. Белокуров. Воссоздать же подлинную картину русско-грузинских отношений возможно только путем сличения и сопоставления всех этих источников.

Публикации С. А. Белокурова, в частности книга «Сношения России с Кавказом», содержат разносторонний материал по истории Грузии. В первую очередь, они дают достаточно полную картину русско-грузинских взаимоотношений конца XVI — начала XVII вв.; по ним можно судить о намерениях обеих сторон, а также о том, насколько они достигли целей. В документах отражены дипломатические отношения между обеими странами со всеми присущими им сложностями: организация и отправление посольств, переговоры между сторонами, несогласия, возникающие в ходе переговоров, и т. д.

Эти материалы отражают отношения Грузии не только с Россией, но и с Ираном, Турцией, соседними народами Кавка-

---

¹ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. I, 1578—1613, М., 1889, с. СХХ.

² Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы. В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954.

за, поскольку Россию интересовали взаимоотношения Грузии с соседями. Русские послы в Грузии всегда получали задание разобраться в этих вопросах, что, конечно, отражалось «наказ» в «наказах», так и в статейных списках».

Документы, опубликованные С. А. Белокуровым, знакомят нас также и с внутренней жизнью страны. В частности, дают возможность более точно установить границы Кахети XVI—XVII веков, из них мы черпаем сведения о ее центрах, дорогах, связывавших Кахети с Северным Кавказом, об организации военного дела в Кахети, экономическом положении страны, деятельности кахетинских царей и т. д.

Документы рассказывают об отношениях Кахети с другими грузинскими царствами и княжествами, в частности с Картли; Россия была заинтересована в установлении отношений с другими политическими единицами Грузии и пыталась с этой целью прощупать почву в Кахети.

Материалы сборника «Сношения России с Кавказом» воссоздают картину внутривосточной борьбы в Кахети. Русские послы были свидетелями кратковременного царствования сына царя Кахети Александра — Давида и возвращения Александра на трон. Во время их пребывания в Кахети разыгралась трагедия 1605 года, когда царевич Константин, воспитывавшийся при дворе иранского шаха, убил отца и брата и пытался занять кахетинский престол. Все это, разумеется, нашло отражение в статейных списках русских послов.

С. А. Белокуров указывал: «Кроме историко-политического или историко-дипломатического значения, настоящие документы весьма важны и в историческом и археографическом отношении для той области, с которой вело свои сношения Московское государство... и отчасти для самого Московского государства... В них мы немало находим сведений и в этом отношении, особенно когда послы и воеводы, описывая что-либо, делают сравнения, аналогии и по отношению к нам, говоря, что то или другое встречается и у нас, представляет сходство и различие с нашими»¹.

Не менее ценны для истории Грузии и другие публикации С. А. Белокурова, в частности «Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадянскую землю (1639—1640 гг.)». Эта публикация — важный источник для истории Западной Грузии, в частности Самегрело, первой по-

¹ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. I, 1578—1613. М., 1889, с. СХХ—СХХIII.

лювины XVII века. Посольство было отправлено к князю Левану Дадиани в ответ на посольство Гавриила Гегенава в Москву (1636—1639 гг.). Послы должны были собрать подробные сведения о Самегрело, а Павлу Захарьеву поручалось специально изучить состояние православной веры в княжестве. После возвращения на родину Елчин и Захарьев представили в Посольский приказ отдельные статейные списки. Как отмечал академик Д. С. Лихачев, «Статейный список посольства Елчина... представляет собою интерес тем, что в нем впервые отразились впечатления русских от примыкающих к Черному морю прибрежных земель Кавказа»¹. Список Захарьева в ряде случаев дополняет и уточняет сведения Елчина.

Что касается уровня публикации, М. А. Полиевктов справедливо отмечал, что «богатая по материалу, эта публикация в археографическом отношении ниже других публикаций Белокурова»². То же самое подтверждает и сравнение сборника с

Сопоставления «Сношений России с Кавказом» с новым сборником материалов кабардино-русских отношений XVI—XVIII вв. подтверждает, что С. А. Белокуров исчерпал «Материалы, касающиеся сношений Московского государства с народами Кавказа за время по 1613 год, хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел»³.

архивными материалами русско-грузинских отношений 1586—1605 гг. Недостаток сборника заключается в том, что при публикации документов С. А. Белокуров ограничился двумя архивными фондами — ф. Кабардинские дела и ф. Грузинские дела, в то время как воссоздание полной картины русско-кавказских отношений, по известным причинам, возможно только путем привлечения материалов и других фондов (фондов сношений России с Турцией, Крымом, Персией и др.). Можно предположить, что этот недостаток был обусловлен традицией публикации материалов внешних сношений; дело в том, что С. А. Белокуров был хорошо знаком с материалами смежных фондов и пользовался ими при написании очерка русско-кавказских отношений с древнейших времен до начала XVII века,

¹ Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы. В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., 1954 г., с. 331.

² Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935, с. 38.

³ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, с. СXXXVI.

предпосланного публикации, но не счел нужным внести их в сборник.

Сопоставление публикации С. А. Белокурова с материалами ЦГАДА и сборником русско-кабардинских отношений подтвердило заявление С. А. Белокурова о том, что при издании документов он позволил себе исключить документы хозяйственные, относящиеся к снаряжению посольств, к деньгам, кормам, подводам и прочим, позволил себе сократить весьма часто попадающиеся царские титулы, и т. д. Во всех случаях опущенные места либо обозначены многоточием, либо мелким шрифтом дается их краткое содержание.

Можно, конечно, не согласиться с таким принципом подбора материалов и признать важным и нужным публикацию всех документов как политического, так и хозяйственного содержания, поскольку эти последние могут дать важные сведения о многих сторонах жизни страны. Но хотелось бы подчеркнуть, что С. А. Белокуров не опустил ни одного более или менее важного документа.

Интересно и то, что в 1918 году в последнем томе «Чтений в Обществе истории и древностей российских» была опубликована часть документов из фондов «Грузинские и Кабардинские дела Московского главного архива МИД, опущенных в «Сношениях...» С. А. Белокурова. Публикация не содержит никаких указаний на то, кто подготовил к печати названные документы. Но в целом том, вышедший в свет под общей редакцией Н. В. Рождественского, был подготовлен к печати под руководством С. А. Белокурова.

Следует отметить, что в археографическом отношении эта публикация стоит выше «Сношений...» и больше соответствует современным требованиям. Тут указаны номера не только дел, но и листов (они помещены в скобках); в примечания внесены все надстрочные буквы и слова, а также внесенные в свое время в текст поправки.

Оценивая публикацию С. А. Белокурова, следует обратить внимание на подход издателя к публикуемым материалам. Известно, что документация Посольского приказа XVI—XVII вв. содержит материалы трех видов: 1. «Столбцы», 2. «Книги», 3. «Грамоты» и «Трактаты». Процесс создания «столбцов» и «книг» хорошо известен специалистам. «Книги» представляют собой переписанные набело и отредактированные «столбцы» и другие, касающиеся посольств документы, которые составлялись в процессе делопроизводства. Метод публикации этих документов еще не разработан, и на практике вопрос ре-

шается по-разному. С. А. Белокуров, как правило, брал за основу «столбцы» — первоначальный текст без последующих наслоений, в случае же отсутствия материалов исполнял их из «книг». Так, например, издавая материалы «Посольства Елчина и Захарьева...», в частности статейный список Елчина, который сохранился в двух списках (один — написанный самим Елчиным, другой — переработанный московскими дьяками), С. А. Белокуров писал: «И тот и другой список важен, первый потому, что представляет дело так, как оно было, по словам Елчина; а второй потому, что показывает официальные наслоения, показывает, как и что в Москве исправили и можно думать исправляли подобное в других статейных списках»¹. Поэтому он и решил опубликовать первый текст, «как более близкий к исторической правде», а все разночтения в текстах отметить в примечаниях.

Такой метод публикации указанных документов кажется нам с научной точки зрения правильным. «Книги» не представляют собой первоначальный текст, составленный участниками событий. Обычно они всегда обрабатывались сотрудниками Посольского приказа.

Еще М. А. Полиевктов высказал предположение о том, что С. А. Белокуров «подготавливал продолжение своих «Сношений России с Кавказом»². Неизвестно, что имел в виду М. А. Полиевктов, но имеющиеся в нашем распоряжении материалы подтверждают это предположение: во-первых, «Сношения России с Кавказом» названы были выпуском I, что указывает на намерение автора подготовить следующий выпуск; во-вторых, оканчивая работу над I выпуском, С. А. Белокуров справлялся у известного грузинского историка Дмитрия Бакрадзе о возможном местонахождении документов русско-грузинских отношений первой половины XVII века; в-третьих, дневник С. А. Белокурова указывает, что в 1891 году он специально приехал в Тбилиси для разыскания материалов грузинских архивов; и наконец, в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится рукопись, озаглавленная: «Копии грузинских

¹ Белокуров С. А. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639—1640 г.). Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1887, кн. 2, с. 266.

² Полиевктов М. А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 г., Тифлис, 1937, ст. II.

дел о сношениях Московских государей с царем Иверским Теймуразом и переводы грузинских документов» (82 листа). По хронологическим рамкам (1616—1640) рукопись представляет собой продолжение «Сношений...».

М. А. Полиевктов (1872—1942) продолжил начатое С. А. Белокуровым дело и опубликовал документы русско-грузинских отношений первой половины XVII века в трех книгах («Материалы по истории русско-грузинских отношений» 1615—1640 гг., Тбилиси, 1937; «Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахети» 1640—1643 гг. Тбилиси, 1928; «Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имерети» 1649—1652 гг. Тбилиси, 1926). В хронологическом отношении эти труды представляют собой продолжение публикаций С. А. Белокурова.

Еще в XIX веке часть документов русско-грузинских отношений первой половины XVII века была опубликована М. Броссе¹ и С. А. Белокуровым, а еще раньше Н. Новиковым в V томе «Древней российской вивлиофики» был опубликован статейный список Толочанова и Иевлева. Но в них имелись серьезные недостатки и они не отвечали требованиям современной археографии. Труды М. А. Полиевктова восполнили этот пробел. В распоряжении исследователей оказались все важнейшие документы русско-грузинских отношений первой половины XVII века.

Публикации М. А. Полиевктова содержат документы, аналогичные опубликованным С. А. Белокуровым документам, поэтому мы не будем подробно на них останавливаться. Документы имеют большое значение не только для истории русско-грузинских отношений, они освещают разные стороны политической, социально-экономической и культурной жизни Грузии первой половины XVII века.

Академик Иванэ Джавахишвили писал Полиевктову: «Ваше имя впишется... золотыми буквами в нашу историографию и Ваши труды будут настольными книгами у грузиноведов и тех, кто будет интересоваться исследованием истории отношений России с Кавказом и Востоком».

Следует отметить также, что заслуги С. А. Белокурова и М. А. Полиевктова перед русской и грузинской историографией не исчерпываются публикациями материалов русско-грузинских отношений.

---

¹ Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. Под ред. М. Броссе. СПб., 1861.

В ЛИТЕРАТУРЕ 70-х годов часты обращения поэтов к публицистике, к критике, особенно к очерковому жанру. Очевидно, существует какая-то связь между лирической поэзией и очерковой литературой: оба жанра дают возможность автору раскрыть свою индивидуальность, носят исповедальный характер. Эту особенность очеркового жанра еще в 60-е годы отмечал Б. Агапов, считая, что «очерк по своей тектонике близок лирическому стихотворению. Только в лирике возможна такая свобода композиции, такая стремительная смена мотивов, такая широта ассоциаций и такая непосредственность общения автора с читателями»¹.

На современном этапе развития литературы все более ощущается потребность в непосредственном общении автора с читателями, когда писатель может свободно делиться своими мыслями о мире и челове-

Мария КШОНДЗЕР

„ТАЛАНТ ЕСТЬ ЧУДО НЕСЛУЧАЙНОЕ“

Выявление личности
автора в очерково-
документальной прозе

¹ Агапов Б. Хозяйство документалиста. — Вопросы литературы, 1960, № 11, с. 169 — 170.

ке не через героев, а от себя. В этом отношении чрезвычайно интересны две книги прозы Е. Евтушенко — «Талант есть чудо неслучайное» и «Точка опоры», в которых известный советский поэт впервые выступает как критик и очеркист.

Проза Е. Евтушенко — это прежде всего проза поэта: при всей своей открытой публицистичности она образна, эмоциональна и поэтична. Сборник «Талант есть чудо неслучайное» в основном составляют очерки о поэтах, причем круг интересов автора весьма широк — от Пушкина и Некрасова до Вознесенского. Межирова, С. Чиковани и Г. Эмина. Большое место в книге занимают мысли автора о поэзии, о назначении поэта, о гражданской позиции поэта в современном мире, о сущности национального характера. В первой вступительной статье Е. Евтушенко определяет основные качества, которыми должен обладать настоящий поэт. Таких качеств, по его мнению, пять:

«Первое: надо, чтобы у тебя была совесть, но этого мало, чтобы стать поэтом.

Второе: надо, чтобы у тебя был ум, но этого мало, чтобы стать поэтом.

Третье: надо, чтобы у тебя была смелость, но этого мало, чтобы стать поэтом.

Четвертое: надо любить не только свои стихи, но и чужие, однако и этого мало, чтобы стать поэтом.

Пятое: надо хорошо писать стихи, но если у тебя не будет всех предыдущих качеств, этого тоже мало, чтобы стать поэтом, ибо

**Поэта вне народа нет,
как сына нет без отчей тени.**

Поэзия, по известному выражению, — это самосознание народа. «Чтобы понять себя, народ и создает своих поэтов»².

Таким образом, поэт — выразитель национального самосознания народа, высшее проявление его духовной культуры. В этой связи интересны рассуждения Евтушенко о национальном характере и о проявлении его в искусстве. В свое время И. Эренбург говорил о «русской душе» в противовес бытовавшим тогда представлениям об идеалистической сущ-

² Евтушенко Е. Талант есть чудо неслучайное. — М., Советский писатель, 1980, с. 15—16. В дальнейшем цитирую Е. Евтушенко по этому изданию с указанием страниц.

ности подобных понятий. В настоящее время эти понятия опять стали актуальными и насущными, тем более, что даже в современной критической литературе существуют ^{неодно-}значные оценки понятия «душа народа». Этому понятию посвящена отдельная статья в книге, которая называется «Русская душа». Евтушенко поднимает проблемы духовности, особенно необходимые в век стандартизации: «В понятии «душа» есть та непреходящая ценность, потеряв которую люди перестают быть людьми, становятся морально безоружными при всей технической вооруженности» (с. 51). Понятие «душа» непосредственно связано с проблемами национальной культуры, ибо «при общечеловеческом единстве психологического строя души у каждой национальности есть свои неповторимые черты, не схожие с чертами ни одной другой нации, и потеря этой неповторимости непоправимо обеднила бы человечество» (с. 51). Каждый великий поэт в первую очередь представляет свою национальную культуру и только благодаря глубокой национальной принадлежности становится частью мировой культуры.

Рассуждая о сущности национальной культуры и о понятии «социалистическая культура», Евтушенко полемизирует с Р. Рождественским, в частности со следующими его строками:

Никогда не спрячусь за кондовой завесой.

**По национальности я —
советский.**

Соглашаясь с Рождественским в его обличении литературно-бытовой кондовости, Евтушенко считает, что «если грузин внутри социалистической нации ощущает себя грузином, украинец — украинцем, а русский — русским, с гордостью храня свою русскую национальную душу, то от этого социализм и становится надеждой человечества, чьи бессмертные идеалы: свобода, равенство, братство» (с. 52). Далее автор еще раз высказывает уже приводившуюся мысль о том, что самосознание народа происходит через поэзию.

Мы не случайно так подробно остановились на взглядах Евтушенко о сущности поэзии и проблемах национальной культуры. Именно эти две мысли пересекаются в очерке истинно народном поэте Грузии — Симоне Чиковани. Несмотря на небольшой объем, очерк насыщен глубокими мыслями о поэте и поэзии, о сущности мастерства. Не случайно

В начале очерка автор рассуждает о поэте в высшем смысле этого слова с точки зрения не профессиональной принадлежности, а поэтичности как «свойстве души, поднимающем мастера над ремесленником, человека над недочеловеком». Евтушенко проводит несколько непривычную параллель между трудом сапожника, вдохновенно чинящего обувь, и деятельностью поэта. Однако суть этого сравнения становится вполне понятной из дальнейшего хода мысли автора. Поэзия, по мнению Евтушенко, не есть нечто элитарное и замкнутое, доступное узкому кругу специалистов. Поэзия — это, по словам самого Симона Чиковани, «покорение действительности вдохновением, создание новой поэтической действительности». Евтушенко подчеркивает неразрывную связь С. Чиковани с землей, на которой он родился. С. Чиковани относится к тому типу людей, которые рождаются поэтами, и Е. Евтушенко с присущими ему образностью и эмоциональностью говорит об этом: «Если бы Симон никогда не писал стихов, а был крестьянином, он понимал бы язык трав и мычание коров; если бы он был учителем, он знал бы, как без ложной нравоучительности направить детей, стоящих на зловеще-прекрасном распутье жизни, в сторону добра и справедливости; если бы он был врачом, он бы старался спасти всех проходящих к нему с болезнями, так, как будто все они были его самые близкие родственники; если бы он был священником, он бы складывал свою проповедь из множества исповедей, услышанных им, а не из религиозных догм, и эта проповедь звучала бы для слушателей как будто высказываемая ими самими, а не откуда-то из декорированного религией неба» (с. 131).

Е. Евтушенко подчеркивает, что С. Чиковани была присуща радость творчества, ибо он занимался любимым делом по призванию. При всех своих мучениях и горестях он был счастливым человеком. Тонко и ненавязчиво автор очерка переходит от характеристики С. Чиковани как поэта к широким обобщениям о величии и мастерстве, показывая проявление общего — в единичном, а единичного — в общем.

О чем бы ни говорил автор в своем очерке, все проблемы неизбежно приводят к морально-этическим категориям, к проблемам человечности и человеколюбия, а значит, к проблемам все той же души. Определяя сущность творчества, Евтушенко отмечает, что секрет роста поэтического мастерства — не в усвоении суммы технических приемов, а в «выращивании собственной души». Утверждая, что «настоящий

поэт плохим человеком быть не может», Евтушенко подтверждает эту мысль примером поэтической судьбы С. Чиковани.

Интерес к грузинской поэзии возник у Евтушенко давно, а с грузинскими поэтами старшего поколения его связала крепкая дружба, несмотря на разницу в возрасте. Такими поэтами были Леонидзе и Чиковани, ставшие, по словам автора, тенями, но «тенями, лишенными холода загробности, тенями теплыми, живыми, благословляющими и предостерегающими».

Следуя прекрасной традиции, поэт называет Грузию второй матерью русской поэзии, «всегда спасавшей русских поэтов в моменты их опал и печалей под белым крылом своих облаков, похожих на сгустившиеся выдохи горных вершин» (с. 133).

Чиковани стал полпредом русской литературы в Грузии. Он писал статьи о Есенине, Маяковском, был близким другом Пастернака, любил стихи Межирова, поддерживал молодых русских поэтов, в том числе Ахмадулину и самого Евтушенко, так же, как помогал молодым грузинским поэтам. Евтушенко подчеркивает высокую интеллигентность Чиковани, его большую любовь к своей национальной культуре, позволившую ему полюбить и оценить русскую культуру. Его национальная гордость, как справедливо отмечает Евтушенко, никогда не переходила в национальную узость. «ему был свойствен в общении демократический дух, который и служит всегда признаком внутреннего аристократизма» (с. 134).

Автор очерка не отрывает поэзию Чиковани от его личности и этим еще раз подтверждает свою мысль о том, что настоящий поэт не может быть плохим человеком. Так же, как личности Чиковани были свойственны человечность и простота, так и его поэзия «остаётся открытой для всех, кто нуждается в этом благословенном воздухе участия, воздухе человеческих взаимоотношений» (с. 134).

В очерке о С. Чиковани, так же, как и во всей книге, Евтушенко пытается ответить на вопрос о задачах поэзии и о назначении поэта на земле. Для него это не риторические вопросы, это проблемы, определяющие смысл его собственной жизни, ибо каждый настоящий поэт рано или поздно приходит к осознанию своей мессианской роли на земле. Пример поэтической и человеческой судьбы С. Чиковани является образцом для его младшего собрата по перу, так как его облик — прекрасная гармония таланта и человечно-

сти. Определяя задачи поэзии, Симон Чиковани подчеркивает, что она «всегда является чудесным результатом непростой, напряженно-драматической встречи поэта искрой, высеченной при их столкновении, независимо от того, гармония это или конфликт связывает поэта с миром» (с. 134).

Эти слова большого поэта стали для Евтушенко поэтическим завещанием С. Чиковани, обладавшего, по словам автора очерка, тем внутренним зрением сердца, которое позволяло ему, почти ослепшему, видеть суть вещей глубже и яснее, чем это удавалось многим зрячим. Поэзия Чиковани — лучший памятник ему, ибо она «бессмертно дышит, видит, слышит, страдает, улыбается», а значит, живет, так же, как живет среди нас бессмертный образ большого поэта и прекрасного человека — Симона Чиковани.

Очерк Е. Евтушенко — прекрасный пример поэтической прозы, слияния лирического начала с публицистическим, эмоций — с оценками. По образности и темпераменту он принадлежит к художественной прозе, по глубине мыслей — к философско-публицистическому эссе. В небольшом произведении автор сумел не только вылепить рельефный образ грузинского поэта, но и дать представление о собственной личности, о своем понимании сущности мастерства, поэзии, национальной культуры. Очерк неразрывно связан с общей темой всей книги, и в то же время мощная фигура С. Чиковани придает ему оригинальность и самобытность.

Если очерк о С. Чиковани называется «Зрение сердца», то, как бы перекликаясь с ним, в той же книге Е. Евтушенко сосуществует очерк «Осязание слухом» о другом грузинском поэте, представителе современного поколения — Отаре Чиладзе. Как мы уже отмечали, для Евтушенко характерны общие размышления о сущности поэзии, постепенно наполняющиеся конкретным содержанием. Очерк об Отаре Чиладзе начинается с мысли автора о поэзии как о переводе с подстрочника собственной души. Обыгрывая слово «перевод», автор утверждает, что «абсолютно точный перевод языка души на язык слов столь же невозможен, как и опасен слишком вольный перевод — он чреват тем, что от первоизданности души ничего не остается» (с. 253). Считая в идеальном варианте слово высшим проявлением чувства, а одним из тончайших чувств — осязание, Евтушенко, прибегает к поэтической метафоре, называя дарование Отара Чиладзе «осязанием слуха»: «Кажется, что все его

тело, вся его душа превратилась в чуткий, трепещущий орган слуха, улавливающий все малейшие вздрагивания, колебания, шелесты, шорохи и внутри самого себя, и внутри природы, и внутри всего окружающего» (с. 254). С помощью умело подобранных эпитетов, метафор и определений один поэт передает душевный настрой другого с такой пронизательной силой, что читатель начинает постигать сущность «поэтического осязания слухом».

Наряду с эмоциональными всплесками, характерными для прозы Е. Евтушенко, в очерке о поэзии О. Чиладзе мы встречаем глубокие рассуждения автора об умении поэта проникать не только в тайники собственной души, говоря о своем, сокровенном, но и выражать чувства многих людей.

Считая Отара Чиладзе продолжателем традиций великих грузинских поэтов, начиная с Руставели и кончая Г. Табидзе, Г. Леонидзе, С. Чиковани, Евтушенко отмечает сильное фольклорное начало в его творчестве. Говоря о том, что без фольклорного начала поэт невозможен, автор очерка проводит, на наш взгляд, интересную, тонкую мысль о том, что нужно очень осторожно использовать фольклор, помня, что чрезмерное увлечение народным творчеством, умиление патриархальной идиллией тащат поэзию назад. Отар Чиладзе не нарушает меры, его фольклорное начало «не только грузинское, национальное — оно включает в себя и античную мифологию, которая своими корнями связана и с судьбой Древней Грузии» (с. 255).

Поэзия, по мнению Е. Евтушенко (как видим, во всех очерках книги автор пытается с разных точек зрения определить сущность поэзии), «есть не что иное, как восстановление утраченных связей... Отар Чиладзе... старается уловить всем своим осязанием слуха голос будущего, даже в прошлом, когда он обращается к нему или когда к нему обращается оно» (с. 256).

Е. Евтушенко раскрывает смысл поэтической метафоры, давшей заглавие очерку. «Осязание слухом» — это тот редкий поэтический дар, который дает возможность поэту соединить прошлое с будущим, вернуть настоящему и, главное, будущему утраченное время.

Таким образом, очерки Е. Евтушенко о С. Чиковани и О. Чиладзе неразрывно связаны с основными проблемами прозаической книги поэта «Талант есть чудо неслучайное», а именно с проблемами сущности поэзии, назначения поэта, его гражданской позиции, национального и интернациональ-

ного в искусстве. На примере грузинских поэтов автор показывает, что национальное и интернациональное лектические понятия. Не любя свою национальную культуру, нельзя полюбить другую культуру, но в то же время подлинно национальным поэтом можно стать только на основе интернационализма. В статье «Мы — одно целое» Евтушенко прекрасно раскрывает суть этих понятий: «Прошло то время, когда вульгарная социология пыталась при помощи интернационализма атаковать святая святых — национальные традиции, бестактно задевая порой самое глубокое народное чувство. Но опасен и другой крен — когда бережное восстановление национальных традиций может хотя бы временно оттеснить тему интернационализма... Интернационализм не поветрие, а ветер истории. У великих писателей всегда была не дешевая ностальгия по прошлому, а пророческая ностальгия по будущему» (с. 327).

Конкретизируя свою мысль и обращаясь к примерам из истории литератур народов СССР, Евтушенко отмечает, что «взаимопроникновение национальных литератур друг в друга не может быть явлением, разрушающим национальные традиции, — национальные традиции разрушаются тогда, когда писатели надменно отворачиваются от освежающего опыта других наций. Величие нации и ее количественная величина — разные вещи. Величие нации определяется величиной ее культуры. Если бы в Грузии даже не было таких блестящих поэтов, как Важа Пшавела, Илья Чавчавадзе, Давид Гурамишвили, Акакий Церетели, Галактион Табидзе, а только Руставели, и тогда это была бы великая нация. А ведь в Грузии и сейчас столько сильных, настоящих поэтов и прозаиков» (с. 328 — 329).

Проанализированные нами очерки Е. Евтушенко о С. Чиквани и О. Чиладзе, с одной стороны, еще раз подтверждают правоту мыслей автора о взаимодействии и взаимопроникновении культур, а с другой — раскрывают и обогащают представления о поэте как гармоническом синтезе таланта и человечности. Умелое сочетание художественных приемов с публицистическими отступлениями позволяет выявить в книге «Талант есть чудо неслучайное» личность ее автора — поэта, публициста и гражданина Евгения Евтушенко, по праву принадлежащего к категории «неслучайных талантов».

Среди поэтов, обратившихся в последнее десятилетие к прозе, особое место занимает Белла Ахмадулина. Немногие женщины, по справедливым словам Е. Евтушенко, имеют

право на звание поэта, а не поэтессы, и Б. Ахмадулина — одна из них. Ее поэзии свойственны мужская сила и провидительность, хотя стиль и эмоциональный уровень ее стихов выдают женщину. То же самое можно сказать и о прозе Б. Ахмадулиной. Ее очерки, эссе, воспоминания — это эмоциональные всплески души поэта, это поэтическая проза, полная риторических вопросов, восклицаний, гиперболических сравнений и метафор. Очерки Б. Ахмадулиной о Грузии — это лирические объяснения в любви стране, которая стала для нее второй родиной и прекрасный образ которой она носит в своей душе. Проза Ахмадулиной сродни ее поэзии, напоенной тончайшими запахами и звуками. Творчество поэтессы часто уподобляют музыкальным инструментам, чутко и тонко улавливающим малейшие оттенки настроений. Так, Е. Евтушенко сравнивает музу Ахмадулиной со звучанием флейты, созданной, казалось бы, для камерной музыки, но умеющей передавать и «симфоническую тему ответственности». П. Антокольский сравнивает искусство Ахмадулиной с хорошо настроенным роялем: «Если за него садится виртуоз вроде Рихтера или Гилельса, то в ограниченной клавиатуре рояля сами собой рождаются и рыдания скрипичных струн, и взывания трубной меди. Такова Ахмадулина»³.

Все эти черты творческого стиля Ахмадулиной присущи и ее прозе. Это так же, как у Евтушенко, прежде всего проза поэта, личность которого отчетливо проявляется в ее произведениях. Определить прозу Ахмадулиной о Грузии в жанровом отношении очень трудно. Это и лирические эссе, и портретные зарисовки грузинских писателей, и мысли автора о сущности перевода, опять-таки не ортодоксальные, а субъективно-эмоциональные, выражающие личные взгляды поэта. Перевод Ахмадулина рассматривает как любовь одного человека к другому. Именно чувство любви и теплоты к Грузии пронизывает всю «грузинскую» прозу Ахмадулиной и объединяет ее. Первое же эссе «Воспоминание о Грузии» — это выражение сокровенных надежд и мечтаний поэта о новой встрече с Грузией, которая воспринимается Ахмадулиной как ожившая легенда.

Ахмадулина находит глубокую связь между грузинским многоголосием и национальными чертами народа, в песнях

³ Антокольский П. Г. Собр. соч. в 4-х томах.—М., Художественная литература, 1973, т. 4, с. 256.

она справедливо видит истоки национальной культуры.
«Между весельем и пением, печалью и пением, любовью и
пением вовсе нет промежутка...»

В этом пении не было беспорядка, строгая, неведомая мне дисциплина управляла его многоголосием.

Мне показалось, что долгожданная тайна языка, наконец, открылась мне, и я поняла прекрасный смысл этой песни: в ней была доброта, много любви, немного печали, нежная благодарность земле, воспоминание и надежда, а также все остальное, что может быть нужно человеку в такую счастливую и лунную ночь»⁴. Эмоциональная и приподнято-возвышенная форма ни в коей мере не снижает глубокого содержания прозы Ахмадулиной. Пытаясь проникнуть в тайны грузинского языка, автор подходит к проблеме национальной культуры, которая, в свою очередь, уходит корнями в народное творчество, в песни народа, в его строго организованное многоголосие, позволяющее заглянуть в душу народа, в его традиции.

Обращаясь к личности и творчеству грузинских поэтов, Ахмадулина обнаруживает в их произведениях высшее проявление национального характера, поднятого до общечеловеческих вершин. В этом отношении характерен очерк «Прекратим эти речи на миг», посвященный Симону Чиковани, в котором, так же, как и во всех произведениях о Грузии, лейтмотивом звучит любовь автора не только к поэту Симону Чиковани, но и ко всему поэтическому миру Грузии.

Если очерк Е. Евтушенко о С. Чиковани тяготеет к философско-публицистическому эссе, то очерк Ахмадулиной скорее эмоционально-лирического плана, в нем личность и поэзия Чиковани — в едином восприятии автора. Это не критический очерк, а непосредственная передача своих чувств и переживаний. Сама Ахмадулина признается в том, что она не хочет профессионально говорить о стихах, о переводах.

Цель автора иная, и воплощается она в присущей Ахмадулиной взволнованно-приподнятой манере: «Я вообще предпочла бы молчать, любить, вспоминать и печалиться, отозвавшись на его (С. Чиковани — М. К.) давнее приглашение к тишине, надобной природе для лепета и бормотания» (с. 447).

⁴ Ахмадулина Б. Сны о Грузии. — Тбилиси, Мерани, 1979, с. 439, 440. В дальнейшем цитирую Б. Ахмадулину по этому изданию с указанием страниц.

Симон Чиковани предстает перед нами в очерке как живой человек и в то же время как символическое создание таинственного, не поддающегося определению понятия «талант». Уже при первой встрече, происшедшей среди московского снегопада (снег для Ахмадулиной — символ чистоты, свежести, жизни), С. Чиковани «прельстил» Б. Ахмадулину, «заманил» ее в необъяснимое родство, и молодой ум поэта «впервые осенила догадка, что нет радости надежнее, чем талант другого человека» (с. 447). Влюбленность в поэта и человека С. Чиковани творчески воплотилась в переводах Ахмадулиной, превратившихся для поэтессы из тяжелой, изнуряющей работы в радость воспроизведения мира С. Чиковани, сияющего «небывалостью причуд и расцветок». Легкость стихов грузинского поэта для перевода Ахмадулина объясняет четкостью образного мышления поэта, тем, что «у Чиковани и в беседах, и в мимолетных обмолвках, и в стихах предмет, который он имеет в виду, и слово, потраченное на определение предмета, точно совпадают, между ними нет разлуки, пустоты, и в этом счастливая выгода его слушателя и переводчика» (с. 447). Возвращаясь к теме снегопада, Ахмадулина переходит к последней встрече с С. Чиковани, когда «еще снег был свеж и силен, еще никто не умер в мире». Вспоминая о прекрасном вечере, проведенном в обществе супружеских пар Чиковани и Антокольских, автор очерка подходит к философским проблемам бытия, жизни и смерти, быстротечности всего сущего: «Был ли мне дан из другого, предстоящего возраста знак, что это беспечное сидение впятером вокруг стола и есть счастье, быстролетающая драгоценность обстоятельств, что больше мне так не сидеть никогда?» (с. 448).

Хотя, по словам Ахмадулиной, в сослагательном наклонении так много печали, очерк не заканчивается трагической нотой: завершающим аккордом в нем звучат стихи самого С. Чиковани — жизнелюба и оптимиста, большого поэта, голос которого и сегодня с нами:

Как миндаль облетел и намок!
Дождь дорогу марает и моет —
Это он подает мне намек,
Что не столько я стар, сколько молод.
Слышишь? — в тутовых ветках немых
Голос птицы свежее и резче.
Прекратим эти речи на миг,
Лишь на миг прекратим эти речи.

Возвышенный, эмоционально-приподнятый и лирически-взволнованный стиль присущ всей прозе Ахмадулиной о Грузии. Выступления на юбилеях Г. Табидзе и Т. Табидзе, лирические эссе о Тбилиси, статьи о переводах грузинской поэзии или поэтическое обращение к Анне Каландадзе — все это объединено трепетной и нежной любовью поэта к стране, ее второй поэтической родине. Выступая в ЦДЛ на вечере, посвященном Тициану Табидзе, в 1976 году, Ахмадулина в своей речи, наряду с именем Т. Табидзе, постоянно произносила «драгоценное имя» Бориса Пастернака, ибо судьбы этих людей являют собой не только удивительный пример верности, доброты и человечности, но и символизируют вечный союз двух стран, столь же нерасторжимый, как союз Бориса и Тициана.

Таким образом, проанализированные нами очерковые произведения о Грузии, принадлежащие поэтам, отличаются тем, что в них особенно явственно ощущается авторское начало. В одних очерках преобладает философско-публицистическое начало (Е. Евтушенко), в других — эмоционально-лирическое (Б. Ахмадулина), но объединены они стремлением авторов передать свои мысли и чувства, свое восприятие мира. Прикоснувшись к грузинской теме, каждый из поэтов выбирает для себя определенный аспект: это и портретные зарисовки грузинских писателей, и размышления о народности искусства, и описание грузинской природы. Очерковые заметки о Грузии находятся в тесной связи с общими мировоззренческими установками авторов о гражданственности поэзии, о роли поэта в жизни современного общества, о значении таланта для судеб человечества. Инонациональная тема обогащает творчество русских поэтов, придает ему общечеловеческий смысл, а присутствие автора, его непосредственное обращение к читателю делает очерки подлинно художественными произведениями.

Мелитон КАНТАРИЯ,
Герой Советского Союза

ВСТРЕЧИ С МАРШАЛОМ ЖУКОВЫМ

УТРОМ 3 мая 1945 года в рейхстаг пришли маршал Г. К. Жуков, комендант Берлина Н. Е. Берзарин, член Военного совета 5-й армии Ф. Е. Боков, член Военного совета I Белорусского фронта К. Ф. Телегин и еще несколько офицеров высшего чина, чтобы осмотреть поверженное логово фашизма, на куполе которого уже 72 часа реет Красное знамя нашей Родины. Георгию Константиновичу и его сопровождающим разъяснения давал сын выдающегося немецкого коммуниста, соратника Э. Тельмана — Вильгельма Пика, офицер Советской Армии Артур Пик, который великолепно знал Берлин и его предместья. Еще дымились развороченные камни, разрушенные артиллерийской и воздушной бомбардировкой кварталы, разбросанная там и сям разбитая военная техника врага — свидетельства только что отгремевшего боя.

Заметив плотную фигуру командующего фронтом, на встречу поспешил комендант рейхстага Ф. М. Зинченко, который торжественно отдал рапорт. Маршал внимательно слушал командира нашего 756-го полка, который точно по уставу чеканил каждое слово.

— Думали ли вы, полковник, когда-нибудь о том, что будете комендантом рейхстага? — спросил маршал.

— Дойти до Берлина думал, — ответил тот, — а вот быть комендантом рейхстага — нет.

— Вот и я не думал, что буду стоять в этом зале, — задумчиво произнес Георгий Константинович и после недолгой паузы добавил: — Вот такие дела мы сотворили.

Маршал пожал коменданту руку.

— Передайте, полковник, мою благодарность всему личному составу вашего полка, — сказал он и быстрым шагом направился к выходу.

Маршал и генералы оставили свои автографы на закопченных стенах рейхстага, как это было принято в те дни.

Толпившиеся на площади солдаты и офицеры узнали прославленного военачальника и плотным кольцом окружили его. Более одного часа Георгий Константинович беседовал с нами. Ему задавали множество вопросов: когда вернемся домой, останутся ли в Германии оккупационные войска, начнется ли война с Японией или мирным путем разрешится конфликт на Востоке, какое положение в настоящее время дома, как залечиваются раны, возрождаются города и деревни... Маршал захотел побеседовать с солдатами 756-го полка, которые водрузили над последней цитаделью фашизма овееанное славой Знамя Родины.

Георгий Константинович горячо пожал руки Егорову, Давидову, Самсонову, мне и другим участникам штурма.

— Значит, это вы, горные орлы, взлетели над шпилем рейхстага, и проявили молодецкую отвагу? — спросил он, улыбаясь. — От имени Родины поздравляю вас с этой исторической победой.

— Служим Советскому Союзу! — одновременно грохнули я и Егоров.

— Откуда вы, товарищ Егоров? — раздался голос Берзарина.

— Из Смоленщины, товарищ генерал.

— Вот как, я и там воевал.

— Сержант Кантария, сколько вам лет? — спрашивает меня Г. К. Жуков.

— Двадцать пять, товарищ маршал.

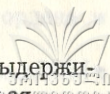
— Золотая пора молодости, — с грустью вставил К. Ф. Телегин.

— Пошлем в Военную академию, из тебя неплохой маршал выйдет.

— Спасибо, товарищ командующий. Я очень рад тому, что оказался неплохим солдатом нашей армии.

— Выходит, отказываешься, так надо понять?

— Зов земли сильнее, товарищ маршал, — отвечаю, вы-

тянувшись по стойке «смирно» в струнку, с трудом выдерживая напряжение. — К родному очагу должен вернуться.

— У тебя, кажется, душа землепашца, сержант. Великое дело выращивать хлеб.

— Кукурузу, товарищ командующий!

— Хорошо, хорошо. Значит, в Грузии встретимся.

— Точно так, товарищ маршал.

И действительно, предсказание Георгия Константиновича многократно сбывалось. Когда он приезжал отдыхать в Сухуми или Гагра, мы неизменно встречались. Но все же самыми волнующими и незабываемыми были московские встречи.

...Страна отмечала двадцатилетие разгрома фашистской Германии. Весь мир торжествовал великую победу над врагом.

8 мая 1965 года в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание трудящихся столицы при участии представителей Советской Армии и Военно-морского флота, посвященное 20-летию Победы. На это собрание были приглашены и мы — участники штурма Берлина. Наши сердца преисполнены радостью и гордостью, ведь впервые присутствуем на столь представительном форуме. Я и мой побратим Михаил Егоров сидит рядом в огромном, до отказа переполненном зале. Собравшиеся бурной овацией встретили появление в президиуме руководителей партии и правительства. Чрезвычайное волнение охватило нас, когда на сцене появились наши прославленные военачальники Р. Я. Малиновский, И. Х. Баграмян, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Ф. И. Голиков, А. А. Гречко, А. И. Еременко, Г. К. Жуков, М. З. Захаров, Н. И. Крылов, К. С. Москаленко, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, С. Г. Горшков и другие.

В ложах почетное место заняли руководители зарубежных делегаций, прибывших на торжество. На собрании был оглашен указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении городу Москве почетного звания города-героя с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Это сообщение вызвало огромное воодушевление присутствующих.

Настал рассвет 9 мая. По традиции на юбилейное торжество по поводу Дня Победы приглашают участников великой битвы за рейхстаг. Так было и тогда, когда отмечалось 20-летие этой замечательной даты.

Москва в праздничном убранстве. Красочные знамена, транспаранты, портреты, гирлянды. На одном из зданий — дата «9 мая» и слова: «День Победы». Цифры «1945» и

«1965» свидетельствуют, что уже два десятилетия советский народ живет мирной жизнью. Память сердца прочно хранит события военных лет. Никогда не забудут советские люди, какой ценой страна отстояла свободу, счастье нынешнего и будущего поколений.

На центральной трибуне мавзолея — руководители партии и правительства, делегаций многих стран, а также Маршалы Советского Союза, военачальники Советской Армии.

Ровно 10 раз пробили часы на Спасской башне Кремля. На площадь выезжает в открытой машине принимающий парад министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Навстречу ему направляется командующий парадом генерал армии А. П. Белобородов. Он рапортует министру о готовности войск Московского гарнизона к параду в честь Дня Победы.

Совершив объезд войск, Р. Я. Малиновский направляется на трибуну мавзолея и произносит речь.

Над площадью величаво звучит Гимн Советского Союза, в мелодию которого врываются залпы артиллерийского салюта.

Сводный военный оркестр играет «Победный марш». На Красной площади — Знамя Победы!

Из Центрального музея Вооруженных Сил, где навечно хранится священная реликвия, специальным эскортом доставили знамя сюда, и мы должны его пронести перед ленинским мавзолеем. Прошедшее сквозь пламя Великой Отечественной войны и водруженное над рейхстагом, оно олицетворяет могущество всего советского народа. Знамя несет Герой Советского Союза полковник К. Я. Самсонов. Ассистентами у знамени — М. А. Егоров и М. В. Кантария, — 30 апреля сорок пятого это красное полотнище мы подняли над поверженным Берлином, и оно стало символом окончательного разгрома гитлеровской Германии. Знамя Победы сопровождает почетный караул пехотинцев, летчиков и моряков.

9 мая состоялся прием в Кремлевском Дворце съездов по случаю празднования 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В конце торжественного приема адъютант Г. К. Жукова отозвал в сторону В. М. Шатилова и негромко что-то сказал ему. Генерал с сияющим лицом вернулся к нам.

— Завтра Георгий Константинович приглашает нас к себе на дачу, — радостно объявил он, — утром в 10 часов собираемся возле Большого театра, оттуда на автомашине выезжаем за город.

— Нарядитесь в новые мундиры, наденьте все ордена и медали по военной форме.

— Кого приглашает, неужели и нас?! — воскликнул М. Егоров.

— Конечно, героев 150-й дивизии, всех, кто здесь присутствует.

На следующий день ровно в 10 часов мы уже сидели в автомашине и мчались по улицам Москвы. Скоро город остался позади. Через час подъехали к двухэтажному зданию, утопающему в зелени. Вся окрестность залита майским солнцем. Во дворе нас встретил молодой лейтенант, который пригласил нас в беседку и попросил здесь дожидаться маршала. Сели на бамбуковые стулья. Скоро появился Г. К. Жуков. Любимец народа и армии весело поздоровался с нами. Хозяина сопровождали супруга Галина Александровна и дочери Элла, Эра и Маша.

— Поменял ястреба на кукушку, — смеется Георгий Константинович, — теперь я главнокомандующий женским батальоном. Знакомьтесь с дамским персоналом моего очага, теща тоже дома, — бодрым голосом добавил он.

Состоялся душевный, непринужденный разговор. Г. К. Жуков с большим вниманием слушал и всячески вызывал нас на откровенность, он хотел, чтобы гости свободно чувствовали себя и говорили все начистоту, а не заранее вызубренными фразами.

— Товарищ генерал, — обратился маршал к В. М. Шатилову, — вы по-прежнему служите любимому делу, вот, понимаю, преданность, никак не хотите в отставку.

— Служу, Георгий Константинович, но скоро настанет пенсионный возраст, время идет.

— Что ж, братец, трудно воевать со временем, оно в отличие от рейхстага не стоит на одном месте, мчится в бесконечность.

— Так точно, товарищ маршал.

— Товарищ младший сержант, — вдруг Г. К. Жуков остановил на мне свой зоркий взгляд — вы, я вижу, депутатом Верховного Совета избраны, это за какие заслуги?

Я страшно сконфузился и не знаю даже, что в ответ сказать. Действительно, за какие особые заслуги?

— Георгий Константинович, я на строительстве плотником работаю, — заикаясь, заговорил я, — сооруженные нами дома людям нравятся...

— Не забыто и геройство Кантария в Великой Оте-

чественной войне, — вставил Василий Митрофанович, — избрание преданного Родине солдата и передового труженика депутатом вполне закономерно.

-- Логично... — подтвердил маршал.

Я признательно взглянул на моего генерала. После его речи я расслабился и с облегчением вздохнул.

— Вижу, на груди орденов и медалей прибавилось, — заметил Г. К. Жуков, — теперь их гораздо больше, чем в 1945 году.

— Они на трудовом фронте завоеваны, Георгий Константинович.

— Похвально, молодец. Солдат всегда бойцом остается. — Весело потирая руки, он повернулся к Михаилу: — А что делает Егоров?

Услышав свою фамилию, тот моментально вскочил, вытянулся по команде «смирно», как принято в армии, и бойко отчеканил:

— Работаю на молочно-консервном комбинате в Ровно, — и с улыбкой добавил: — Рапортует старший сержант в отставке Герой Советского Союза Егоров.

— Вольно! — смеясь произнес Г. К. Жуков. — Между прочим, военный устав, кажется, не забыли.

— Стараемся забыть, да не получается, укоренился окончательно.

— Быть может, пригодится, — сказал я, — в мире еще бряцают оружием.

— Не дай бог! — горячо воскликнул хозяин. — То, что было, не должно повториться никогда! Отныне на земле должны воцариться вечный мир, труд и чистое небо.

Эти слова, вырвавшиеся, как священная мольба, из уст человека, по велению которого миллионные армии сокрушали противника на суше, в воздухе и на море, звучали символически.

— Я сейчас пишу мемуары, — сказал прославленный полководец, — хочу точно воспроизвести на страницах книги пройденный мною жизненный путь. Чем достовернее будут отображены ужасы войны, тем ненавистнее станет она народам. Это произведение внесет свою скромную лепту в дело защиты мира.

В семье Г. К. Жукова нас угостили легким обедом. Я по древней грузинской традиции поднял бокал за здоровье хозяйки дома. Все единодушно поддержали тост.

На прощанье Георгий Константинович сфотографировал-

ся с нами. Этот фотоснимок я бережно храню как драгоценную реликвию.

8 мая 1970 года в Кремлевский Дворец съездов на торжественное собрание, посвященное 25-летию Победы, пришли представители трудящихся Москвы, воины армии и флота.

В зале звучит Гимн Советского Союза. Громом аплодисментов встречают собравшиеся Знамя Победы, водруженное над поверженным рейхстагом в мае 1945 года. В сопровождении почетного эскорта Знамя Победы вносим мы, участники штурма Берлина — К. Я. Самсонов, М. А. Егоров и я.

После торжественного собрания объявляется перерыв. К. Я. Самсонов, уже полковник, — в незабываемом 1945-м он был лейтенантом, предложил до начала концерта пройти по фойе в надежде встретить знакомых.

В холле нас ослепил блеск золотых звезд и орденов. На груди празднично одетых людей сверкали высокие правительственные награды. Мужчины и женщины, участники сегодняшнего собрания расхаживали группами, бывшие фронтовики обнимались и радостно делились впечатлениями. Неожиданно нас пригласили в комнату отдыха. У овального стола сидели убеленные сединой знаменитые полководцы Г. К. Жуков, И. С. Конев, Н. И. Крылов, М. В. Захаров, И. Е. Якубовский, С. М. Штеменко и другие.

— Здравствуйте, герои рейхстага! — как со старыми знакомыми, радушно поздоровался с нами Г. К. Жуков, — Неразлучные друзья опять вместе?

— Опять, товарищ маршал, — отвечает К. Самсонов, — другого пути нет.

— Ну что ж, разве это плохо? — смеется тот. — Наоборот, радостно, очень радостно.

— Сержант Кантария, как у вас дела идут? — спрашивает Иван Степанович Конев.

— Хорошо, товарищ маршал.

— Михаил Егоров что скажет?

— Не на что жаловаться, живем хорошо, трудимся нормально.

Там же экспромтом заставили рассказать о жите-бытье каждого из нас.

— Выходит, вы опять в строю, — заключил Г. К. Жуков.

— Да, теперь на трудовом фронте, — ответил я.

Звонок призвал всех в зал.

Это была последняя встреча с маршалом Г. К. Жуковым.

СОРОК ЛЕТ НА СЦЕНЕ

Исполнилось 40 лет сценической деятельности известной грузинской актрисы, Народной артистки Грузинской ССР Медеи Джапаридзе.

Предлагаемые выступления дают представление о той любви и признательности, которой заслуженно пользуется актриса в нашей республике.

Редакция и редакционная коллегия «Литературной Грузии» присоединяются к поздравлениям, поступающим в эти дни на имя Медеи Джапаридзе, и желают ей долгих лет жизни, здоровья и новых сценических воплощений.

Многочисленные поклонники таланта Медеи Джапаридзе не раз доказывали ей свою любовь, доказали они ее и на вечере в филармонии, когда она перед своими друзьями — коллегами, гостями, зрителями—перевоплощалась из Джульетты в Стрекозу, из Элизы Дулиттл в Клеопатру, и гром аплодисментов встречал каждое ее появление.

В тот вечер говорилось, что она все отдала театру, что она далека от самолюбования, отзывчива, и всегда более радеет о чужих делах, нежели о своих.

«Медея напоминает мне весенний цветок...» — сказала Верико Анджапаридзе.

И мне вспомнилось, как Геронтий Кикодзе, смеясь, рассказывал, что когда они с Паоло Яшвили впервые увидели Медею, красота ее поразила не только их, даже лошади, впряженные в экипаж, остановились, как вкопанные.

Девочка, аргветскими ночами мечтающая о сцене, как-то внезапно очутилась в одном из лучших грузинских театров — марджанишвилевском, в окружении плеяды блестящих грузинских актеров. Они полюбили ее сразу, покоренные ее юностью, непосредственностью, беззаветной и самоотверженной любовью к театру.

В фильме «Кето и Котэ», который ставил режиссер Вахтанг Таблиашвили, снимались ведущие актеры того времени. Эта искрометная блестящая музыкальная комедия никого не оставляет равнодушным и поныне. Поскольку в фильме снимались в основном актеры театра, съемки велись после спектакля, поздно ночью. И молодая актриса, которая играла светившуюся любовью, наивную гимназистку, по восемнадцать часов в день находилась в кругу почитаемых и обожаемых ею актеров. От счастья у нее кружилась голова — она впитывала в себя их остроумные шутки, комплименты и хотела только одного, чтоб этот праздник длился вечно.

«Маргарита Готье!» — произносила Медея Джапаридзе, оповещая о появлении Маргариты Готье. Это была ее первая роль в театре, и эти два слова были первыми, произнесенными юной актрисой на сцене. Этими двумя словами жила она долго, без конца повторяя их про себя и вслух, дома, и на улице для того, чтобы наконец со страхом и трепетом, с волнением и смелостью произнести их со сцены и начать исполненную блаженства и страдания жизнь, которая называется театром.

Разве всегда знаешь, что следует за первым твоим шагом на пути, который сулит так много, так соблазнителен и в то же время так тернист. Если бы знать заранее, можно было бы отказаться, отступить, но впереди, по ту сторону освещенной рампы — пронизанный ожиданием затемненный зал. А по эту сторону свершается таинство слова и действия, волшебство четырнадцатисложного стиха, шепот влюбленных, звуки органа, под которые из глубины сцены идут Ромео и Джульетта. Джульетта Меден Джапаридзе, о которой столько написано и сказано.

Нет, отступать уже нельзя, избранный путь зовет, тянет, кружит голову, и жизнь без него немислима. У каждого

есть собственная душа, собственная искра божественного огня, и вот уже Пигмалион — профессор Хиггинс избрал для своего эксперимента уличную девчонку — цветочницу Элизу, выбрал, как выбирают камушек на берегу моря...

Я был еще школьником, когда на экраны вышел фильм «Кето и Котэ», тогда мои одноклассницы с восторгом и трепетом упивались купленными в киосках фотографиями кинозвезд Греты Гарбо, Вивьен Ли, Лоуренса Оливье, и с ними вместе наши детские души пленил исполненный таинства красоты лик Медеи Джапаридзе.

Есть существа — из тысячи одно — рожденные, чтоб приносить радость другим одним только своим присутствием, чистой красотой, улыбкой, излучающей свет и добро, живущие словно бы не для себя. Они не могут иначе, именно это является смыслом и назначением их жизни — сознательно или бессознательно жить для других, облегчать страдания, приносить красоту, приближать к невидимому, ко всему тому, к чему стремится человек в поисках истины, на пути своего самосовершенствования.

В завершение вечера Медея прочла стихотворение Тициана Табидзе: «Я рожден, чтоб быть рабом твоим, о Грузия! Так, здравствуй же, прекрасная, как жизнь, вовек я с тобой неразлучен!». И эти строки — не просто дань уважения памяти Тициана, они — выражение самой сути Медеи Джапаридзе, которая так же неотделима от Грузии, как и Грузия от нее.

Гиви ГЕГЕЧКОРИ

«О, если бы в стихах могла отразиться хоть крупинка вашей чудесной игры», — говорил Андрей Вознесенский, восхищенный искусством Медеи... Если даже поэту трудно выразить словами суть прекрасного в игре Медеи Джапаридзе, то понятно, какого совершенства достигла актриса в своем искусстве. Если можно одним словом передать природу творчества Медеи Джапаридзе, это слово — гармония. Красота ее отражает внутренние достоинства души. В двух портретах, выполненных Кетеван Магалашвили, передано именно это слияние начал духовного и физического. В глазах актрисы светится не только глубокая мысль, но и легкая печаль, словно она, зная о бренности своего искусства и красоты, жалеет не себя, а нас. Потомки будут судить о ней по этим

портретам и фотоснимкам (где черты ее лица высветлены словно бы изнутри и создан ее классический образ), у нас же есть возможность говорить о ее живом искусстве, которое нам, в силу нашей беспечности, кажется вечным, и мы даже не осознаем мимолетность этого мгновения.

Остановить это божественное мгновение попытался грузинский кинематограф, и, несмотря на запечатленные пленкой многочисленные замечательные образы, созданные актрисой, экран все же не смог передать всю красоту ее души. И секрет этого заключается в том, что Медея Джапаридзе прежде всего актриса театра, поскольку только сцена может дать нам почувствовать ее неповторимое обаяние, градацию переживаний, рождающихся внезапно, дабы передаться нам и околдовать.

Искусство актрисы заключается в том, что она заставляет забыть о своей красоте и все наше внимание приковывает к живущему на сцене человеку. Ее герои, разумеется, носят те же личностные качества, что и она, но в то же время они — совсем другие. Тут мы имеем дело не столько с внешним перевоплощением, сколько с духовным созиданием, мгновением, когда актриса в творческом экстазе освобождается от всяческих оков.

Беба Иваницкая прекрасно подметила: у Джульетты Меден Джапаридзе, которая становится на молитву, так «сияло лицо, словно она увидела бога, который благословлял всех...» Только избранные могут «увидеть бога», в данном случае олицетворяющего приобщение к истинному искусству, когда дух твой созидает, рождает на свет новое существо и дарит окружающим блаженную радость. После Джульетты Меден Джапаридзе я видел множество Джульетт и на сцене, и на экране, но ни разу больше не почувствовал той подавляющей и в то же время возрождающей силы любви, которая заставляет смотреть на женщину как на венец природы уничтожение которой оставит пустоту в мире. Любовь была передана тут не как счастливое состояние души девушки, но как нравственное совершенство, совершенствующее и других. Поэтому роковая смерть Джульетты воспринималась как ошибка природы, трагическое недоразумение — не только в русле драматургии Шекспира — но и более обобщенно, поскольку такое нарушение гармонии должна исключать сама природа, дабы сохранить прекрасное.

Геронтий Кикодзе сравнивал Гулсунду Меден Джапаридзе (Важа Пшавела «Отверженный», режиссер А. Чхартишвили) с цветком, выросшим на краю пропасти. Если распространить это сравнение на все творчество актрисы, оно в самом деле похоже на игру на краю пропасти или на грани жизни и смерти. И

эти роковые для нее мгновения Медея Джапаридзе сделала для нас источником вечной радости. Высоко нравственную в самой жизни Медею Джапаридзе привлекает в искусстве именно нравственная сила. Эта нравственность органична, в этом отношении образцом может служить эстетически воплощенный актрисой художественный образ Гулкан (П. Какабадзе «Меч Кахабера», режиссер Г. Лордкипанидзе). Эта роль ее в «грузинском репертуаре» отличается трагикомичностью, смешением высокой патетики с простодушной искренностью, что придавало двойственную интонацию образу и подчиняло его театральной иллюзии. Комически патетичная и несообразно с обстоятельствами искренняя Гулкан в одной плоскости воспринимала великое и незначительное.

Тот, кто близко знаком с Медеей, кто постиг суть ее лучших сценических образов, легко поверит Шоу, который говорил, что интеллект — это страсть. Истоком своей жизни, своего творчества она сделала верность истине, истине не с точки зрения сценической жизни, а в широком общественном значении. Своими ролями она всегда утверждает веру и надежду. Она верит в женский ум, и ее твердость в соединении с наивностью и хитростью придает сценическим героям не только разносторонность, но и ту таинственность, которая привлекает и бессознательно покоряет мужчин. В ее присутствии мужчины всегда становятся более возвышенными.

Почти в каждой роли актрисы чувствуются динамика, преобразование, процесс качественного перерождения. Восприятие этого процесса — само по себе уже творчество. Актрисе нравится создавать из простодушной, доверчивой девочки пронзительную и всесильную женщину, которая все же не теряет своей наивности. Эта наивность уже не от природы, а присутствует в ней как элемент женского кокетства, легкое оружие покорения сердец. Место присущих женщине интуиции и догадливости занимают ум, гордость, рожденные сознанием собственной красоты глубина и серьезность чувств.

Актриса обладает тонким чувством восприятия стиля. Например, роль в бытовой комедии она обогащает множеством внешних деталей, делая акцент именно на их избытке. В высокой комедии (тут, в первую очередь, я имею в виду «Пигмалион» и «Цезарь и Клеопатра» Б. Шоу) ее юмор более очищен, возвышен и возведен в поэтическое качество. Ее героини чувствуют себя в своей стихии, когда вступают в словесный поединок с противником и внезапно наносят ему раны, сами потом залечивая их. Она словно бы не до конца жертвует противником

и проливает бальзам на раны только для того, чтобы потом с новыми силами вновь наносить их. Актриса блестяще показывает ту изменчивость характера женщины, те внезапные перемены, из-за которых природа женщины остается вечно непознанной.

В этой статье я не намерен перечислить все сыгранные Медеей Джапаридзе роли, скажу только, что ее талант прошел испытания во всех жанрах драматургии и репертуар сыгранных ею пьес весьма широк — от классического (Шекспир, Мольер, Важа Пшавела, А. Островский, Шоу) до современного (П. Какабадзе, М. Бараташвили, К. Буачидзе, Р. Табукашвили и Л. Табукашвили).

Истинной художественно-сценической гармонии актриса, по моему мнению, достигла в роли Клеопатры. Задолго до этой роли актриса доказала, что прекрасно понимает своеобразный юмор и парадоксальную манеру мышления Б. Шоу. На наших глазах Элиза Дулиттл («Пигмалион») — грубая, говорящая на уличном жаргоне девушка, превращается в прелестную утонченную леди.

Клеопатра — образ гораздо более сложный. Уже в Клеопатре-девочке чувствуются пронизательность и властолюбие будущей царицы, а в Клеопатре-царице — непосредственность ребенка, ее юность. Пластичность, острота, изысканность ума, глубокая интеллектуальная ирония, сменяемая веселым юмором, превращают Клеопатру в привлекательную женщину, перед которой теряется даже умнейший Цезарь.

Поистине достойна уважения актриса, которая постоянно расширяет границы своего искусства. Тут чувствуется желание не только испытать свое мастерство, но и глубокая духовная потребность в этом. «Поэтические вечера» и «Импровизации на несыгранные роли» Медее Джапаридзе полны глубоких переживаний и драматизма. При чтении стихов современных поэтов (с собственными воспоминаниями) на первый план актриса выдвигает драматическо-трагические интонации.

Множество ролей сыграно Медеей Джапаридзе на протяжении сорока лет, множество еще ждет своей сценической жизни.

Нодар ГУРАБАНИДЗЕ

Шла Великая Отечественная война. Канонада подошедшего к Дарьялу фронта словно бы достигала тбилисских улиц. В погру-

женном во мрак городе рано темнело. Дни и ночи проходили в одинаковых для всех думах и заботах. На первый взгляд, никому не было дела до искусства. И все-таки каждый вечер все театральные залы были полны народом. Люди нуждались в духовной пище, как в хлебе насущном.

В эти годы и появилась на сцене грузинского театра Медея Джапаридзе. Провидение предопределило приход этой прекрасной женщины в театр. Она должна была слиться с экранными и сценическими легендами—Нато Вачнадзе и Верико Анджапаридзе. В ее решении или выборе сквозило не себялюбие, но истинное вдохновение, она пришла туда, куда должна была прийти, пришла, дабы привнести в удивительный праздник театра радость, веру и надежду для людей.

И театр принял ее под свое крыло, поверил в ее красоту и талант, и Медея Джапаридзе, не преодолев еще полностью страха и трепета, постепенно укрепляясь в своей вере и надежде, ступила на трудный путь актера в марджанишвилиевском театре.

С тех пор прошло сорок лет. На ее прекрасном лице появились едва заметные морщинки, но ведь красота меняет только облик, но не свою суть. Теперь она уже играет женщин немолодых, матерей, один раз сыграла даже бабушку — в пьесе Фати Гуриели «Потомство». И хотя с помощью грима и парика она «старит» себя, в ней все же осталось нечто детски-наивное и юношески-мечтательное. Пройденный ею путь уже утвержден на сцене и экране созданными ею образами, давно уже слился с историей театра и закреплен в нашей памяти. И путь этот можно назвать путем, пройденным красотой и талантом.

Поначалу она играла жизнелюбивых, беспокойных и веселых девушек, сыграла один раз даже мальчика — Мишку в пьесе Георгия Мдивани «Партизаны». Грубо, бедно были одеты ее молодые героини военных лет. Но и одетая в лохмотья, эта красавица светила, словно маяк. Ее героини самоотверженно боролись за жизнь, так как нет ничего более ценного на этом свете. Она выступала в основном в эпизодических ролях, но играла по одному бесспорному принципу: не существует больших и маленьких ролей, есть актеры большие и маленькие. Ее характеризовала редкая старательность. Даже несколько минут, проведенные ею на сцене, запоминались зрителю. Секрет ее игры был очень прост и много раз испытан, — она стремилась к искренности, глубоко переживала создаваемый образ.

Она шла к своим главным ролям терпеливо и упорно. Созданные ранее образы оставались в костюмерных театров. Динамика жизни театра требовала полной отдачи того, что таилось в глубине

души. В последнем действии появилась ее Гулсунда («Отверженный» Важа Пшавела), влюбленная в парня не своего племени. Любовь не выбирает места, где произрасти, она вспыхивает там, где ее настигает искра, и тогда начинается праздник ее бессмертного духа. Актриса создавала характер, в живую реальную жизнь воплощала свои страсти, открывала путь пробудившемуся первому чистому чувству. Она словно говорила, как прекрасна жизнь, когда любишь, и какой великой силой обладает доброта.

Кто в театре не мечтал о Шекспире! И Медея приблизилась к своей мечте — она сыграла Джульетту. Я не могу сказать, какое впечатление произвел бы восстановленный спектакль тех времен. Но бесспорно одно: «Ромео и Джульетта» того времени в марджанишвилевском театре полностью покорила зрителя, который верил всему, остро сопереживал тому, что происходило на сцене. Несравненная красота Джульетты внезапно озарялась огнем любви из глубин души, и этот маленький, казалось бы беспомощный, огонь превращался в грозную стихийную силу, схватившуюся с враждой и смертью. Девочка превращалась в женщину, способную самоотверженно бороться за любовь.

Добрая, искренняя, красивая Джульетта Медеи Джапаридзе явилась подтверждением вечной истины: любовь можно уничтожить, но поражение ее невозможно. Она не играла на сцене — жила, и жила так, как понимала и верила.

В каждой сыгранной Медеей роли словно бы кончалось нечто, угаданное ею, и с каждой новой ролью все начиналось заново.

Пятидесятые годы. Послевоенная жизнь входила в колею, жить становилось легче, нелегкими оставались только поиски актрисы. Она искала и трудно находила, искала вместе со своими партнерами, была бескомпромиссной, не щадила себя.

Редко какое драматическое произведение пользовалось у нас столь большой популярностью, которая выпала на долю комедии Марики Бараташвили «Стрекоза». Отвыкшие смеяться за время войны, мы словно жаждали смеха. Ведь время и условия много значат для литературы и театра, настала пора комедий. «Стрекоза» впервые была поставлена на сцене театра имени Марджанишвили, и роль Маринэ первой сыграла Медея Джапаридзе. Затем были сотни постановок «Стрекозы» и сотни Маринэ, но запомнилась Маринэ именно Медеи Джапаридзе.

За этой комедией следовал «Пигмалион» Бернарда Шоу со своим сложным своеобразным миром. Искусство актрисы тут достигло рубежей совершенства. Спектакль, поставленный режиссером Лили Иоселиани, первым приблизился к разносторонним сложным характеристикам мудрого, своеобразного английского драматурга. Впе-

чатления от спектакля тех лет сильны и поныне. В Дуллитл Меден Джапаридзе гармонично сочетались красота духовная и физическая. Тут проявилась полностью вся Медея — в стремлении к совершенству, в собственном понимании и переживании земной человеческой красоты.

К такой же гармонии она стремилась в пьесе Алехандро Касона «Деревья умирают стоя». Тут она играет вместе с такими актерами, как Верико Анджапаридзе и Георгий Шавгулидзе. Вместе с ними ее Марта-Изабелла доходит до понимания высшей истины, — что человек может умереть, но не потерять собственного достоинства.

Семейная жизнь Медеи Джапаридзе и театр были всегда взаимосвязаны. Под кровом ее дома всегда собираются писатели, люди искусства. Тут глубоко понимают и чувствуют литературу и театральное искусство, всегда гостеприимны, всегда могут разделить и радость, и горе. У муж, Резо Табукашвили, и единственный сын Медеи — Лаша — драматурги. И Медея не раз играла в пьесах и мужа, и сына. Они вместе несли свою жизнь в сложный мир литературы и театра.

Много автобиографического в пьесах Лаши Табукашвили «Старый вальс» и «Пути, ведущие к тебе» и в сценарии кинофильма «Осенний день» Резо Табукашвили, в котором главную роль исполняла Медея Джапаридзе. В «Старом вальсе» подняты проблемы взаимоотношений между родителями и детьми, проблемы нравственного выбора, мать и сын переживают, волнуются за судьбы близких им людей.

В финале пьесы Виктора Габескирия «Над пропастью» впавшая в отчаяние Тамар идет к окну, желая покончить с полной страданий и оскорблений жизнью. И в это время в ее комнату врываются мощные звуки праздничного марша победы. И вновь в несчастной матери и супруге возрождаются надежда и вера. И вновь продолжается жизнь с ее горестями и радостями, надеждой и верой в будущее.

В поставленной Гигой Лордкипанидзе пьесе «Меч Кахабера» Медея Джапаридзе сыграла роль Гулкан, и созданный ею образ исторического персонажа обрел символическое обобщение.

Медея играет и характерные комедийные роли, мешанок в водевильных ситуациях, кокетливых красоток, жадных к тряпкам и побрякушкам пустышек. Актриса иронизирует над ними, обличая мешанскую мораль и мелкие страсти («Что скажут люди», «Во дворе злая собака», «Квачи Квачантирадзе»).

И все-таки ее несравненная красота и душевные качества тяготеют в основном к высоким трагическим образам. Она создала

образы лермонтовской Нины («Маскарад»), Юдифи («Уриэль Акоста»), Клеопатры («Цезарь и Клеопатра»), леди Анны («Ричард III»). Она не считала унижительным для себя дублировать больших актеров, но никогда не копировала их, наоборот, соперничала с ними, всегда вносила свое. Так создалась целая галерея образов женщин трагической судьбы, начиная с Иокасты («Царь Эдип») и кончая драматической Анной Франк.

В жизни у нее почти не было периодов полного успокоения, удовлетворения достигнутым. Казалось бы, она многое успела за эти сорок лет — сорок ролей в театре и в кино. Но для нее характерна профессиональная неуспокоенность, она всегда полна новых идей. Медя остро чувствует неумолимое течение времени и так заряжена и зажжена, словно в первый раз должна выйти на сцену или сценическую площадку.

Путь актрисы к славе и признанию был долгим и трудным, зато пришли они к ней навечно. О ней много говорилось, много писалось. Партнерами ее много раз были выдающиеся актеры — Ростислав Плятт («Цезарь и Клеопатра»), Михаил Ульянов («Ричард III»), с которыми она выступала и на своих вечерах. Незабываемы ее озаренные поэзией вечера. Много раз была она счастлива, и много раз дарила она счастье другим.

И сегодня она такая же — неутомимая, неугомная, добрая. Время берет свое, и хотя с годами многое теряешь, но и приобретаешь немало.

Жизнь и искусство в награду за жертвенное служение, верность и исполненную доброты красоту оправдали для нее миф о Пигмалионе. Театр создал ее и полюбил. И вся ее жизнь в искусстве — свидетельство того, что «красоте не суждено умереть...»

Георгий ХУХАШВИЛИ

ЭТЮД О СИНЕЙ СКАТЕРТИ

СУДЬБА синей скатерти в Грузии оказалась трагичной: секреты ее печати были утеряны, и не осталось в живых ни одного мастера, знавшего старинное ремесло. Заглох народный промысел, который в XVIII и XIX веках был так широко распространен в Грузии. Сохранилось только несколько подлинников в музеях и частных коллекциях. Одну из синих скатертей, датированную 1808 годом, сберегла знаменитая художница Елена Ахвледиани. Какой безвестный мастер ее создал и как она попала к ней? Работа эта проста и естественна, как дыхание, в ней, как в народной песне, есть своя закономерность, и она создавалась по законам ритма и гармонии. Ничто не сдерживает полета фантазии мастера — он располагает элементы узора так, как подсказывают ему глазомер, вкус и чутье. И творческий порыв, запечатленный им, сохранился и вызывает ответное волнение.

Благородная седина старости ничуть не испортила лика синей скатерти, если позволительно так сказать о ней. Найденная и сохраненная Еленой Ахвледиани скатерть представлена теперь в экспозиции народного быта и искусства музея-квартиры художницы и радует нас неувядаемым синим цветом и композицией, составленной из разнообразных узоров, а пляшущие на ней человечки напоминают неунывающих кинто на старых улочках Тбилиси. Они очень любили синюю скатерть — тот ее вариант, который назывался багдади и без которого жизнь кинто представить невозможно. Встав поутру, он сооружал из синей скатерти подушечку, водружал ее на голову, а поверх нее удобно располагал большой деревянный поднос, — «табахи», где пестрели многоцветные дары грузинской земли.

Совершив веселый акт продажи фруктов и овощей, кинто снимал подушечку, распрямлял багдади и стелил ее на землю, а на нее укладывал хлеб, рыбу, вино, зелень — и начинался пир. Поев, он отряхивал багдади, оборачивал ее во-

круг бедер или затыкал за пояс и пускался в пляс. Танцевал он багдадури — и синяя скатерть в его руках то взлетала вверх, то плыла по воздуху, то падала на землю. И он проделывал головокружительные па, чтоб прикоснуться к ней губами и поднять ее.

В композиционном наборе мотивов узора для багдади присутствовали ложки, вилки, ножи, изображения рыб, птиц, животных и, конечно, пляшущих человечков — число вариаций было бесконечно... На тбилисских улочках прошлого века можно было встретить десятки людей, несущих «портфели» из синей скатерти. В нее заворачивали книги, еду, одежду и даже приданое невесты. Многофункциональной была любимая народом синяя скатерть. Ее очень часто использовали в быту и жители горных районов. Для них мастера создавали специальные пятиметровые скатерти, и во время храмовых праздников, поминок или других застолий их расстилали прямо на земле, ставили на них кувшины с вином и еду — и с двух сторон вокруг них усаживалось большое количество людей.

Синяя скатерть для городских жителей символизировала гостеприимство, без нее трапеза не обретала внешней завершенности, вокруг нее звенели песни и плескался смех — и трапеза становилась отсветом духовности...

Можно ли подсчитать, сколько было создано синих скатертей, если известно, что только в Тбилиси в начале века было пять мастерских? Но были еще мастерские и красильни и в других уездных городах — значит, синяя скатерть могла быть в каждом доме.

Но почему грузинам по сердцу пришлось именно скатерть и почему она была синей? Может, она появилась в трагичные для Грузии дни, когда алые, кровавые краски казались зловещими и в противоположность им засияли синие, олицетворяющие тишину, чистоту, надежду?

Давид Цицишвили, художник, исследователь, профессор, с кем я поделилась своими предположениями, решительно им противится:

— Все объясняется гораздо проще, — говорит он. — В отдаленные времена использовали белые, красные и черные краски, потому что их легче было изготавливать. А синие цвета стали употреблять гораздо позже, и этот цвет был продиктован технологией... В XVIII—XIX веках, когда синяя скатерть была в зените своей славы, все краски требовали горячего крашения. И только индиго, то есть краска, которой

исполняли синюю печать, позволяла резервировать узор резной доской — штампом — белым по синему. Печатать белым по красному было нельзя: процесс подлежал кипячению. Следовательно, мастика, которая хранила белизну узора, могла раствориться. Вообще синяя печать, то есть холодное кубовое крашение, имеет давнюю историю...

Профессор Д. Н. Цицишвили рассказывает, что вначале в Европе вместо индиго использовалась вайда, растение из семейства крестоцветных, которое росло в диком виде. В листьях вайды — синичника — находился красочный пигмент, но нужно было заготовить огромное количество сырья: из 16 кг получалось всего 35 г краски. И когда купцы стали привозить из Индокитая синий естественный краситель — индиго, неконкурентоспособная вайда уступила ему место в мастерских-красильнях.

Есть две версии проникновения холодного кубового крашения в Грузию. Первый — с Запада, второй — с Востока. Общеизвестен факт, что в XVI веке посол из Таиланда привез в Париж вручную раскрашенные ткани — батик. Красотой, оригинальностью рисунка и яркостью расцветки они поразили парижан. Батик стал моден — и вскоре в Париже, а затем по всей Европе появились мастерские по крашению тканей, и ручная набойка стала распространяться в европейских странах — Австрии, Германии, Польше, а затем в России и на Кавказе. Хотя возможен, утверждает профессор Д. Н. Цицишвили, и другой вариант — на Кавказ и в Среднюю Азию холодное кубовое крашение могло проникнуть через Иран и Афганистан. Купцы привозили индиго, открывались мастерские по крашению. Это был период, когда Ираклий II, добившись перемирия и уладив взаимоотношения с соседями, стал усиленно приглашать мастеров из разных стран. Могли приехать синильщики из Ирана или из Турции, хорошо знавшие крашение с помощью индиго. Появились печатные ткани, платки, сумки, скатерти. С годами традиционный узор менялся. Особенное распространение из-за уклада жизни и климата в Грузии получила синяя скатерть...

Ручная набойка процветала до тех пор, пока не появились ситценабивные машины. Красильные мастерские не могли конкурировать с фабриками, да и индиго в силу разных причин доставлялось все меньше и меньше — и промысел стал угасать. Но более двухсот лет он процветал и радовал глаз разнообразием синих композиций.

Набойкой тканей занимались повсеместно — и в центральных уездах России, и в Средней Азии, и на Кавказе, но синяя скатерть была явлением типично грузинским «демоником», потому что соответствовала эстетическим потребностям нации. Она была хороша и для высшего, и для среднего, и для низшего сословий, ее можно было расстелить на столе и в городской квартире, и на лесной поляне, и на обломке скалы. Она словно выявляла духовное начало в человеке и, украшая собой застолье, напоминала об этом. И так хорошо смотрелись на фоне синевы скатерти скромные керамические чаши и кувшины — словно дыхание простора заглядывало в их глубину...

Но неужели навсегда исчезла старинная «роспись» белым по синему фону? Неужели промысел невозможно восстановить? Неужели синяя скатерть не будет иметь продолжения в наши дни и навсегда прервалась эстафета мастерства?

До недавнего времени это вопросы казались неразрешимыми. Но сейчас в Главном управлении по охране и восстановлению памятников культуры был создан отдел по воссозданию народных промыслов, возглавляемый профессором Д. Н. Цицишвили, одним из крупнейших в Закавказье знатоков декоративно-прикладного искусства.

— Наша задача, — говорит Давид Николаевич, — сохранить народное декоративное искусство. Сейчас вопрос охраны народных промыслов стал явлением культуры. И, естественно, мы должны помочь народному мастеру, активному создателю этой культуры. Народный мастер создает в результате этой работы произведения, имеющие двойную ценность, — утилитарную и художественную. Не секрет, что народные промыслы пытаются подвести под промышленную основу. Нужно так построить взаимоотношения с народным мастером, чтобы не убить в нем творческое начало. Они должны стать, по крайней мере самые талантливые мастера, не механическими исполнителями, штампующими продукцию по готовым эскизам, а создателями подлинных ценностей... Наша помощь должна быть действенной. Это не просто консультация — мы будем приобретать для продажи в салонах лучшие произведения народных мастеров. Ну и, конечно, выдавать им высококачественное сырье, в частности пряжу разных цветов. Скоро вступят в строй предприятия, относящиеся к нашему управлению, на которых будут изготавливаться качественное сырье для народных промыслов.

Воссоздавая старинные скатерти и получив возможность сравнивать их, исследователи заметили, что одни и те же формы в узорах претерпевали изменения. Эта миграция форм объяснялась многими причинами. Элемент «мани» или «индийский огурец», как его называют в просторечии, на разных скатертях имеет разную форму — на одной он короткий, на другой потолще, на третьей скатерти похож на округленный завиток, на четвертой — на загнутый крючок. Естественно, мастера старались свои матрицы прятать, но поскольку скатерти у всех были на виду, их копировали, порой наспех, неумело, нередко добавляя новые элементы в известный мотив. Крупные элементы зачастую соединялись с мелкими, с фигурами людей, птиц, животных. Разнообразно использовались каемки, придающие скатерти особую выразительность...

В старину каждый экземпляр синей скатерти создавался заново как оригинальное произведение. Не было предварительной разметки узора, и эта свобода в построении композиции позволяла мастеру вдохновенно творить. Так вырабатывались характерные особенности грузинской скатерти, которая не походила ни на европейские, ни на среднеазиатские.

— А каким образом ведется возрождение синей скатерти?

— Делать это непросто, — отвечает Давид Николаевич. — В Грузии не только нет ни одного мастера по холодному кубовому крашению, но не сохранились матрицы, или штампы, которыми они пользовались. Есть только несколько подлинников синих скатертей в музеях, ценность которых с каждым годом возрастает. Перед нами стоит задача повторить старый процесс, найдено несколько рецептов, но они зашифрованы, и эту тайнопись следует раскрыть. Не разгадан и секрет мастики. Кстати, она была изобретена поздно: когда красили вайдой, узор не печатали, потому что мастика тогда не была придумана. Итак, мастика, которая резервирует белый узор, по нашему предположению, представляет смесь четырех химических веществ. Но каких? И как определить их дозировку? В рецептах используются алхимические термины, и нужно изучить историческую химию, чтобы их расшифровать...

— Значит, решая вопрос возрождения исчезнувшего промысла, вы прежде всего должны воссоздать весь технологический процесс?

— Многое уже нам известно, — продолжает рассказывать профессор Цицишвили. — Мы знаем, что процедура при-

готовления куба для крашения синей скатерти продолжалась несколько дней. Вначале из растений методом выпаривания готовили экстракт. Он не растворялся в воде, поэтому туда добавляли серную кислоту, затем для нейтрализации — известь. В получившийся желтый раствор опускали новое вещество для брожения — и все это выливали в куб или бак. Раствор синильщики должны были использовать сразу, поэтому они заранее набирали заказы «на полный куб». Первые выкрашенные ткани имели насыщенный темно-синий цвет, но постепенно тон светлел, и те ткани, которые красили последними, были голубыми.

— Значит, вы будете в точности повторять технологию средневековых мастеров?

— Процесс печати будет вестись на более высоком техническом уровне, мы ведь располагаем гораздо большими возможностями. Например, мы можем выкрасить всю скатерть в синий цвет, а потом обесцветить раствором то место, где должен быть белый узор. Можем печатать синий узор на белой ткани. О такой печати мастера раньше и мечтать не могли...

— Сейчас уже выпускается синяя скатерть... Какое она имеет отношение к старинному народному промыслу?

— Те скатерти, которые появились в продаже, выполнены методом шелкографии, или фотофильмпечати. На них только один рисунок, и поэтому все скатерти неизбежно повторяют друг друга — это, так сказать, ширпотреб, который должен удовлетворять массовый спрос. Мы же будем выпускать синие скатерти, которые станут печатать вручную. Их будет немного, и смогут их приобретать музеи, коллекционеры, любители народного искусства — большой тираж понизит желание обладать ими. Изготавливать их будет обученный нами народный мастер по средневековому принципу: вручную, чтобы рисунок на каждой скатерти был оригинальным, чтобы каждая скатерть отличалась от другой, радовала гармонией линии и цвета и стала уникальной в своем роде...

...Какой фон больше всего преобладал в неповторимом грузинском колорите? Сквозь нежную зелень деревьев, дымчатый цвет лозы и карминный отсвет гор с кипенно-белой папайхой снега на вершинах пробивается и уходит в перспективу простора синева.

Синяя скатерть смотрится в свете наших современных представлений о красоте, она как бы помогает увидеть перспективу роста духовного самосознания. Духовная красота

проявляется прежде всего через общность людей — и как тут не вспомнить, чем была в прошлом для грузин синяя скатерть? Она и сейчас может способствовать соприкосновению душ. Ведь люди собираются вокруг синей скатерти не просто чтобы вкушать дары природы, положенные на нее, но и чтобы воспарил над ней дух товарищества, братства, человечности...

ХРОНИКА

В декабре состоялось очередное заседание Совета по грузинской литературе под председательством Е. Евтушенко, посвященное творчеству Гурама Дочанашвили. Главный редактор журнала «Литературная Грузия» Р. Миминошвили в своем докладе отметил, что творчество Г. Дочанашвили занимает в современной грузинской литературе особое место, обратил внимание на своеобразие языка прозы писателя, снискавшего в последние годы заслуженную популярность. «Как сказать правду, какую форму ей придать, вот, на мой взгляд, то главное, что волнует Гурама Дочанашвили», — отметил заместитель главного редактора журнала «Дружба народов» А. Руденко-Десняк. О философской глубине романа «Одарю тебя трижды» говорил критик В. Оскоцкий, подчеркнувший виртуозное владение писателем арсеналом художественных средств и подлинным мастерством композиции. На теме творческого слова и теме созидания остановился в своем выступлении поэт, переводчик, литературовед В. Микушевич. Самобытность манеры Г. Дочанашвили, свободу выбора художественных средств подчеркнул прозаик Владимир Орлов.

Интересные соображения высказал К. Имедашвили в связи с новым рассказом Г. Дочанашвили, опубликованном в журнале «Мнатоби». Он назвал эту вещь одновременно как бы подводящей итоги и служащей отправной точкой для новых свершений.

Об удивительном, своеобразном юморе писателя говорил И. Богомолов. Он же призвал критику не отставать от новейших достижений грузинской прозы, четко отражать текущие процессы. В частности, добавил И. Богомолов, критика наша в долгу и перед Г. Дочанашвили.

Острые и животрепещущие вопросы современной прозы вообще и прозы Г. Дочанашвили в частности затронули в своих выступлениях В. Козский, Г. Корнилова, А. Латынина, Вл. Леонович, М. Синельникова. О судьбе книг Г. Дочанашвили на русском языке рассказала переводчица Э. Джалишвили, чья работа была высоко оценена многими выступавшими.

Итоги обсуждения, поистине серьезного и плодотворного, подвел Евгений Евтушенко. Проза Г. Дочанашвили, сказал он, — весомый вклад не только в грузинскую и советскую, но и в мировую прозу.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ЗА 1986 ГОД

Навстречу XXVII съезду КПСС

- ЛАБАРТКАВА Т. Программа коммунистического созидания в мире. I, 123.
ОСИНСКИЙ В. Честность. II, 101.
ШАРОЕВА Т. Коммунистическая партия и литература социалистического реализма сегодня. I, 137.

Грузинская литература от съезда к съезду

- МИМИНОШВИЛИ Р. Стимулировать духовную активность. IV, 137.

Из революционного прошлого

- АНДРЕЕВ А., ГУРО И. Курнатовский в Тифлисе. VIII, 18.
ДЗИДЗАРΙΑ Г., ЛЕЙБЕРОВ И. Осужден: по обвинению в большевизме. II, 172.
ЛЕЙБЕРОВ И. Осужден: по обвинению в большевизме. II, 172.

Публицистика

- ГРИГОЛИЯ Р. В порядке эксперимента. VIII, 13.
Демурханашвили С. «Председатель». XII, 131.
ДЖАПАРИДЗЕ Р. Мцхетская тайна грузинской лозы. I, 148.
РЕХВИАШВИЛИ И. Сверяясь с Лениным. III, 151.
ХЕРГИАНИ М. Гардабани в призме фактов. VI, 113.

Поэзия

- АБАШИДЗЕ Г. III, 3; XI, 29.
АРАБУЛИ Б. XII, 127.

- БАЗАДЗЕ И. I, 3.
БОСТАНДЖЯН А. I, 114.
ВАЧНАДЗЕ Ю. VI, 102.
ГАГУА Х. VII, 5.
ГРИШАШВИЛИ И. V, 3.
ГУБЛИА Г. II, 99.
ГУРГУЛИА Б. I, 119.
ДАДИАНИ И. VII, 110.
ДАУШВИЛИ Т. III, 62.
ДЖАНЕЛИДЗЕ Д. III, 55.
ДЖАЧВАДЗЕ И. III, 59.
ДЖУЛУХИДЗЕ Г. V, 16.
ЕВТУШЕНКО Е. VII, 3.
ЕРЕМЕНКО В. VIII, 10.
ИВАРДАВА Д. IX, 114.
ИСАЕВ-АВАРСКИЙ А. VII, 112.
КАЛАДЗЕ К. VIII, 3.
КВИТАИШВИЛИ Э. VIII, 7.
КЕРДЗЕВАДЗЕ Э. III, 122.
КУХИАНИДЗЕ З. II, 40.
ЛЕОНИДЗЕ Г. IV, 3.
МАЧАВАРИАНИ М. VI, 3.
МИНДАДЗЕ Б. II, 96.
НАДАРЕИШВИЛИ Л. VII, 106.
НИКАБАДЗЕ Д. IX, 51.
НИШНИАНИДЗЕ Ш. II, 3.
ОНАНЯН Г. VI, 98.
ПОРЧХИДЗЕ Ш. VI, 10.
ПОЦХИШВИЛИ М. XII, 19.
ПШАВЕЛА В. X, 3.
РИЖИНАШВИЛИ У. I, 64.
СОПРОМАДЗЕ Н. III, 64.
ТАРБА И. XII, 23.
ХАЛВАШИ Ф. IX, 4.
ХАРАНАУЛИ Б. V, II.
ХАРЧИЛАВА В. IV, 62.
ХОДАШНЕЛИ Ш. IV, 2.
ЧАРКВИАНИ Д. I, 3.
ШАНШИАШВИЛИ С. IX, 3.

Проза

- АВАЛИАНИ Л. Деревянная ложка. V, 4.
БЕРУЛАВА Х. Мысли в пути. IX, 8.
БРЕГВАДЗЕ Л. Рассказы. V, 18.

- БУАЧИДЗЕ Т. Исповедь, или профессор Сордиа. VIII, 33.
 ГЕРДОВ К. Сладкое ложе орешников. VI, 104.
 ГОГОЛАДЗЕ Т. Человек человеком жив. II, 7; III, 5.
 ГРИГОЛИЯ Г. Рассказы. VII, 114.
 ДЖАПАРИДЗЕ Р. Чанга. XII, 3.
 ДОЧАНАШВИЛИ Г. Земля и Вану и бук, дерево. IV, 5.
 ИНАНИШВИЛИ Р. Рассказы. X, 10.
 ЛЯТОШИНСКИЙ Н. Чито, гврито. V, 102.
 МИШВЕЛАДЗЕ Р. Новеллы. IV, 68.
 ПЕТРИАШВИЛИ Г. Сказки. I, 64.
 РАТИШВИЛИ Г. Малая повесть о России. III, 131; IV, 115.
 РИЖИНАШВИЛИ У. Из «Мартвисских рассказов». IX, 55.
 СКЛЮТАУСКАС И. Рассказы. IX, 118.
 СУЛАКАУРИ А. Белый конь. VI, 14; VII, 14.
 ТАБАТАДЗЕ К. Воспаление. XI, 112.
 ТИХОНОВА Л. Одна. III, 124.
 УРДЖУМЕЛАШВИЛИ В. Дети-матери. V, 63.
 ХЕРГИАНИ М. Тигр скал. X, 86; XI, 34; XII, 27.
 ХОРГУАШВИЛИ Г. Рассказы. IX, 19.
 ЦОЦКОЛАУРИ М. Старый холостяк. IX, 91.
 ЧЕЛИДЗЕ Л. Там, на отдаленной планете... или Тринадцать бросков из жизни Артема Гаспарова. II, 44; III, 66.
 ЧХЕИДЗЕ О. Рассказы. I, 8.
 ЧХИКВАДЗЕ В. Рассказы. XII, 99.
- Критика и литературоведение**
 АБАШИДЗЕ И. Образец истинной литературы. X, 145.
 АЛИХАНОВ С. Стоя на земле. II, 147.
 АНДГУЛАДЗЕ Л. От портре-
- та к сонету. VI, 175.
 АХВЕРДЯН Р. Забытые страницы запрещенного романа. IV, 170.
 БАРАМИДЗЕ А. Марр-руствелолог. II, 121.
 БАРНОВ Г. Душа ждет предела. III, 175.
 ГАВАШЕЛИ Г. Великий патриот. V, 149.
 ГАЧЕЧИЛАДЗЕ Г. Пересекающиеся параллели. IV, 148; Из истории духовного опыта VI, 144.
 ГАЧЕЧИЛАДЗЕ З. Чосер звучал по-грузински. VI, 170.
 ГВЕРДЦИТЕЛИ Г. Сердце, полное солнца. IX, 151.
 ГИГИНЕИШВИЛИ М. Древнейший памятник грузинской литературы. XII, 161.
 ГИГОЛОВ Г. Всегда современник. III, 193.
 ДЖАШИ Н. Эстетика как наука. I, 185.
 ЕРЕМЕНКО В. Формула оригинала. XII, 167.
 ИМЕДАШВИЛИ К. Незаконченная беседа. VI, 151; «Говорить буду правду...». XII, 138.
 КОБИДЗЕ Р. Еще раз о трагическом. III, 159.
 КОВДА Д. Писатель и его герои. I, 161.
 КШОНДЗЕР М. «Талант есть чудо неслучайное». XII, 185.
 ЛАКОБА С. Отражения в маленьком зеркале. V, 201.
 ЛОСЕВ А. Слово о грузинском неоплатонизме. VI, 136.
 МАМЕДОВ Ш. Страницы дружбы. II, 159.
 МАРГВЕЛАШВИЛИ Г. Критический диптих. XI, 150.
 МЕРКВИЛАДЗЕ Г. Лирический монолог о дорогах и днях. X, 149.
 ПОЛТАВЦЕВА Н. Слово и камень. V, 139.
 СКОБЕЛЕВ А., ШАУЛОВ С. Менестрели наших дней. IV, 154.

СТУРУА Л. «И девичий скелет сквозит в быке убитом». XI, 183.

ТУХАРЕЛИ Д. Предмет исследования — грузинское стихосложение. VI, 164.

ФАЛИЛЕЕВА А. Страницы прошлого. IX, 178.

ЦАЙШВИЛИ С. Николай Яковлевич Марр. II, 129; Наследники богатых традиций. V, 3.

ЦАНАВА А. Метафора луны в романах «Похищение луны», «Тутарчела» и «Дата Тутарчела». II, 139.

ЦХОВРЕБОВ Н. Перевод — двойник оригинала. II, 150.

ЧЕРЕДНИЧЕНКО В. Аспекты изучения времени в литературном произведении. I, 178.

ЧИЛАДЗЕ Т. Предвестие весны. VII, 138; VIII, 142.

ЧИКОВАНИ Н. Вклад русских ученых. XII, 177.

ЧИХЛАДЗЕ Н. «Ныне я, к счастью, не одинока...». V, 163.

ЧХАРТИШВИЛИ А. Писатель и его герои. I, 161.

ШАРОЕВА Т. Я прошел над Алазанью. VIII, 182.

Проблемы зарубежной культуры

БИБИЛАШВИЛИ А. Время и его творческое осмысление. IV, 182.

ЖОРДАНИЯ С. «Кентавр»: миф, метафора, реальность. VIII, 192.

КАРУМИДЗЕ З. Мифопоэзия и музыкальное формотворчество. IV, 189.

Диалог: писатель и читатель

БУАЧИДЗЕ Т. Исповедь по поводу «Исповеди». X, 158.

Рецензии

БЕРУЧАШВИЛИ Н. Новый словарь по искусству. VI, 193.

БИРЮКОВ С. Дорога поэзии. II, 167.

БОГОМОЛОВ И. Изучаются межнациональные литературные общения. IX, 201.

БАХТАНГАДЗЕ В. Чистые звуки саза. VIII, 207.

ГВЕРДЦИТЕЛИ Г. Кривое зеркало. VII, 196.

ЕЛИГУЛАШВИЛИ Э. Выбор и путь. III, 209; Феномен нормы. XI, 196.

ЗЛАТКИН А. Поле доброты. II, 164.

КОЛЛИ И. Кто здесь хозяин? VI, 190.

МИРОШНИЧЕНКО В. Суровая муза. III, 213.

МХИТАРЯН А. Нерасторжимый союз братских сердец. III, 214.

НИКОЛАДЗЕ В. Природе только соразмерно. VII, 191.

НОВИК В. Подарок грузинского мариниста. II, 170.

ОЗЕРОВ Л. Тропа в страну поэзии. VIII, 204.

ОРАГВЕЛИДЗЕ Г. Копилка памяти. IV, 185.

РАЗМАДЗЕ М. Тебе, о Грузия! IX, 205.

РАЗГОН Л. Поэт о поэте. X, 211.

САРИШВИЛИ В. Каждой весной. VII, 194.

ЦЫБИНА Б., Белка и сверчок. X, 210.

ЦХОВРЕБОВ Н. Немеркнувший свет любви. VI, 185.

ЮДКОВСКАЯ Е. Сплетение судеб. XI, 201.

Документы. Письма. Воспоминания

АМБАРОВА Т. Свидетель времени. IV, 203.

БОГОМОЛОВ И. Эрудированность, доброжелательность, скромность. X, 203.

ДЖАПАРИДЗЕ М. Дорогой нашему сердцу дом. V, 183.

ЗЕМЛЯКОВА О. Письма из страны детства. IX, 185.

МЖАВАНАДЗЕ В. От Пулкова до Праги. II, 208.

- МИРЗОЯН Н. Два письма Юрия Марра к Иосифу Гришавили. VIII, 199.
 САРИБЕКОВА Л. Свидетель времени. IV, 203.
 ТРИУС И. Живут книги, живут ученики. VIII, 196.
 ХУЦИШВИЛИ С. Верность грузинской литературе, верность дружбе. V, 189.

Искусство

- БАХТАДЗЕ И. Все грани новой жизни. VI, 196.
 БЕРУЧАШВИЛИ Н. Главная тема — народный подвиг. V, 210.
 ДИМИТРИАДИ Н. На чем играли наши предки. VI, 207.
 ДУЛАРИДЗЕ Л. «Влиятельное искусство кино». VIII, 210.
 ЗЛАТКЕВИЧ Л. Талант, отданный народу. X, 215.
 КУЗНЕЦОВ Э. Живопись Дарико Беридзе. IV, 219.
 МОЛДАВСКИЙ Д. Встреченное сердце художника. XI, 205.
 ПИЧХАДЗЕ М. По велению Сорок лет на сцене. Г. Гегечкори, Н. Гурабанидзе, Г. Хушавили о М. Джапаридзе. XII, 204.
 СОФИАНИДИ М. Эюд о синей скатерти. XII, 214.
 ТОРАДЗЕ Г. Мэтр грузинской музыки. IX, 207.
 ФАЛИЛЕЕВА А. Чацкий в Тифлисе. VII, 207.

- ФОМЕНКО Л. Роскошный грузинский бас. V, 215.
 ХАРИТОНОВ В. Взаимосвязь видов и жанров в современном искусстве. I, 212.
 ХЕТЕРЕЛИ Ц. Любовь к человеку. XI, 219.
 ХОЛЯВКО Н. Вдохновенная музыка «Витязя». VII, 199.

Наука

- БУЯНОВ М. Некоторые уроки. II, 191.
 НОДИА Г. О феномене национального. X, 188.
 РОССОХА Л. Следы грузинского поселения XVII—XIX веков на карте Украины. I, 200.

К 100-летию со дня рождения
 Г. К. Орджоникидзе

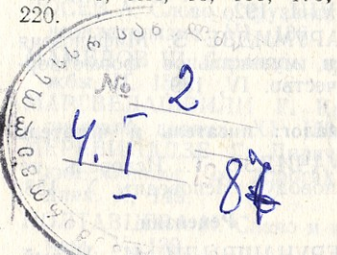
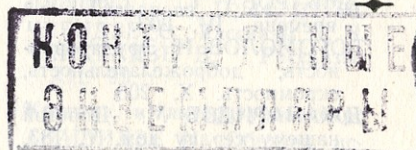
- ИРЕМАДЗЕ А. Под руководством Кавбюро и лично товарища Серго. X, 162.
 РЕХВИАШВИЛИ С. Друг горцев. X, 179.
 СЕХНИАШВИЛИ Е. Дар творца. IX, 215.

Памяти

Арнольда Чикобава
 Патриарх кавказоведения. V, 174.

Хроника

- I, 224; II, 163, 224; III, 223; IV, 195, 224; V, 222; VI, 9, 222; VII, 222; VIII, 223; IX, 204, 205, 224; X, 9, 148, 224; XI, 224; XII, 18, 166, 176, 220.

Сдано в набор 28.X.86 г. Подписано к печати 16.XII.86 г. Формат 84×108^{1/32}. УЭ 07010. Высокая печать. Печ. л. 7,0 — усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 6.000. Заказ 2483. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

Главный редактор — РОМАН МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

РЕЗО АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора), ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ, РЕВАЗ АСАЕВ, ХУТА БЕРУЛАВА, ИГОРЬ БОГОМОЛОВ, ТЕНГИЗ БУАЧИДЗЕ, ХУТА ГАГУА, АЛЕКСЕЙ ГОГУА, ЭДУАРД ЕЛИГУЛАШВИЛИ, ВИКТОРИЯ ЗИНИНА (ответственный секретарь), ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ, СЕРГЕЙ СЕРЕБРЯКОВ, ЛИЯ СТУРУА, СЕРГИ ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

26-86

ИНДЕКС 76117

87-2

